Жизела Сильва Энсина

КАЗАК М.С. КРАСНОВ
ПЛЕННИК ЗА СЛУЖБУ ЧИЛИ

Еланский Мемориал
"Донские казаки в борьбе с большевиками"
2010

© Gisela Silva Encina, Miguel Krassnoff, Prisionero por Servir a Chile, Santiago: Editorial Maye LTDA, 2008.
© Издание Мемориала «Донские казаки в борьбе с большевиками».
Литературная обработка С.Ю. Василенко.

ОТ РЕДАКЦИИ

В чилийской тюрьме уже почти 6 лет находится Михаил Семёнович Краснов-Марченко - сын генерал-майора Семёна Николаевича Краснова и потомок атамана Петра Николаевича Краснова, которые были казнены в Москве в 1947 году по приговору сталинского трибунала. К сожалению, Михаил Семёнович на новом витке истории тоже стал объектом преследования, но уже со стороны чилийских властей левой ориентации. Перспективы выхода на свободу у Михаила Семёновича невелики – один за другим накатываются на него всё новые и новые судебные процессы. Сейчас он отбывает пятнадцатилетний срок. Осталось 9 лет - это очень и очень немалое время. Но в запасе у чилийской юстиции ещё есть не менее 60-ти (!) дел, приговоры по которым не вынесены. Даже последние президентские выборы, когда к власти в Чили пришел представитель правой коалиции (после многолетнего засилья левых президентов и правительств), кардинально не изменили ситуацию – влияние левых кругов в стране настолько велико, что рассчитывать на какие-то благоприятные для Михаила Семёновича перемены пока очень трудно.

Почему же именно Краснов стал объектом столь мощной атаки со стороны всей «прогрессивной» общественности Чили (да и некоторых других стран мира тоже) и современной чилийской юстиции, которая стала оружием этой атаки? (Хотя количество подтасовок и злоупотреблений в процессах Краснова-Марченко делает термин «юстиция» по отношению к чилийским следствию и суду малоприемлемым).

Сыграла ли здесь роль громкая фамилия – Краснов? Несомненно. Люди, противостоявшие Краснову-Марченко в Чили в период кризиса 70-х гг., учились революции по произведениям - кто Ленина, кто Троцкого, а зачастую просто по советским учебникам. Так что фамилия Краснов была для них символом чего-то враждебного и контрреволюционного.

Конечно, эти люди также прекрасно запомнили Краснова, как человека, захватившего 11 сентября 1973 года личную резиденцию президента-социалиста Сальвадора

Альенде («успешно» приведшего по советским рецептам страну к этому моменту к хаосу, развалу экономики, нехватке продовольствия), а затем как начальника охраны генерала Аугусто Пиночета в 1973 – 1974 гг., т.е. в самые решающие годы борьбы с левацким террористическим подпольем.

Но дело не только в этом. И даже не в том, что, будучи офицером DINA (Национального разведывательного управления), именно под руководством Краснова-Марченко была разгромлена самая зловещая и опасная террористическая организация - MIR (Левое революционное движение), созданная еще в середине 60-х годов в рамках проекта Че Гевары и Кастро по раздуванию революционного пожара в Латинской Америке. Эта организация безнаказанно действовала многие годы, но благодаря прекрасной аналитической работе Михаила Семёновича и его личному мужеству в схватках с террористами, в середине 70-х она практически перестала существовать.

Есть еще один важнейший момент, который предопределил эти многолетние преследования, завершившиеся торжеством лже-»правосудия» – Краснов никогда никого не боялся и шел в бой и на операции, никогда не пряча своего лица и не скрывая своего имени. Даже допрос захваченных террористов он начинал, представляясь по всей форме, хотя понимал, что рискует из-за этого жизнью. Поэтому некоторые из его бывших врагов, в конце концов, вынуждены были признать, что он вел себя всегда исключительно благородно и по-рыцарски.

Вот именно этот факт больше всего бесит его врагов из коммуно-социалистического лагеря – они не могут найти никаких изъянов в его поведении, но согласно их теориям «контрреволюционер» не может быть честным и благородным человеком. Признать свою неправоту для них невозможно, поэтому и обрушился на Краснова поток клеветы и совершенно бредовых домыслов, распространяемых по всему миру не только левацкой, но и либеральной прессой. Увы, либералы, которые вполне довольны реформами Пиночета и пользуются их плодами - собственно тех, кто обеспечил эти успехи, брезгливо сторонятся и стараются, подстраиваясь под господствующие ныне в Латинской Америке левые взгляды, вычеркнуть из истории. Хотя вроде бы должны понимать, что если бы не чилийская армия во главе с Пиночетом, совершившая то, что не удалось в свое время генералу Корнилову в 1917 году, то страна бы совершенно неотвратимо оказалась вовлечена в пучину «красного террора» в которой исчезли бы и эти все «прекраснодушные» либералы-гуманисты. Но благодарности от этих людей, видимо, не дождаться…

Именно поэтому – из-за его благородства, несгибаемости и непримиримостисо злом, которое несет коммунизм - личность Краснова вызывает такую ненависть. И он, человек, который был во время событий 1973-1974 года всего лишь лейтенантом, сейчас подвергается суду наравне с тогдашними генералами, бригадирами и полковниками.

К сожалению, сейчас мы можем оказать Михаилу Семёновичу только моральную поддержку. И остается только верить, что правда восторжествует. Одним из шагов для того, чтобы приблизить этот момент, должен стать выход на русском языке данной книги, посвященной его судьбе. Написана оначилийской исследовательницей Жизелой Сильва Энсина и ранее несколько раз переиздавалась в Чили, вызвав большое внимание читающей публики. Идея о необходимости её издания на русском языке появилась давно, но длительное время по ряду причин осуществить это никому не удавалось. Но сейчас книга всё-таки пришла к отечественному читателю.

В России это первая работа, в которой подробно рассмотрена не только трагическая предыстория появления семьи Красновых-Марченко в Чили, которая началась в Лиенце, но и военная карьера Михаила Семёновича, важнейшей вехой которой стала антикоммунистическая революция 1973 года и последовавшие за ней годы борьбы с левацким терроризмом. Подробно освещены и дальнейшие события, когда после возвращения к власти левых и связанной с этим вынужденной отставки, Михаил Семёнович стал подвергаться нескончаемой череде преследований, приведших его в тюрьму. Лучше всего этот этап охарактеризовал он сам: «Мы все – участники революции 1973 года – затравлены, оскорблены, унижены и подвергаемся репрессиям только из-за того, что избавили страну от марксистской чумы. Ложью, хитростью и интригами сегодняшние марксисты извратили исторические факты, представив революцию «военным мятежом». Несмотря на обвинения, я сохраняю бодрое настроение и непоколебимую веру в Бога. Никогда гнусные личности, которые насиловали Чили, не покорят меня! Я солдат и казак и горжусь тем, что сделал в жизни, нося мундир офицера чилийских сухопутных сил!»

Несмотря ни что, на любые испытания, он остался тем, кем был изначально и кем были его предки – рыцарем Белого антикоммунистического движения, человеком чести и совести.

С.Ю. Василенко
Музей антибольшевистского сопротивления
г. Подольск

Посвящается
Марии де лос Анжелес Басса де Красснофф

ВСТУПЛЕНИЕ

На склонах Анд, в Сантьяго, лишённый свободы с 2005 года, находится бригадир чилийской Армии Михаил Семёнович Краснов, приговорённый к 15-ти годам тюремного заключения за своё предполагаемое участие в исчезновении четырех террористов между 1973 и 1975 годами – в наиболее трудное время в битве за восстановление Чили. В то время этот офицер был в звании лейтенанта.

Я познакомилась с ним, когда он ещё пользовался относительной свободой, хотя, как и многие его товарищи по оружию, уже более 20-ти лет жил в постоянных походах по судам Сантьяго. По капризам различных «служителей закона», он периодически проводил некоторое время под арестом, а остальное на свободе.

Сейчас я не буду вести речь ни о процессах, ни о приговорах бригадира Краснова.

В своё время мы всесторонне рассмотрим эту тему.

Но, для начала, хочу рассказать о моём знакомстве с Михаилом Семёновичем и об основной идее этой книги.

Много лет назад, во времена апогея мирового господства Советского Союза, чтение произведений Солженицына убедило меня, что феномен коммунизма является чемто безгранично более сложным, вопреки поверхностной оценке общественного мнения Запада.

В последующем я углубилась в изучение этой темы и в двух небольших работах рассмотрела (и осудила) некоторые аспекты коммунизма, на мой взгляд, наиболее игнорируемые у нас. Эти исследования позволили мне глубже ознакомиться с историей Советского Союза.

Раз за разом в этой истории мне начала встречаться фамилия Краснов. Я убедилась, что эта фамилия фигурирует в истории России со времен Екатерины Великой. Но в XX веке она имеет трагическое звучание: двое из Красновых повешены в Москве, третий умер от голода в Дубровлаге, четвертый убит в Буэнос-Айресе. В конце концов, я встретилась, но уже не в истории, а в реальной жизни, с другим

Красновым – слава Богу, живым – и находящимся в рядах чилийской Армии.

Но я не знала до того, как с ним познакомилась, что этот Краснов выжил исключительно под явным знаком Божественного Провидения. Но, в тоже время, он всегда жил под угрозой общественного осуждения. Ведь в настоящее время коммунизм во многих странах уже не может так легко, как раньше, вешать, убивать и приговаривать к голодной смерти. Но взамен, он в огромной степени увеличил своё влияние другим путём - уничтожая противостоящих ему людей с помощью оскорблений, клеветы и откровенной лжи, которые распространяются по всему миру. А так как именно в Чили коммунизму не позволили сыграть свою кровавую роль, то здесь есть много тех, с кем он сводит счёты.

Бригадир Краснов, как и другие преследуемые, расплачивается за всех нас.

Это является одной из причин, по которой я решила написать эту книгу. Как чилийка, я чувствую себя морально ответственной за его трудную судьбу.

Другая причина имеет историческую подоплёку - борьба и трагическая гибель родных этого офицера нашей Армии заслужили быть более известными. Это часть другой, очень мрачной главы современной истории, которая, несмотря на работы нескольких современных исследователей, до сих пор остается запретной.

Было бы наивно с моей стороны не предположить, что и эта моя скромная книга тоже будет окружена молчанием. Но это неважно.

Для каждого христианина является моральным долгом предоставить свидетельство о правде. И в наше время этот долг нужно выполнять, подобно труженику-сеятелю. Неважно, какая часть семян даст ростки – важно сеять. Неважно, сколько людей прочтет эту книгу – важно оставить след. Кто-то продолжит этот труд.

Урожай будет не наш. Это, слава Богу, в руках более высоких и более могущественных, чем человеческие руки.

Жизела Сильва Энсина

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ВОЕННАЯ КАСТА

ФАМИЛИЯ КРАСНОВ

Корни рода Красновых уходят в глубь веков – издревле они были донскими казаками. Но особенно прославились Красновы в период Российской Империи. Первым из этого рода стал генералом Иван Козьмич Краснов, родившийся в станице Букановской в 1752 году - его блестящая военная карьера продолжалась в царствование Екатерины Великой, Павла I и Александра I и закончилась на поле битвы геройской гибелью во время Отечественной войны 1812 года.

С 18 века Красновы принимали активное участие во всех войнах, которые вела Российская Империя - в Семилетней войне, в войне против Наполеона, в войнах против турок, в войне против Японии, в Первой мировой войне и в других военных конфликтах.

В период, более близкий к нашему времени, олицетворением этой семьи является легендарный человек - атаман Пётр Николаевич Краснов, родившийся в Санкт-Петербурге в 1869 году. Не только блестящая военная карьера, но и талант писателя, публициста, заслуги путешественника – все это превратило его уже в молодости в заметную фигуру русского общества. Мы не будем здесь приводить список должностей, назначений и награждений Петра Николаевича – все это есть в архиве Михаила Семёновича Краснова-Марченко, его двоюродного внучатого племянника. (Михаил Семёнович, его дети и внуки – единственные на сегодняшний день родственники прославленного атамана). Только упомянем, что Пётр Николаевич служил на протяжении 23-х лет в Лейб-гвардии казачьем полку. Проявил себя как блестящий боевой командир в Первой мировой войне, когда был награжден орденом Святого Георгия 4-ой степени – высокой наградой Российской Империи для генералов и офицеров, которые отличились не только командуя войсками, но и проявили исключительное личное мужество на службе Родине. Эта награда может считаться эквивалентом медали «За Мужество», существующей в Чили и имеющей схожий статут.

С началом большевистской революции генерал-майор Краснов одним из первых выступил на борьбу с коммунистами, узурпировавшими власть.

Коммунисты для удержания власти над огромной территорией бывшей Российской Империи начали длительную гражданскую войну (1918-1922), в которой генерал Краснов принял самое активное участие. В то же время, многие важные детали этой войны оказались позабыты за период советского правления, в первую очередь потому, что победивший коммунизм, переписывая историю, убедил весь мир, что этой войны не существовало и что Ленину достаточно было свергнуть Временное правительство в Петрограде, чтобы все народы бывшей Империи признали его как нового правителя. На самом деле коммунизм встретился с жестоким противостоянием. Солженицын, отмечал, что генерал Краснов был первым, кто не признал Ленина и направил свои отряды на Пётроград уже на следующий день после октябрьского переворота. Но к тому времени разложение армии под влиянием агитации большевиков достигло и 3-го Конного корпуса Краснова, поэтому эта первая попытка не увенчалась успехом.

Гражданская война стоила миллионов невинных жизней. От красного террора погибали самые разные люди - крестьяне, отказывающиеся отдавать свои урожай государству, православные верующие, вставшие на защиту своих церквей и священнослужителей, люди, обладавшие какой-либо собственностью, в т.ч. совсем незначительной, и многие другие.Ну и, конечно, казаки, которые в массовом порядке противостояли коммунизму, пришедшему разрушить их свободы и традиции. Иначе быть не могло, ибо казаки были единственным демократическим народом во всей России. Они сами выбирали своих атаманов, кроме самого главного – Войскового атамана, который назначался Императором. (Но в 1917 году, после Февральской революции, Войскового атамана, как в старину, снова стали выбирать). Несовместимость между свободолюбивой душой казаков и коммунизмом была всем очевидна. Казачество было большой силой – это около пяти миллионов человек. Общее число погибших в этой борьбе неизвестно, но по некоторым оценкам, к концу вооружённых столкновений казаки потеряли от 300.000 до 500.000 человек. (Не считая тех, кто вынужден был навсегда покинуть родную землю и уйти в эмиграцию).

Как уже говорилось выше, в ноябре 1917 года, командуя 3-м Конным корпусом, Краснов впервые противостоял отрядам Красной Гвардии. Но в районе Пулкова он вынужден был пойти на перемирие с большевиками (ввиду крайней малочисленности своих сил), а во время переговоров был обманом взят ими в плен. Но красные, опасаясь в то время, когда их власть ещё не укрепилась, всеобщего возмущения казачества, отпустили генерала. Краснов направился на Дон, где и был избран атаманом Всевеликого Войска Донского. Пётр Николаевич был не только блестящим офицером – кроме этого он был и государственным человеком. Он пришел к выводу, что силы белых, немногочисленные на тот момент, и разбросанные по огромной российской территории, не смогут устоять перед превосходящими силами красных, которым удалось своими лживыми лозунгами ввести в заблуждениеогромное количество русских людей. А в лице донского казачества он имел твердую точку опоры. Исходя из этого, он сформировал не только свою вооружённую силу - Донскую Армию – но и создал Всевеликое Войско Донское – казачье государство, со своей конституцией, правительством и другими административными органами. Следует отметить, что его планы не являлись сепаратистскими. К этому вела логика борьбы – Краснов предвидел, что она будет многотрудной и длительной. Он считал, что если в качестве первого шага удастся победить коммунизм на Дону, то появится путь для освобождения и восстановления подлинной России.

Между тем, с огромными усилиями, пользуясь всеобщей поддержкой казаков, он восстановил нормальную жизнь на территории Войска - открылись школы, военные учебные заведения, заработали заводы и фабрики – наладилась экономическая жизнь. Прочная экономика стала важным фактором блестящих военных успехов. К сожалению, другие лидеры белых не спешили поддержать успехи Краснова и донскогоказачества. Руководствуясь личной неприязнью к атаману и преследуя цель сосредоточения всей полноты власти в своих руках, они отказывали Краснову и казакам в любой помощи. Не брезгуя при этом любыми грязными средствами, дабы подорвать силы казачества, и, соответственно, нанести удар по авторитету атамана Краснова. Такая недальновидная политика по отношению к казакам, в конце концов, привела к поражениям – и не только Донской армии периода атаманства Краснова, но и в дальнейшем - в гражданской войне вообще.

Атаман Краснов подал в отставку с поста Войскового атамана и отправился в Северо-Западную армию генерала Юденича, а после завершения боевых действий на этом фронте эмигрировал из России, но казаки о нём не забывали никогда.

В сопротивлении большевизму также отличился двоюродный племянник атамана – Семён Краснов, родившийся в 1893 году в Хопёрском округе. Он тоже до революции, как и Пётр Николаевич, служил в Лейб-гвардии казачьем полку, а в последующем принял участие в борьбе против большевиков.

К сожалению, Запад не противостоял с должной энергией катастрофическому распространению коммунизма. Попытки стран Антанты вмешаться в происходящее в России в форме интервенции не принесли сколько-нибудь значимого результата.

В конце войны – Семён Краснов (в то время полковник) был назначен командиром личного конвоя барона Врангеля и на этом посту принял активное участие в крымской эпопее вплоть до эвакуации белых из Крыма. В последующем он эмигрировал в Европу - к тому времени там уже находился и атаман. Пётр Николаевич жил сначала в Германии, затем во Франции, а с 1936 года окончательно поселился в Германии.

За границей Пётр Николаевич продолжал развивать свой замечательный писательский талант. Здесь он написал роман в четырех томах «От Двуглавого Орла к красному знамени», где с пронзительной остротой описал процесс распада, которому подверглась Россия на протяжении XX века, который и привел страну к катастрофическому финалу после революции 1917 года.

Сразу же переведённое на многие языки, это произведение Краснова, которое без сомнения содержит много автобиографических моментов, произвело огромное впечатление по всей Европе, особенно в среде русской эмиграции.

Что касается Петра Николаевича Краснова как человека, то итальянский историк Пьер Арриго записал своё впечатление о встрече с ним в разгар Второй мировой войны, когда Краснову было уже 77 лет: «Его шаг был величественным, хотя он опирался на трость и нёс голову чуть наклоненной. На его суровом лице, отмеченном годами, блестели умные глаза, оживлённые внутренним светом мудрости. Он имел классический внешний облик военного, и при этом всё указывало на огромную силу духа этого человека, который прошел тяжелейшие испытания. По всему - это был совершенно исключительный человек, что внушало огромное уважение».

Мы вернёмся к судьбе Петра Николаевича и других Красновых в последующих главах, где будут рассмотрены события, имеющие непосредственное отношение к началу жизненного пути нашего пленника лагеря «Кордильера».

КРАСНОВЫ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Прошло время, и в 1939 году в Европе разразился пожар Второй мировой войны, которая с лихвой превзошла Первую не только по масштабам и своей жестокости, но и по грубейшим ошибкам, которые совершили правители обеих воинственно настроенных сторон.

В 1941 году Германия, до того времени победоносная, нарушила свой иллюзорный пакт со Сталиным и напала на Советский Союз. Здесь мы не станем рассматривать ход войны как таковой, но нужно подчеркнуть один факт, несомненно важный: немецкие войска пробили брешь в железном занавесе, с помощью которого правители Советского Союза отгородились от всего мира.

По мере продвижения немцев по казачьим землям, казаки внутри страны (а также казаки Зарубежья в помощь им), незамедлительно мобилизовались. Военная помощь и немецкое оружие активизировало казачье сопротивление коммунистической власти и повсеместно начали формироваться группы добровольцев, готовых идти в бой.

В Европе воодушевление среди русской эмиграции было очень большим - немецкий поход на восток мог стать концом для советской власти – разве можно было оставаться безразличным перед такой возможностью, которая открывалась для них – людей,изгнанных с Родины?

Генерал Краснов не сомневался - его роль не должна ограничиваться только лишь воодушевлением молодых соотечественников дляосвободительного похода в Россию. Выступил и он сам, 74 лет от роду, вместе со своим двоюродным племянником Семёном. Их сопровождали и другие Красновы – ещё один двоюродный племянник Николай Николаевич Краснов-старший и его сын (т.е. двоюродный внучатый племянник Пётра Николаевича) Николай Николаевич Краснов-младший.

Прибытие легендарного атамана подняло и укрепило среди казаков энтузиазм. Он символически соединял прошлое и настоящее, поэтому, даже будучи в почтенном возрасте, не остановился перед тем, чтобы снова взять оружие в руки. Такое поведение всех Красновых было воплощением наилучших качеств и силы воли казачества.

Следует упомянуть, что со стороны немцев казаки-добровольцы встречали не только помощь, но и препятствия. Одержимость Гитлера превосходством высшей германской расы, порождала у него неверие в добровольцев и стремление в полной мере подчинить их немецким командирам и дисциплине.

Надо подчеркнуть следующее – казаки не хотели бороться за Германию. В действительности, они хотели продолжить прерванную борьбу за свободу своей Родины и требовали делать это на собственный лад - иметь свои подразделения, своих командиров, воевать в своей форме и под своими победными знамёнами.

Если бы фюрер смог раньше это осознать, то казаки не только бы добились больших побед, но, вполне возможно, смогли бы завоевать, совместно с русскими добровольцами, свободу не только для себя, но и для всей России, задыхающейся от жестокой тирании Сталина. Все эти шансы были потеряны только потому, что Гитлер, вместес пропагандируемой им расистской идеологией, вместо того, чтобы предстать перед русскими как освободитель, предстал как очередной завоеватель, относясь к населению России, как недочеловекам (untermenschen), которые должны быть в услужении у немцев – сверхлюдей (jubermenschen). При таком раскладе, находясь между двух тираний, большинство русского народа осталось на стороне «своего» тирана,не видя смысла менять его на тирана иностранного.

Возвращаясь к опыту казаков – из-за такого отношения Берлина, были утеряны многие бесценные месяцы в дискуссиях, переговорах и в уточнении деталей, в то время как казаки воевали вразброс, многочисленными, но небольшими по численному составу группами, что, естественно, уменьшало эффективность их героических усилий.

К счастью, нашелся человек большой души, который понимал казаков, и хотя он был кадровым офицером немецкой Армии, смог разделить их чаянияи отстоять перед Берлином необходимость реализации их справедливых устремлений. Этим человеком был генерал Хельмут фон Паннвиц.

Дворянин, родившийся в Верхней Силезии, недалеко от границ Российской Империи, которая в то время включала в себя часть Польши - ещё в молодости Хельмут был знаком с казаками, несшими в то время службу в приграничной зоне. Будучи расположен к казакам, он разделял их отношение к жизни и к моральным ценностям, и знал, что скрывается за грубоватой простотой этих людей.

Когда, после блестящей военной карьеры в ходе первых лет войны, его представили к званию генерал-майора, то благодаря пониманию менталитета казаков и неплохому знанию русского языка, ему было нетрудно получить пост командующего казачьими отрядами, которые постепенно стали стягиваться в его распоряжение. Из них в 1943 году и образовалась 1-я Казачья Дивизия.

Фон Паннвиц был не только выдающимся офицером. Это был человек наделенный настоящим моральным величием. Его прямота и приверженность делуборьбы с большевизмом скоро превратили его в казачьего кумира. Трудности военной жизни, победы и поражения, человечное отношение к людям, которое он всегда сохранял, даже в суровых условиях войны – все это очень сблизило фон Паннвица с казаками, которые относились к нему с глубоким почтением. Будучи лютеранином, генерал никогда не оставался в стороне от участия вместе со всеми в православных богослужениях, которые проводили походные казачьи священники. Он требовал от немногочисленных немцев из числа своих подчиненных - понимания и взаимоуважения в отношениях с казакам. Те, кто этому не следовал и вел себя некорректно по отношению к казакам, Паннвицем понижались в должности и звании, а зачастую совсем изгонялись из казачьих частей.

В конце войны казаки избрали своего командира фельдатаманом, то есть «Походным атаманом всех казачьих Войск». В России в годы Первой мировой войны эту должность занимал Великий князь Борис Владимирович, а в годы Гражданской войны известный герой казачества оренбургский атаман Александр Ильич Дутов.

Между тем, немецкие вооруженные силы начали своё постепенное отступление из России. Надежд оставалось мало. Казаки следовали за немцами в их отступлении и многие из них, понимая, что коммунизм выйдет из войны ещё более окрепшим, решили эмигрировать навсегда и искать свободу в других землях, где они могли бы сохранить свои традиции и обычаи. Поэтому бойцов сопровождали их семьи - жёны, дети, родители с немногими личными вещами.

1-я казачья Дивизия была направлена командованием воевать в Югославию, где партизаны Тито перерезали коммуникации и контролировали целые области. Но сначала нужно было объяснить казакам смысл этого нового назначения. Фон Паннвиц обратился за помощью к атаману Краснову и попросил, чтобы он лично объяснил подразделениям необходимость ведения боевых действий на чужой земле. Многие из немецких офицеров с сомнением относились к боевому настрою казаков вдали от земли своих предков. Между тем, казаки ответили на призыв атамана Краснова с абсолютной отдачей.

Они бились с обычной для себя яростью - в короткий срок парализовали вылазки партизан Тито и удерживали контроль над территориями, которые в соответствии с приказами командования были ими очищены от партизан.

В конце 1944 года казаки оказались лицом к лицу с другим, более могущественным, врагом. В своём безостановочном наступлении на Запад, советские войска вошли в Югославию и соединились с титовским коммунистическими партизанами. В этот момент советская 233-я стрелковая дивизия смогла захватить переправу через реку Драва и укрепиться на правом берегу, создав мощный плацдарм. А это создавало угрозу большого прорыва советских войск.

Туда были направлены немецкие и хорватские части, но они попали под сильный огонь и потерпели неудачу. Тогда подразделениям кубанских, терских и донских казаков под общим командованием полковника Кононова поставили задачу сбросить врага в реку.

Казаки яростно начали свою атаку, но были остановлены мощным огнем советской артиллерии. Тогда группа казаков под командованием есаула Орлова, совершив отчаянный, почти самоубийственный маневр, прорвалась в гущу советских войск и полностью разгромила вражескую артиллерию.

Одновременно с этим, Кононов, во главе донских полков, начал фронтальную атаку, поддерживаемый с обоих флангов терскими и кубанскими полками. Советская дивизия почти полностью оказалась в окружении и её солдаты обратились в паническое бегство. Это была полная победа: советские потеряли сотни людей, многие из них утонули в реке Драва, пытаясь её переплыть. А в это время казаки брали в плен остальных - многие не могли прийти в себя от удивления, поняв, что их разгромили вовсе не немцы.

Это была убедительная победа. В результате, советские подразделения отступили на север, и всем было продемонстрировано, что казаки в борьбе против коммунизма вполне готовы противостоять и такому серьезному противнику как Красная Армия.

Но теперь вернемся к нашему рассказу о судьбе Красновых. На протяжении войны Семён Краснов был трижды награжден немцами за отличия в боях. Он получил звание генерал-майора и в этом чине командовал подразделениями, которые к концу войны были направлены в Италию.

В 1944 году, во время одного из отпусков, он обручился с Диной Марченко – красавицей, кубанской казачкой, студенткой университета, жившей в Париже. Дина получила от своих родителей великолепное воспитание, имеющее целью подготовить её к трудной жизни русских эмигрантов. Она была переводчицей и свободно говорила на нескольких языках.

Между тем, война шла своим чередом. Альпийская зона Италии находилась под контролем партизан-коммунистов.

Это являлось серьезным препятствием для передвижения немецких войск и конвоев с грузами, которые направлялись через долину Таглиамьенто в Австрию. По этой причине немецкое военное командование направило в эту зону казаков. Решение это основывалось на успехах казачьих подразделений в ходе борьбы с партизанами в Югославии.

Это был высокогорный район, заселенный пастухами и бедными крестьянами.

Пьер Арриго, очевидец событий, рассказывает, что в результате распространения слуха о том, что «казаки идут», местные жители в страхе попрятались в своих скромных хижинах, заперевшись на все запоры. Они уже и так были огорчены присутствием бригад коммунистов (которые, кстати, координировали свои действия с командованием западных союзников) и чья пропаганда, направленная на запугивание населения с целью его подчинения, их очень устрашала. Теперь, к тому же, должны были прибыть «ужасные казаки» и, естественно, хоть крестьянам этого и не хотелось, им пришлось бы кормить и тех и других.

Казачьи отряды прибыли летом 1944 года и незамедлительно началась борьба с марксистскими бригадами. Среди гор и лесов, пропастей и скал, красные чувствовали себя в безопасности, но казаки не давали им покоя. Хоть большинство из них были степными людьми, но они быстро адаптировались в горах – подходящей арене для военной хитрости, сюрпризов, засад и отчаянных маневров. Марксистские бригады, которые до того добились значительного уровня контроля над территорией, были дезорганизованы и оттеснены дальше в горы.

А у местных альпийских жителей страх перед казаками ушел и сменился дружбой. «Казаки – повествует Арриго – в общении и быту были добры, скромны и просты. Они являли собой лучшие образцы русской души. Но в боях неожиданно перевоплощались, как будто у них было ещё одно лицо для войны».

В своей книге (Pier Arrigo, L’Armata Cosacca in Italia, Milan, 1966) он пересказывает некоторые показательные эпизоды, которые позволяют нам понять душу не только казаков, но и итальянских горцев.

В районе одной из самых высоких местных вершин – Пани – в одиночестве жил старик, очень уважаемый среди пастухов и лесорубов области. Его имя было Антонио Занелла, но более он был известен под прозвищем «Панийский Медведь». Старик был очень добр и в студёную военную зиму любой страждущий, кто бы не обратился к нему, не возвращался с пустыми руками - кусок хлеба, сыр из его сыроварни, даже козлёнок из его стада облегчал голод нуждающихся.

Но этой помощью пользовались и партизаны-коммунисты, а это считалось тяжелым преступлением. Как вражеский пособник, по закону военного времени он был приговорён к смертной казни. Казаки, которым поручили привести приговор в исполнение, взобрались на одинокую и пустынную горную вершину. Там они нашли «Медведя» и, увидев его, замерли от удивления: это была библейская фигура - очень высокий, бедно одетый, он имел длинные белые волосы и патриархальную бороду. Когда казаки объявили ему о своей грустной миссии, тот впился в них магнетическим взглядом своих голубых глаз и не произнес ни одного слова.

Казаки почувствовали себя обескураженными - этот человек неопределенного возраста, как бы появившийся из глубины веков – не был ли он отшельником? И может быть даже святым?

А если он и давал пищу злостным красным партизанам – то так ли уж он был виновен в этом?

Если бы отказался, его бы скорее всего просто-напросто убили… К тому же, даже внешне его фигура была для них очень знакома – он очень походил на кулака.

И вот они пришли убить его, точно также как это делают коммунисты? Казаки решили не выполнять приказ и оставить ему жизнь.

Простой степной человек и простой человек гор поняли друг друга и разобрались между собой независимо от войны и сопровождавших её жестокостей.

Через неделю казаки снова поднялись на вершину повидать старого «Медведя». Принесли ему в подарок белую барашковую папаху, как знак дружбы.

В один из дней в казачьих полках начали ходить слухи о прибытии атамана Петра Николаевича Краснова. Уже только одно его имя воодушевляло казаков. Большинству он представлялся фигурой абсолютно легендарной – героем из эпоса былых времен.

Вечером 27 февраля 1945 года в поселке Версегнис, что неподалеку от Удине, появилась многочисленная группа военных. Атаман прибыл под охраной казаков бывшей Императорской лейб-гвардии, вместе с ним -генералы и старшие офицеры, среди которых находился генерал-майор Семён Краснов, его наиболее близкий и верный соратник. Вместе с атаманом была его жена Лидия Фёдоровна, которая всегда сопровождала его и, несмотря на свои годы, поражала всех своей благородной красотой.

Гости вышли из экипажа в котором приехали, но не сразу вошли в приготовленный для них пансион. Масса казаков окружила их. Приветствуя, они преклонили колени, при этом раздался громкий лязг от удара шашек о землю. Незамедлительно приблизились три казака и преподнесли атаману хлеб-соль. Он, перекрестившись и поклонившись, поцеловал дар.

Эта сцена вызывала любопытство местных жителей. Естественно, им было очень нелегко даже приблизиться к атаману, который постоянно находился в окружении своих верных людей. Пётр Николаевич обычно в подобных случаях не тратил время на удовлетворение такого рода любопытства, которое он, видимо, считал абсолютно праздным, но в поселке Версегнис сделал исключение - нанес визит местному священнику Дону Грациано Бориа, с которым имел продолжительную беседу. На прощание атаман вручил ему свою книгу - роман «Ненависть» с дарственной надписью на отличном итальянском: «Духовному отцу Дону Бориа, в память о нежданном гостеприимстве».

Здесь были и другие встречи, одна другой дружественней и доверительней. Во время одной из них атаман сказал «Мои казаки добры, но загрубели в бесконечных и опасных походах». Дон Бориа был человек сообразительный и очень откровенный. Поэтому он воспользовался случаем, чтобы рассказать атаману о произволе, исходящим от некоторых подразделений, сформированных из представителей северокавказских народов, находившихся среди казачьих отрядов. Эта просьба священнослужителя была атаманом принята близко к сердцу и с тех пор уменьшились случаи покушений на собственность местных горцев уже и так достаточно обедневших от войны и зимы.

Но, между тем, война неумолимо приближалась к своему финалу. Немецкие войска отступали по всем фронтам. Казачьи начальники совещались, обсуждая неизбежное прекращение военных действий. Их полки дислоцировались в разных местах, но находились сравнительно недалеко друг от друга, поэтому было нетрудно встречаться друг с другом. Краснов, фон Паннвиц, Шкуро и даже Доманов, единственный среди них бывший советский гражданин, сошлись во мнении, что наиболее подходящим было бы направиться в зону оккупации, находящуюся под контролем англичан. Для этого необходимо было, перевалив горы, спуститься с другой стороны и достичь Австрии, оккупированной британскими подразделениями. Кроме того, Краснов доверял фельдмаршалу Александеру, которого лично знал, и считал человеком чести. А именно он обладал высшей военной властью в этой зоне.

В ходе этих секретных переговоров генерал-майору Семёну Краснову была поручена миссия поддержания связи со штабом генерала Власова и координации общих действий. Власов был бывшим советским генералом, пленённым летом 1942 года и перешедшим на сторону немцев. Он принял решение воевать вместе с ними против коммунизма.

В результате, весной 1945 года появился приказ, предписывающий всем казачьим подразделениям покинуть альпийскую Италию и направиться в австрийские долины, где все они должны были сконцентрироваться.

Но за их спиной оставались бригады коммунистов, хотя понесшие от казаков большие потери, но представлявшие по-прежнему серьезную угрозу. Тем более, что они жаждали мести. Естественно, новость об отходе казаков дошла и до них.

Полагая, что казаки при отступлении должны будут находиться в деморализированном состоянии, партизаны разработали план мести - неожиданно напасть на колонны казаков на марше и в гарнизоне Оваро окружить их, отрезав пути отхода.

Неожиданное нападение на некоторые колонны привело к серьезным потерям убитыми и ранеными. Реакция казаков была яростной. Спуск в долину был отменен и со всех сторон казаки пришли на помощь своим товарищам. Запланированное нападение превратилось в настоящее побоище, длившееся с утра до вечера 2 мая.

Партизаны - коммунисты были полностью разгромлены. Местечко Оваро стало последней победой казаков в их долгом пути на полях сражений Второй мировой войны.

На следующий день марш возобновился. В плохую погоду и по плохим дорогам спуск с перевала был очень тяжелым. Но, в конце концов, с передового дозора послышались радостные возгласы:

- Австрия!.. Австрия!..

Одно за одним казачьи подразделения, ведомые своими командирами, выходили из Италии и Югославии, спускались с гор и располагались на всем протяжении долины реки Драва, в окрестностях Лиенца, Обердраубурга, Фелдкирхена и других соседних поселений.

Сколько их было? Историки сходятся во мнении, что приблизительное число офицеров и солдат составляло около пятидесяти тысяч человек, не считая следующих за ними семей. Из командования здесь был атаман Пётр Николаевич Краснов (со своими родными), генералы фон Паннвиц, Шкуро, Доманов и генерал Султан-Гирей Клыч, командир 4 000 кавказцев – таких же врагов коммунизма, как и казаки.

ЛИЕНЦ: ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

На пороге победы над Германией лидеры союзников провели трехстороннюю конференцию. Она началась 5 февраля 1945 года в Ялте, в Крыму. В ней принимали участие Сталин, Черчилль и Рузвельт – «Большая тройка», как их называла пресса тех лет, а также большие группы министров и советников. Среди последних находился министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден, который сыграл зловещую роль в последующих событиях.

Темой переговоров в основном был раздел зон влияния, подконтрольных каждой из союзных стран после победы над Германией. Сегодня уже ни для кого не секрет, что в этом разделе Советский Союз отхватил львиную долю.

Но, в ходе решения этого вопроса, Сталин попутно выдвинул своим западным партнерам очень конкретное требование - сразу по окончании войны, в Советский Союз должны быть отправлены все советские граждане из Европы, независимо от того, были ли они военнослужащими немецкой армии, пленными или просто гражданскими лицами.

В большинстве советские граждане вовсе не желали возвращаться. Во избежание затруднений для Запада, единственным выходом являлась насильственная репатриация.

Черчилль и Рузвельт согласились выполнить это требование Сталина и даже с тем, чтобы это решение было засекречено.

Сталин хотел, чтобы его будущие жертвы до поры до времени ни о чем не догадывались. А для Черчилля и Рузвельта тоже было предпочтительно это умолчание, по той причине, что общественное мнение их стран не стало бы с одобрением смотреть на насильственную передачу людей коммунистическому режиму.

Западные лидеры, предвкушая выгоды от заключенных соглашений, легко пошли на такие шаги - их нисколько не смущало то, что тем самым они растоптали основные принципы западных свобод, одним из которых является право на убежище. Но единственное, что их волновало в тот момент, был разгром Германии и ублажение Сталина, который увязывал решение ряда политических проблем, важных для Запада, с выполнением своего требования.

Таким образом, соглашение «Большой тройки» о насильственном возвращении всех советских граждан в СССР к моменту окончания войны оставалосьв секрете. Но с другими пунктами было не так – установленные границы зон оккупации были известны.

Выгоды, полученные Сталиным на Ялтинской конференции, были столь внушительными, что лишили наиболее осведомлённых людей (и на Западе и в Германии) иллюзий насчёт возможного скорого разрыва отношений демократических наций с советской тиранией. Но, тем не менее, на это возлагали надежды очень и очень многие.

Побеждённая Германия подписалаакт о капитуляции 8 мая 1945 года. Война в Европе былаокончена.

Главным представителем военной власти в той части Австрии, куда направились и где остановились казаки, являлся фельдмаршал Александер, главнокомандующий силами союзников в регионе.

Казаки, находившиеся под охраной английских солдат и офицеров, довольно спокойно ожидали решения своей судьбы. Ведь они боролись против коммунизма в защиту свободы и за демократию (в своём, казачьем понимании). Таким образом, их конечные цели фактически совпадали с целями тех, кто их охранял.

Казалось, англичане не могли не осознавать этого. Кроме того, было очевидно, что альянс Запада со Сталиным не мог быть продолжительным. Поэтому, многим представлялось, что вскоре победоносные союзники войдут в прямое столкновение с Советским Союзом, чьи территориальные и властные амбиции были ненасытны и чья тирания была полной противоположностью демократии и свободам, которые проповедовал Запад. При таком развитии событий, казаки, которые имели большой опыт борьбы против коммунистической диктатуры, естественным образом влились бы в ряды антикоммунистических вооружённых сил.

В силу своей прямоты и открытости, казаки никогда не могли понять изгибы западной «диалектики». Для них казалось все ясным и потому они пребывали в совершенной уверенности, что западные победители будут в силах все правильно понять.

К тому же, казачий оптимизм англичане поддерживали своим поведением.

Они были очень любезны со своим пленниками, предоставляли хорошее питание и тем самым подкрепляли казачьи надежды на не очень ясные, но светлые перспективы в будущем.

Распространялись слухи, что новая война начнется скоро, и тогда казаки станут авангардом союзных войск, которые, в конце концов, свергнут коммунизм. А если её начало задержится на некоторое время, то, в этом случае, казаки будут отправлены в Австралию или какую-нибудь другую британскую колонию, где будут жить вместе со своими семьями, но в состоянии постоянной боевой готовности, до момента выступления в поход за освобождение Родины.

Вскоре между казачьими офицерами и англичанами, назначенными на их охрану, завелась дружба. Существовала определенная свобода, например, казаки организовывали конные представления, которыми англичане очень восхищались. Проходили мероприятия с казачьими танцами, красивейшими хоровыми песнями и со всеми другими проявлениями культуры этого народа, который имеет особый дар в завоевании симпатий иностранцев.

Английские офицеры признавались в своём расположении к пленным казакам. Кроме всего прочего, видимо и потому, что те же представления разрешали нелегкую проблему свободного времени солдат их отрядов, уже уставших от постоянного ожидания начала массовой демобилизации.

Познакомимся с воспоминаниями некоторых очевидцев – казаков и англичан, которые собрал английский историк лорд Бетелл (Nicholas Bethell, Le dernier secret, Paris, 1971) - один из первых, кто поднял тему трагедии жертв насильственных выдач.

Офицером-посредником в Лиенце был майор Дэвис. Ему достаточно было нескольких дней, чтобы почувствовать уважение и восхищение по отношению к казакам. Вскоре все они знали его имя, в особенности дети, постоянно ходившие за ним по пятам, пока Дэвис не останавливался и не распределял среди них шоколад и леденцы. Этот офицер даже нажимал на своих товарищей, чтобы они отдавали ему часть выдававшегося шоколада, который он потом разламывал на кусочки, чтобы все дети получили свою порцию. «Чувствовал я себя – говорил он много лет спустя в беседе с Бетеллом – как бы играющим роль Деда Мороза».

Другой офицер – по имени Дэннис, ответственный за охрану казаков генерала Шкуро, тоже оставил своё свидетельство: «В круг моих обязанностей входила организация жизни казаков в лагере, где они были размещены, и я ежедневно проводил многие часы в их компании. При посредничестве одной венгерской переводчицы, я установил отличные отношения с этими замечательными людьми. По вечерам они предлагали нам замечательные конные спектакли. Эта идиллическая ситуация длилась две или три недели после капитуляции».

Ещё один очевидец - казак Александр Шпаренго, вспоминает, в какой форме англичане поддерживали их иллюзии: «Мы узнали из абсолютно «достоверных» источников, что британцы содержат нас на этом месте, чтобы защитить от большевиков. Мы останемся здесь до того дня, когда будут иметься в распоряжении корабли для нашей переброски на «черный континент», где мы войдем в состав английских гарнизонов. Другие источники сообщали, что нас отправят воевать против Японии».

Казакам не оставалось ничего больше, как только верить в такие, распространяемые повсюду, слухи. Были разговоры об отзыве персонала английского и американского посольств из Москвы, и что это означало преддверие новой войны. Для казаков это было лучшим, что могло бы случиться. Как союзники Запада, подтвердив свою высокую военную репутацию в боях, после достижения победы, в вознаграждение, они смогли бы получить земли своих отцов.

Пока подразделения наивно верили в эти иллюзорные проекты, казачьи командиры не оставались в бездействии.

9 мая генерал фон Паннвиц отправил одного из своих офицеров с письмом для вручения британским военным

властям. В нем он прямо указывал, что «передача казаков в распоряжение Красной Армии будет иметь для них страшные последствия, так как советское правительство ранее выступало с угрозами их тотального уничтожения как народа».

Англичане приняли посланника фон Паннвица очень заносчиво и не дали никакого ответа.

Но через несколько дней, английский генерал Мюррей имел откровенный разговор с фон Паннвицем и его офицерами, в ходе которого сообщил им, что передача всех казаков в СССР «есть действительность более чем явная». Перед лицом надвигающейся катастрофы, фон Паннвиц сказал своим офицерам, что они свободны принимать наиболее подходящее для них решение, но сам он останется на своём посту. Он считал своим долгом опекать казаков, находящихся под его командованием и избравших его атаманом, и был готов разделить с ними их участь. Таков был моральный уровень человека, который, будучи немцем, смог завоевать сердца казачьего народа.

Между тем, атаман Краснов написал два письма фельдмаршалу Александеру, с которым он ранее был знаком. Но тоже не получил никакого ответа. Кроме того, писал он на имя короля Георга VI, католического Папы, а также королю Югославии Петру, по той причине, что многие покинувшие Россию после гражданской войны казаки имели югославское гражданство. Никто из них ему не ответил. Николай Толстой, в своём исследовании «Секретная Война Сталина» (Nikolai Tolstoy, Stalin's Secret War, London, 1981), раскрыл подробности деятельности британских властей тех времен. Он указывает на то, что все письма атамана Краснова были перехвачены, и ни одно из них не дошло до адресата.

Правда, фельдмаршал Александер тоже оставил своё мнение по этому поводу. 18 мая он обратился в штабквартиру британской армии, запрашивая инструкции. В письме он указывает на свою озабоченность «в связи с участью, которая ожидает казаков у них на Родине».

В конце концов, 26 мая к фельдмаршалу Александеру прибыл генерал Кейтли, с приказом от командования союзников, «что все казаки без исключений, и в особенности их офицеры, должны быть переданы советским оккупационным властям». Много лет спустя, этот генерал, в разговоре с лордом Бетеллом, сказал следующее: «Приказ о начале репатриации казаков шел из очень высоких сфер. Скорее всего, из Вестминстера и, возможно, лично от Уинстона Черчилля».

Мы уже знаем, что английский премьер-министр подписал секретное Ялтинское соглашение. К тому же, наиболее убежденным поклонником Сталина в английском правительстве являлся английский министр иностранных дел – сэр Энтони Иден. Он утверждал, что «Сталин – человек, который никогда не нарушит своего слова» и чтобы ублажить его, готов был сдать столько людей, сколько будет возможно.

Ещё до получения официального приказа о выдаче – неожиданно, без предварительного объявления, лагеря объехал грузовик с вооруженными людьми, который увез все сбережения казаков и их семей: приблизительно 6 миллионов немецких марок и ещё некоторая сумма в фунтах стерлингов. Это был первый сигнал, чрезвычайно озадачивший казаков.

Сам приказ о выдаче казаков пришел от военных властей с большими предосторожностями. Например, когда полковник Малколм, командир майора Дэвиса, проинформировал последнего о его содержании, тот не мог сдержать своей реакции: «Я буквально упал», – признавался он позднее лорду Бетеллу. «Это шло вразрез со всем тем, что мы всё это время говорили казакам. Я объяснил моему начальнику, что все эти недели я был другом для казаков, служил для них своеобразным гидом и советником, отвечал на их вопросы, успокаивал, развеивал сомнения и уверял их, что никто не думает репатриировать их насильно. И теперь, перед очевидностью врученного мне приказа, я считаю моим долгом подать в отставку. Я потерял свой авторитет».

Полковник Малколм холодно ответил ему, что это не подходящиймомент для подачи в отставку. Он и только он, должен будет зачитать приказ казакам. Он же будет нести ответственность за выполнение всей операции. Все это, как раз потому, что он завоевал доверие казаков, и нет никого другого, кто смог бы заменить его в этой ситуации. По мнению Малколма необходимо было сохранять спокойствие среди казаков до последнего момента, даже если для этого нужно будет прибегнуть к обману. Таков был приказ.

Первым обманом стало объявление о приглашении всех казачьих офицеров на совещание с фельдмаршалом Александером, запланированное на 28 мая неподалеку от лагерей - в Обердраубурге. Было сказано, что все они возвратятся вечером того же дня.

Некоторые офицеры были удивлены массовостью этой встречи – их было более 2 000 человек, - но их уверили в непременной необходимости поездки. На следующий день большинство офицеров, одетых по парадному, ожидало прибытиягрузовиков. Те из них, кого провожали семьи, уверяли своих родных, что возвратятся к вечеру. Здесь были и все Красновы, так как в Лиенце находились и Лидия Федоровна – жена атамана Петра Николаевича Краснова, так и Дина – девушка, недавно вышедшая замуж за генерал-майора Семёна Краснова. Самый младший в семействе – Николай Николаевич, стараясь казаться спокойным, сказал своей жене: «Я вернусь сегодня вечером и ты приготовишь мне яичницу». Он стремился её убедить в том, что все в порядке, но, скорее всего, одновременно убеждал в этом и себя.

Никто из них не вернулся. Только несколько офицеров, недоверие которых оказалось сильнее обмана, не только не поехали на встречу, но и вообще бежали из лагеря, тем самым, спася свои жизни.

Весь казачий офицерский состав, включая главных командиров, был вывезен в Шпитталь, где их сопроводили в окруженный колючей проволокой лагерь для военнопленных. Там английский бригадир Мессон холодным тоном очень кратко информировал их, что все казаки будут переданы в советские руки в ближайшей подконтрольной им оккупационной зоне. Эта операция будет проведена как можно более быстро и они – офицеры, будут переданы уже на следующий день.

Последовавшее за этим можно назвать хаосом. Люди пребывали в состоянии гнева, паники и отчаяния до тех пор, пока совершенно побледневший атаман Краснов не возвысил свой голос и не напомнил всем о необходимости сохранять достоинство в любой ситуации.

Атаман немедленно потребовал разрешения на отправку телеграммы командованию союзников, что было ему позволено. Сразу же продиктовал по-французски короткое письмо, в котором разъяснил причины, по которым казачество взяло в руки оружие, и указал, что он сам несет главную личную ответственность за участие казаков в боевых действиях. Вследствие чего хочет лично предстать перед военным судом, но при этом его люди должны быть освобождены, а гражданские беженцы должны быть оставлены в покое. Не надо забывать, что к тому времени он имел под своим началом не только казаков, но и их многочисленные семьи – стариков, женщин и детей, которые бежали от коммунизма.

Копии этой телеграммы были отправлены королю Георгу VI, премьер-министру Уинстону Черчиллю, в Организацию Объединенных Наций, Архиепископу Кентерберийскому и в Международный Красный Крест. Это все, что можно было сделать. Ответа не пришло ни от кого, но атаман до последнего момента пытался выполнить свой долг перед подчиненными.

В оставшиеся короткие часы атаман написал прощальное письмо своей жене Лидии Федоровне, с которой он расстался накануне и которую больше не увидел. Она была его верным товарищем в этой долгой жизни полной страданий - поражение, чужбина и эта последняя, прерванная судьбой надежда на осуществление мечты об освобождении казачества. Он хотел своими прощальными словами успокоить её, прежде чем она в одиночестве узнает об ожидавшей его участи. (Лидия Краснова осталась практически без средств к существованию. О ней позаботилась семья фон Меден (Von Meden) со старым немецким офицером во главе, который был большим другом её мужа. Она скончалась в 1949 году и была похоронена в селении Вальхензее (Walchensee).

Единственной просьбой всех этих людей, находившихся в подавленном состоянии, было присутствие священника. На это было дано соответствующее разрешение, и на следующий день был организован молебен.

Естественно, все казачьи офицеры были без оружия, когда их арестовали англичане. Возможно, были единичные исключения, когда кто-либо мог спрятать пистолет или нож. В любом случае, английская охрана обыскала помещения, предназначенные для ночлега арестованных, с целью изъятия любого режущего или тяжелого предмета. Несмотря на эти меры, некоторые офицеры (их точное число так и не стало известно) покончили жизнь самоубийством уже до рассвета.

Молебен начался в 6 часов утра. Предоставим слово одному из немногих выживших:

«Две тысячи человек – генералы и казачьи офицеры, которых британцы готовились насильно передать советским властям, стояли на коленях на голой земле, многие плакали. Английские стволы были нацелены на них все время, пока они обращались своими молитвами к Богу. Импровизированный хор объединил голоса мужчин, которых британцы приговорили к смерти. На коленях, прижатые к колючей проволоке, они пели традиционные молитвы – «Отче Наш» и «Господи, храни народ твой». Казачий священник окропил их святой водой и, как мог, успокоил их страдающие души».

Когда молебен подошел к концу, для казачьих офицеров наступил момент погрузки в ожидавшие их грузовики. Казаки воспротивились, и английские солдаты прибегли к насилию. Осыпая градом ударов прикладов и штыков, людей тащили к автомобилям. Многие были заброшены в кузов уже без сознания. Это было последнее отчаянное сопротивление.

В какой-то момент англичане заметили атамана Краснова у входа в свой барак и хотели наброситься на него, но их опередила группа молодых казаков, которые встали вокруг атамана и потребовали от британских солдат вести себя с ним почтительно. Им разрешили сопроводить своего любимого командира до грузовика, где добились, чтобы он мог ехать сидя в кабине. Его двоюродный внучатый племянник Николай, которому мы обязаны этими воспоминаниями, видел, как тот медленно крестился и говорил:«Господи, укороти наши мучения...».

В точно таких же условиях в этот день были переданы генерал-майор Семён Краснов и генералы Шкуро, Доманов и Султан-Гирей Клыч.

Генерал фон Паннвиц ранее уже был отделен от казаков и его содержали одного без какой-либо информации. Четыре английских офицера посадили его в машину и повезли в неизвестном направлении. Фон Паннвиц ничего не спрашивал. Когда автомобиль остановился в Юденбурге и ему приказали выйти из машины, он увидел перед собой проволочные заграждения, разделяющие зоны и развевающийся поблизости флаг с серпом и молотом.

Все взгляды сосредоточились на нем. Было очевидно, что англичане хотели стать свидетелями его протестов и его унижения. В конце концов, он был немец, и Ялтинский договор на него не распространялся абсолютно.

Но фон Паннвиц, не удостоив взглядом англичан, медленно направился к заграждениям, пересек их и был встречен советскими офицерами.

В последующем он разделил трагическую судьбу всех своих товарищей из казачьего командования.

Вся эта операция со лже-конференцией с участием фельдмаршала Александера, с помощью которой были захвачены казачьи офицеры, проводилась в соответствии с задуманным англичанами планом. Они считали, что после этого остальные казаки, без своих командиров, сдадутся как беспомощные ягнята.

Нужно было лучше знать казаков. Когда к вечеру того же дня они увидели, что их увезенные командиры не возвращаются, волнение охватило все лагеря.

На следующий день, в этой бурлящей обстановке британские власти допустили серьезную ошибку - зачитали перед подразделениямидекларацию, в которой обвиняли отсутствующих казачьих офицеров в том, что они «обманывали и вели казаков по ложному пути». Якобы по этой причине все они были взяты под арест. И теперь казаки могли спокойно, в обязательном порядке, возвращаться к себе на Родину (!).

Гнев и отчаяние этих мужчин и женщин превзошел все пределы. Никто не поверил в бредовые обвинения в адрес своих командиров а, наоборот, теперь все поняли, что будут насильно переданы в руки своих старых врагов – коммунистов. Они знали, что будут убиты или отправлены на смерть в лагерях.

Здесь невозможно пересказать все то, что произошло во всех лагерях – везде без исключения англичане должны были прибегать к насилию для погрузки в грузовики своих жертв, многих кидали в машины уже ранеными и без сознания.

В одном месте англичане проявили более «изобретательный» подход - в 5-м Донском казачьем полку, расквартированном в Клайн-Санкт-Пауле, один из английских офицеров приказал командиру полка Борисову, чтобы тот собрал всех своих людей для отправки в место сбора, откуда затем казаки смогут выехать в Канаду. Все казаки с радостью прибыли на отправку и все до одного попали в советские руки.

Вернемся в Лиенц, где всё ещё находились члены семьи Красновых. В Лиенце майор Дэвис лично объявил о запланированной на следующий день передаче казаков советским властям. Когда гнев и ужас, вызванные этой новостью, казалось затихли, казаки попросили организовать на следующий день молебен силами своих полевых священнослужителей, что было разрешено. Последующий день прошел в горьких прощаниях - все знали, что как только они будут переданы коммунистам, то их семьи будут разлучены, жёны и мужья никогда больше не увидятся, а их дети будут отправлены в государственные интернаты и будут потеряны навсегда.

В то же время, многие из них все-таки сохраняли надежду. Всегда искренние в своих чувствах, казаки пошли на хитрость, которая могла бы, по их мнению, отодвинуть нависшую над ними угрозу. По окончании молебна, они решили остаться молиться на весь день. Предполагалось, что англичане не станут набрасываться с оружием на молящихся людей. Но как раз это и произошло. Когда британским властям надоели молитвы, оттягивающие исполнение приказа, в ход пошли приклады и штыки.

Но на этот случай у казаков был приготовлен другой прием - их было примерно 20 000 человек. Казаки поставили в центре женщин, стариков и детей, а сами сформировали вокруг кольцо охранения, встав плечом к плечу и крепко взявшись за руки. То, что последовало, было настоящей бойней. Английские солдаты били прикладами и палками казаков, пытаясь разбить живую цепь. Таким образом, они смогли вырвать некоторых и забросить в грузовые машины. Толпа, опасно колыхаясь, начала отступать, но, не разъединяясь между собой.

Вскоре, затоптанными стали падать женщины и дети. В какой-то момент паника стала всеохватывающей. Англичане удвоили свои усилия. Приклады зверски обрушивались на мужчин, женщин, детей, стариков и священников. Казачьих священнослужителей, в рясах и с иконами тащили по земле.

Одна из выживших женщин, пересказала Толстому некоторые из своих трагических воспоминаний - до сих пор ей слышатся крики и мольба из толпы: "Господи, спаси нас! Изыди, сатана!». Она видела, как один солдат выхватил ребенка из объятий матери, чтобы бросить его в кузов грузовика. Мать держала за ногу своего ребенка и оба тянули его в разные стороны. В конце концов, мать упала в изнеможении и ребенка швырнули в грузовик, ударив о кузов.

Когда человеческая цепь была полностью порвана штыками и прикладами, а английские солдаты стали тащить людей к грузовым машинам, началась настоящая свалка. Но теперь бедные люди уже понимали, что не смогут устоять илибежать. Куда не глянь – везде были англичане.

Тогда начались самоубийства. Были родители, которые убили своих детей, прежде чем покончить с собой самим. Многие бросились вместе со своими детьми в бурлящие потоки реки Драва. Священнослужителям, которые старались остановить их, казаки в своей простой, но подлинно глубокой вере говорили: «Лучше если наши дети умрут с нами сейчас - тогда они попадут на небо. А если их схватят коммунисты, то они сделают из них атеистов, тогда дети умрут перед Судом Всевышнего».

Более 1 700 казаков – мужчин, женщин и детей – погибло в этот день.

По этой причине, как через годы писал атаман Науменко: «Лиенц вписан в историю казачества кровавыми буквами». На этом месте воздвигнут монумент в память ожертвах насильственных выдач и рядом с ним кладбище, где упокоятся те, кто погиб в эти дни или предпочел смерть возвращению в СССР.

В последующие дни, хотя казалось, что многие казаки уже отказались от сопротивления, нескольким тысячам из них, находившимся в различных лагерях, удалось бежать и укрыться в лесах. Тогда Англия дала разрешение на участие, совместно со своими солдатами, советских спецгрупп для операции по поимке этих людей. Это была настоящая охота, в ходе которой многие беглецы были убиты, всего же англо-советским группам удалось задержать и передать советским властям дополнительно 1 356 человек. Как вспоминают английские солдаты, перевозившие беглецов в советскую зону, пленники были расстреляны немедленно – солдаты сами слышали автоматные очереди.

Было одно благородное исключение среди этого моря подлости и ужаса: генерал Мюррей, командир британской 6-й Бронетанковой Дивизии, тоже отдал приказ о выдаче казаков (он его не мог не отдать), но закрыл глаза и не преследовал всех тех, кто бежал. В результате смогли скрыться 50 офицеров во главе группы в более чем тысячу человек. Правда, потом на него обрушился гнев советских представителей за такое поведение, столь резко контрастирующее со случившемся в остальных лагерях.

Мы описали здесь сцены жестокого насилия. Между тем, было бы неверно с нашей стороны не обратить внимание на мнение английских военных, вынужденных выполнять эти приказы.

Упоминавшийся ранее майор Дэвис рассказывал:

«Казаки могли меня линчевать. Вместо этого они не хотели мне верить… Они умоляли меня. Продолжали доверять мне. Именно это было самым страшным… Вспоминаю все это с настоящим ужасом. План был по-настоящему дьявольский».

Другой офицер, по фамилии МакМиллан, сказал: «Никогда не должна была случиться отправка казаков в Россию».

Военный врач Джон Пичинг: «Ни при каких условиях нельзя было принуждать казаков к возвращению. Все мы сейчас сожалеем об этом». Пичинг рассказывал, что муки совести потом испытывали многие солдаты его части, даже самые огрубевшие на войне. «Простые рядовые считали – то, что их заставили сделать, не было солдатской профессией».

Военный католический священник Ирландского полка квалифицировал случившееся как «постыдное». Он вспоминал солдат, плакавших при виде того, как избивали и запихивали казаков в машины с помощью прикладов: «Это был первый раз, когда я видел плачущим одного из шотландских горцев. Я мог лично убедиться, как многие солдаты сломались морально».

Судьба этих людей былатрагична. Казаков, как мы уже сказали, было около 50 000 человек, среди них, согласно последним исследованиям, находилось около 5 000 женщин и 3 000 детей. Кроме немногих, кто смог бежать в процессе выдачи, остальные в большинстве закончили свою жизнь в советских лагерях, из-за царившей там жестокости и голода. Известно, что в первый год заключения в лагерях погибло более семи тысяч казаков.

Что касается 2 000 офицеров, в большинстве своём ещё молодых людей, то через 10 лет из них осталось в живых только 200. ГУЛаг сделал своё дело.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Нужно добавить ещё кое-что. «Жертвы Ялты», как их с полным основанием назвал Николай Толстой – это не только казаки, о чьей трагедии мы рассказали. В последующие недели и месяцы, в самой Англии и во всей английской оккупационной зоне, так же как и в США и их зоне оккупации, проводились аналогичные операции. Так было в лагерях для военнопленных в Дахау, Кемптене, Платтинге, Форте Дикс, Пизе, Риччоне и многих других. Везде имело место безнадежное сопротивление русских. Повторялись самоубийства и сцены насилия. То же самое совершалось и в городах, где жертвами становились гражданские лица, бежавшие на Запад от коммунистической революции 1917 года и не имевшие советского гражданства. Теперь можно сказать, что требования Сталина по секретной части Ялтинского договора были выполнены с лихвой политическими лидерами Запада, согласившимися с большой охотой отправить на смерть максимально возможное число русских для удовлетворения «великого советского лидера».

Историки, изучавшие эти факты, сходятся во мнении, что число русских, ставшими жертвами насильственных выдач, было около двух миллионов человек.

Целью моей книги не является определение уровня ответственности тех или иных лиц. Однако стоит зафиксировать некоторые факты и сделать выводы, ибо некоторые исторические ситуации имеют свойство повторяться.

17 июня 1945 года, когда операции по насильственной выдаче находились в полном разгаре, а мировая пресса организовала «заговор молчания» вокруг этого дела, в Лондоне член Палаты Лордов Стокс спросил о происходящем Уинстона Черчилля, но премьер-министр категорически отверг существование какого - либо секретного соглашения, подписанного в Ялте. Как он позднее скажет – «на то существовали определённые политические предпосылки».

Историки сходятся во мнении об ответственности Энтони Идена, министра иностранных дел Великобритании того времени, за принятие решения по неправомерному расширению числа лиц, выданных Сталину. Спустя годы, в 1973-м, этот министр тоже был опрошен, но ограничился ответом, что «не помнит многих деталей». Было очевидно, что человеческие жизни для него были лишь «деталями» незначительной важности.

Он принял политическое решение, сидя за своим письменным столом в своём министерстве («Foreign Office») – очень далеко от людей, которые погибли или пострадали от последствий этого шага.

Оба английских политика – и Черчилль и Иден, сыгравшие такую важную роль в только что описанных событиях, написали свои воспоминания, но ни один из них не упомянул об этих операциях по выдаче, которые погубили столько людей. Видимо, их это нисколько не волновало.

Возможно, кто-либо станет говорить о неизбежности жертв в любой войне. Но эти факты имели место, когда война в Европе была закончена – и все испытали облегчение от возвращения к миру и жили новыми надеждами.

Почему мы обращаем внимание на такое поведение политиков? Потому что представители военной власти вели себя по-другому.

Сам фельдмаршал Александер своевременно предупредил своих вышестоящих начальников о риске, существующем для казаков в случае их передачи во власть Сталина. Генерал Мюррей осторожно предупредил фон Паннвица и его офицеров об угрожающей им опасности. А когда получил приказ о выдаче казаков, оставил для них возможность скрыться. Что касается молодых офицеров, то мы уже слышали выражения их боли и протеста перед жестокостью приказа, который они должны были выполнять.

Военные люди должны были принять ответственность за горькие последствия ошибок, совершенных политиками. Эта ситуация часто повторялась на протяжении истории и нам, чилийцам, тоже довелось пережить это.

Французский писатель-романтик Альфред де Виньи, отчеканил фразу «Неволя и величие солдата». Может быть, глубокое значение сочетания этих двух понятий даст нам ключ для понимания трудногоповторяющегося опыта жизни, о котором мы здесь говорим.

Надо отметить и ещё один момент – существование двух различных категорий среди людей, выданных Сталину.

С одной стороны – это солдаты, которые действительно воевали против Советского Союза. С другой – гражданские люди: старики, женщины и дети. Это были, в том числе, и семьи бойцов, но в любом случае – все они невинные люди, которые не должны были нести жестокое наказание в сталинских лагерях, как это произошло на деле. Такое преступление, как выдача на расправу невинных - не имеет оправданий.

Что касается бойцов – то, вслед за Сталиным, их многие называли и называют предателями Отечества. Между тем, такое позорное клеймо требует анализа. Ведь само слово Отечество (Patria), происходя от латинского pater - отец, означает «terra paterna» - «земля отцов», но не в буквальном смысле, что на этой земле действительно жили наши отцы (иногда это не так), а в смысле более личном, означающем для нас защиту, укрытие, землю, которая нас породительски приветствует. Если страна, в которой мы родились, не только нас не привечает, но и угрожает нашим свободам и правам, нашим религиозным и семейным ценностям, это уже не Родина и не Отечество в высоком смысле этих слов. Всякий долг предусматривает права. В случае, если эти права попираются представителями власти какой-либо страны – то, пока сохраняется эта ситуация, граждане этой страны свободны от своего долга перед ней. Правильнее говоря, остается единственный долг – сделать все возможное для освобождения этой страны от тирании, которая насильственным путём уничтожила сам смысл понятия Отечество.

Именно это случилось с казаками и со всеми Белыми русскими. Россия, превратившись в СССР, перестала быть для них «Отечеством», так как правящая в ней коммунистическая власть уничтожила основные свободы, разрушила семейные и религиозные принципы – все естественные ценности, лежащие в основе человеческого достоинства.

Спустя годы после этих трагических событий, английский юрист Ребекка Уэст в своей книге «The Meaning of Treason» защитила этот тезис не только в моральном плане, но и ввела его в юридическую науку. С тех пор очень многие юристы придерживаются этих принципов.

В заключение скажем, что единственный голос, прозвучавший в мире в защиту двух миллионов жертв, переданных на уничтожение в СССР, был голос Папы Пия XII. Он публично заявил, что «отказ в праве на убежище и принудительное возвращение людей означало предательство идеалов и моральных принципов, за которые боролись союзники».

Никто не услышал его голос и вокруг трагедии жертв насильственных выдач на долгие годы установился заговор молчания.

ГИБЕЛЬ КРАСНОВЫХ

Что касается выдачи казачьего командования советским властям, англо-русский историк Н.Д. Толстой в своей книге «Секретная война Сталина» отмечает:

«Иногда случаются трагические ошибки по причине запутанности ситуации настоящего момента. Между тем, мои исследования подтвердили, что выдача генерала Краснова и его товарищей, была результатом заранее разработанного плана».

В действительности, нельзя игнорировать тот факт, что многие казачьи командиры, в особенности Краснов и Шкуро, были личности широко известные на Западе. Последний, во время гражданской войны в России, был награжден королем Англии за свои героические действия против большевиков. Так же нельзя забывать обстоятельство, что ни один из них не имел советского гражданства (исключая генерала Доманова). И поэтому секретная часть Ялтинского договора на них не должна была распространяться. А раз они были переданы в руки Сталина, то, как говорит Толстой, это было несомненно «тщательно подготовлено». Толстой находит подтверждение существования такого сговора в воспоминаниях советского генерала Штеменко, где тот упоминает о некоем «предъявленном союзникам твердом заявлении советского правительства с требованием выдачи Краснова, Шкуро и остальных военных преступников».

В случае с Красновыми, речь шла не только об атамане Петре Николаевиче и генерал-майоре Семёне Николаевиче – это касалось и остальных членов семьи. Стоит задаться вопросом – каковы были причины, подвигнувшие коммунистов преследовать всех их с таким упорством? Ответ мы нашли в некоторых текстах лидеров большевиков. В одной из программных статей председателя ВЧК Дзержинского, опубликованной в 1919 году, и, несомненно, согласованной и одобренной Лениным, буквально говорится о Краснове, как о том «типе» человека, которого необходимо ликвидировать - все равно, «будь тот белогвардейцем или социалистом». Значит, речь шла не только лишь о политических идеях. Было что-то большее, что делало из Краснова человека особенно опасного и давало повод Ленину представить в его лице архетип врага, которого нужно ликвидировать. Что это было? Мы не можем судить об этом с полной уверенностью. Может быть, его достоинство и моральная целостность, верность собственным принципам? Как бы то ни было, но мнение Ленина является догмой для коммунистов всех времен, в том числе, и сегодняшнего дня. Ленин не потерял своей харизмы и псевдо-непогрешимости. Чем же тогда ещё объяснить, что в Москве, столько лет спустя после обвала Советского Союза, его мумия остается предметом преклонения и никто не решается захоронить её?

Поэтому не так уж и маловероятно увидеть в этом мандате Ленина основу непотухшей до сегодняшнего дня ненависти.

Но наибольшее подтверждение этот тезис находит в продолжении нашего рассказа, когда мы узнаем о трагическом повороте в жизни всех членов семьи Красновых.

Нам уже известно, что четверо из них принимали участие во Второй мировой войне. Из них трое – Пётр Николаевич, Семён Николаевич и внучатый племянник атамана- Николай, находились в Лиенце. В результате,они вместе были переданы в руки советских властей. Все трое были отправлены на самолете в Москву и там заключены в тюрьму на Лубянке, в штаб-квартире советской госбезопасности. Четвертого – отца Николая, привезли туда же позднее, но нам неизвестно, сколько времени он пробыл в заключении в этом месте. Мы знаем, что Николай Николаевич и его сын были приговорены соответственно, к 25-ти и 10-ти годам принудительных работ. Оба были разлучены и никогда больше не увиделись.

Николай Николаевич–младший единственный из Красновых, кто смог выжить. Вообще, очень немного казаков вышло из лагерей. Во время своего нахождения на Лубянке, Пётр Николаевич сказал ему: «Если выживешь, расскажи обо всем произошедшем. Начиная с Лиенца и до конца твоих мучений. Запоминай все вещи. Мир должен узнать правду о том, что случилось». Отсидев свой срок, который его твердая натура смогла выдержать, Николай был освобожден и, так как имел югославское гражданство (только сейчас принятое во внимание), смог выехать из СССР. За границей, выполняя завет Петра Николаевича, он написал книгу «Незабываемое», которая была переведена на многие языки, в т.ч. и испанский. Благодаря этой книге и другим свидетельствам очевидцев, писатели и документалисты, на которых мы ссылались, узнали о многочисленных неизвестных нам событиях.

Оставим до поры самого молодого из Красновых и вернемся в камеры Лубянки, где Красновы ожидали решения своей судьбы. Это произошло с задержкой более чем в полтора года и этот последний этап жизни пленников покрыт глубокой тайной.

В конце концов, через 19 месяцев предварительного заключения, 15 января 1947 года, в 6 часов утра, начался формальный процесс – за закрытыми дверями и без защитников. Будет не лишним повторить имена заключенных – это были генералы Пётр и Семён Красновы, Андрей Шкуро, Гельмут фон Паннвиц, Тимофей Доманов и Султан-Гирей Клыч. Приговор был вынесен на следующий день, 16 января в 19:30 вечера: для всех – смерть через повешение.

Очевидец рассказывал много лет спустя, что жертвы выслушали страшный приговор молча и с полным достоинством. Единственным, кто демонстрировал нервное состояние, был Доманов. К тому же он был единственным из подсудимых, кто сформировался как офицер в Советском Союзе. Возможно, по этой причине у него отсутствовала духовная твердость, которая помогала его товарищам в тот момент.

Приговор был приведен в исполнение немедленно во внутреннем дворе Лубянки и их тела были захоронены в общей могиле в неустановленном до сих пор месте.

Так, почти в восьмидесятилетнем возрасте, закончил свою жизнь последний великий Атаман донских казаков. Вместе с ним погиб его ближайший соратник и родственник Семён, который верно сопровождал его в эти тяжелые годы. Оба они были верны старейшим законам рыцарей средневековья - благородство обязывает.

Это означает, что более высокое звание предусматривает большую ответственность. Высокое звание не является привилегией, а мандатом на несение службы. Эта норма, в своей основе евангелическая, была смыслом их жизни, отданной без оглядки для защиты своей веры и своей Отчизны.

Здесь мы закончим рассказ о жизни двух героев этой истории. Но теперь нам предстоит проследить путь оставшихся двух - Николая Краснова-старшего и его сына Николая Краснова-младшего, которых мы оставили, лишь упомянув о приговорах к 25-ти и 10-ти годам принудительных работ.

После окончания Второй мировой войны большинство военнопленных оставалось в советском ГУЛаге, тяжелой работой внося свой обязательный вклад в возвышение вновь создаваемой империи. Среди них был венгерский врач, доктор Золтан Тот, который после смерти Сталина смог вернуться на свободу. Он написал воспоминания, под названием «Пленник СССР: 11 лет в плену» (в 1987 году она была переиздана в Чили). Его профессиональные качества помогли ему выжить, так как начальники лагерей нуждались в его знаниях для лечения заключенных, особенно в период, когда смертность от голода среди них достигала наиболее высокого уровня.

Доктор Тот побывал в ужасных лагерях Крайнего Севера, но в 1948-м был переведен в Дубровлаг в Мордовской АССР. Там он увидел – цитирую дословно – «...что среди других знаменитых пациентов находился полковник Николай Николаевич Краснов, племянник известного атамана. Он был приговорен к 25-ти годам, а его сын к 10-ти. После того, как они расстались, полковник больше никогда ничего не узнал о своём сыне. Я не мог много разговаривать с ним. Его состояние было очень тяжелым. Проблемы с сердцем и дистрофия третьей степени (от голода) обездвижили его – он не мог вставать с койки. В таких тяжелых случаях мы ничего не могли поделать. Состояние полковника Краснова ухудшалось день за днем и, после краткой агонии, он умер в один из ноябрьских дней 1948-го...».

Так горестно закончилась жизнь третьего из Красновых, переданных англичанами в руки Сталина.

О его сыне Николае, последнем из Красновых, выданных в Австрии, мы уже знаем, что он пережил десятилетний срок заключения и смог выехать из Советского Союза. Его книга «Незабываемое» – незаменимый источник по теме нашей истории.

Но прежде, вкратце напомним, что Николай тоже был в Лиенце в сопровождении своей жены и ещё совсем маленькой дочери, которую он обожал. Именно он перед уходом на фатальную «конференцию» с фельдмаршалом Александером, попросил свою жену по возвращении приготовить ему яичницу. «Я задержался на одиннадцать лет, прежде чем снова смог её поесть» - позднее грустно пошутил он в своей книге.

Малоизвестные детали из его последующей биографии нам добавляет бригадир Краснов – его младший двоюродный брат.

Выехав из СССР, Николай Краснов направился в Париж, где было много казаков, в поисках каких-либо сведений о своей жене и дочери. Кто-то сообщил ему, что его жена смогла бежать и эмигрировала в Буэнос-Айрес. Николай направился вслед за ней, но его поиск закончился встречей, причинившей боль не менее сильную, чем ему уже пришлось пережить раньше. Столько лет не имея никаких известий о своём муже и небезосновательно полагая, что практически невозможно возвращение живым из СССР кого-либо из Красновых, его жена вышла замуж и имела новую семью. Но было и ещё кое-что более горькое: во время бойни в Лиенце, его дочь вырвали из объятий матери, и она больше никогда не узнала, что стало с бедным ребёнком – погибла ли она или была отправлена в Советский Союз без родителей.

Теперь, в одиночестве, с болью в сердце после этих страшных новостей, Николай (знавший о существовании своих родных в Чили), написал письмо матери Михаила и планировал приехать повидаться.

Но прежде он хотел выполнить завет Петра Николаевича - написать воспоминания. Так он и сделал, и вскоре появилось первое издание книги «Незабываемое» на русском языке. Нам неизвестно, успел ли он увидеть перевод своего произведения на английский и французский языки.

Написав правду о своём жизненном опыте в лагерях Советского Союза, Николай Краснов снова пошел против советской власти – ибо в Москве считали естественным, что бывшие заключенные ГУЛага ничего не будут рассказывать о том, что там видели и пережили.

Коммунизм не мог простить такой книги, тем более за подписью одного из Красновых.

22 ноября 1959 года Николай находился в театре и неожиданно упал мертвым. Его друзья казаки попросили произвести вскрытие тела. В результате выяснилось, что он был отравлен.

Его останки захоронены на кладбище Сан Мартин, в Буэнос-Айресе.

Так погиб последний из Красновых, сопровождавших атамана до конца войны.

Коммунисты могли быть удовлетворены – указания Дзержинского и Ленина, кажется, был выполнены.

БОЖЬЯ ВОЛЯ

Вернёмся снова в Лиенц. Семён Краснов находился там вместе со своей женой кубанской казачкой Диной Марченко. Они поженились в разгар войны и Дина, пользуясь прекращением боевых действий, вместе со своей матерью Марией Иосифовной Марченко (Шипановой), приехала повидать своего мужа. Никто не мог предвидеть ужасных последствий, которые обе женщины переживут впоследствии.

Дина была беременна и с радостью молодой матери ожидала рождения своего первого ребенка. Её муж тоже жил этой надеждой, прежде чем на обоих супругов обрушилась жестокая трагедия. С болью в душе понимая, что её сын родится без отца и, сохраняя в памяти трагические сцены, свидетелем которых ей пришлось стать, мужественная женщина боролась с тяжелейшими обстоятельствами со всей присущей ей твердостью духа. Необходимо было выжить, чтобы её ребенок тоже смог жить.

В Лиенце, запершись в маленьком домике вместе с матерью, она не имела ни дня спокойствия. Обрушившийся на несчастных казаков ураган всё ещё озлобленно рвал и метал. Риск подвергнуться насильственной выдаче сохранялся в полной мере. Николай Толстой, наиболее глубоко из всех исследователей ознакомившийся с британскими архивами, с уверенностью заявляет, что англичане прибегали к помощи СМЕРШа (Главное управление контрразведки Народного комиссариата обороны СССР), в своей охоте на казаков. Услуги СМЕРШа были очень эффективны. По окончании войны, как только казачьи части расположились в регионе, британские власти с удивлениемобнаружили необычайную информированность советских спецслужб обо всем, связанном с казаками. Они знали точные места расположения подразделений, количественный их состав, имена командиров, и особо интересовались – где находится каждый из Красновых.

Поэтому совершенно понятно чувство ежедневного ужаса, пережитого Диной Марченко и её матерью. Для того чтобы пропасть навсегда, достаточно было любого доноса.

Очень вероятно было, что советские контрразведчики уже знали от своих информаторов, что она ждет рождения ребенка.

Но так же, как есть бессовестные и озлобленные души, везде существуют и благородные сердца. Британским офицерам уже надоела неблагодарная роль, которую их обязали исполнить в операции сдачи казаков. Теперь некоторые из них старались предоставить свою защиту Дине и её матери. Когда возникала опасность обнаружения, офицеры прятали обеих женщин и даже помогали им скрытно покидать на короткое время территорию, оккупированную британцами.

Нам неизвестно, сколько дней или недель длилось это тяжкоепостоянное состояние тревоги, но неожиданно, и, можно сказать, с небес снизошла помощь более определенная и прямая. Один чилийский дипломат по фамилии Санта Круз много лет назад встречался с атаманом Красновым в Париже. В момент окончания войны, находясь в Италии, он получил известие о трагедии Лиенца и по стечению обстоятельств попал туда. Уже на месте он вскоре узнал о тяжелой ситуации, в которой оказались две родственницы атамана и предоставил им свою помощь. Пользуясь правом на дипломатическое убежище, он снял дом, где укрыл обеих женщин и кроме них другие казачьи семьи, находящиеся в аналогичной ситуации – всем им он предоставил убежище под чилийским государственным флагом. К сожалению, Михаилу Краснову неизвестно ничего, кроме фамилии этого чилийского дипломата, который спас жизнь его самого и его родных. Архив Министерства иностранных дел временно закрыт для широкой публики и по этой причине оказалось невозможно узнать больше об этом человека. Так как Чили в то время прервала отношения со странами нацистского блока, не исключено, что он не был дипломатом как таковым, но имел какой-либо статус международного чиновника. Возможно из УНРРА (UNRRA) – организации, созданной в 1943 году под эгидой Объединенных Наций с целью оказания помощи беженцам..

В этом убежище Дина Марченко находилась в ожидании родов - на том же месте, где всё было полито казачьей кровью. В этот маленький тирольский городок, ставшим для неё и для её народа символом смерти, жизнь вернулась чтобы востребовать свои права. 15 февраля 1946 года открыл глаза и появился на свет ребёнок – маленький казак Михаил Краснов.

По правде сказать, Божья Воля всемогуща и разрушает хитроумно сплетённые людские планы.

Героическая династия Красновых все-таки выжила.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

КАЗАК С ЧИЛИЙСКОЙ ДУШОЙ

НА ПУТИ К НОВОМУ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЮ

Согласно самому раннему документу, маленький Краснов был крещён в православной церкви Святого Николая города Лиенца, отцом Тимофеем Соиным. Текст не только свидетельствует о крещении (на русском, французском и немецком языках), но в то же время этот документ действителен как свидетельство о рождении.

Через некоторое время с осторожной помощью двух офицеров (одного английского и другого американского) Дина Марченко, её мать и новорожденный смогли выбраться из Австрии под присмотром и с постоянной помощью чилийского дипломата приехали и расположились в порту Триест. Там они были вынуждены провести нескончаемые месяцы ожидания до тех пор, пока господин Санта Круз смог добыть для них два места на судне, направляющемся в Южную Америку. На борту этого корабля, пристроившись кое-как, практически вповалку, уже находились сотни беженцев, плывущих в поисках нового будущего, оставляя за спиной разруху Европы, а зачастую – руины своих собственных жизней.

Судно называлось «Mercy». По окончании медленного и очень горестного плавания, наконец, оно причалило в порту Вальпараисо 19 августа 1948 года.

В тот момент мать должно быть подумала, что ей удалось создать непреодолимую дистанцию между своим сыном и коммунизмом, поглотившим его отца и всех его родных.

Принятые чилийским правительством все беженцы были переправлены в Сантьяго и временно расположены на территории Национального стадиона, где пробыли около двух месяцев в секторе раздевалок или в палатках. Михаил, естественно, ничего не помнит о том периоде, но позднее слышал в разговорах своей семьи, что жена чилийского президента, госпожа Роза Маркманн де Гонсалес лично позаботилась о помощи им в трудные первые дни. Позднее Дина Марченко имела возможность познакомиться с ней и лично поблагодарить за помощь.

Чили тех лет должна была показаться наиболее подходящей страной как Дине, так и её матери Марии. Президент Республики – Габриэль Гонсалес Видела пришел к власти не без помощи левых партий. Он даже поручил коммунистам руководство двумя министерствами. Но они организовали революционную забастовку, пытаясь парализовать страну. Президент снял обоих министров со своих постов, передал правоохранительные органы под контроль Вооружённых Сил и призвал все немарксистские партии принять участие в политическом блоке, получившем название «Национальное объединение». Таким образом, располагая подавляющим парламентским большинством, президент Видела смог выдвинуть и провести через парламент так называемый «Закон о защите демократии», в результате чего коммунистические организации оказались вне закона, что способствовало высылке за границу многочисленных марксистских деятелей. В течение последующего десятилетия жизни нашего народа коммунисты были вынуждены оставаться в подполье.

Такое развитие событий обнадёживало и успокаивало людей, прибывших в эту страну в своём бегстве от советского террора.

Когда Семён Краснов повстречалсяс Диной Марченко в Париже, то она изучала несколько иностранных языков, среди которых был испанский. Но, кроме всего прочего, она чисто говорила на французском и на итальянском. По этой причине, ей, по настоящему целеустремленной и сильной женщине, было нетрудно довести владение испанским до высокого уровня.

Уже через несколько месяцев после прибытия в Чили госпожа Марченко предложила свои услуги Министерству иностранных дел, куда её приняли на работу в качестве переводчика.

Теперь она могла зарабатывать на хлеб для своей семьи. Пока Дина работала, маленький Михаил рос под присмотром своей бабушки Марии.

Первый приют семья эмигрантов нашла в двух комнатах, снятых в пансионе на улице Бразиль, на пересечении с проспектом Аламеда. Когда их экономическое положение немного улучшилось, они смогли снять дом в районе Побласьен Чили (ул. Викунья Макенна и ул. Санта Елена), а позднее переехали на улицу Лос Платанос (район Макуль) и вскоре – на противоположный конец тогдашнего Сантьяго, на пересечении проспектов Аламеда и Генерал Веласкес.

Через некоторое время из Европы приехал и брат Дины – Константин. После начала Второй мировой войны он был мобилизован во французскую армию, но в мае 1940 года под Дюнкерком оказался в немецком плену, где и пробыл до 1945 года. После войны он оказался в бедственном положении, подрабатывая в качестве чернорабочего. Дина помогала ему, чем могла в обустройстве в новой стране, благодаря чему Константин смог получить профессию и наладить в Чили нормальную жизнь. Впоследствии, преуспев, уже он помогал Дине и её семье. (Примечательно, что в годы Второй мировой войны эти люди оказались по разные стороны фронта – но это нисколько не отразились на их отношениях. Это разительно контрастирует с людьми, жившими в СССР, где политика разрушительно сказывалась на семейных и родственных связях).

Мы вкратце упомянули об этих деталях, так как они очень хорошо характеризуют Дину Марченко и её целеустремленность в улучшении качества жизни её родных.

Другой очень интересный вывод, который напрашивается от ознакомления с этим перечнем мест жительства - это явная твёрдая интеграция семьи Красновых в наиболее широкий и прогрессивный социальный класс чилийского общества – средний класс.

Высокие чины и военные почести остались в семейном прошлом. Бабушка Мария позаботится, чтобы Михаил не забыл об этом. Но его жизнь теперь уже протекала в местной атмосфере, и он стал ещё одним чилийцем своего времени.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ

Предыдущее повествование показывает, что впечатления Михаила о своём детстве имеют большое сходство

с воспоминаниями любого другого мальчишки его поколения. «Пичангас» (дворовый футбол) с соседскими друзьями - ведь немногочисленное транспортное движение тех времен позволяло играть на улицах. Позднее пришла страсть к мотоциклам, которые, в любом случае, были недосягаемой мечтой как его самого, так и его сверстников. Более тяжело было осознавать и ту реальную действительность, что материнского заработка не хватало даже на покупку велосипеда, хотя некоторые из друзей его уже имели.

Михаил по-доброму завидовал своим товарищам, имевшим отца. Но мать делала все, чтобы семья жила нормальной жизнью. Он хорошо помнит о её усилиях и стараниях в поисках хороших подарков на Рождество и ко дню рождения, на которые откладывалась часть не очень большого семейного дохода.

Обобщая свои воспоминания, Михаил говорит, что был обычным и счастливым мальчишкой, хотя и с нуждами и проблемами, соответствовавшими социально-экономическому уровню своей среды.

Учился он в государственных общеобразовательных школах. Начальное образование получил в школе «Республика Аргентина» (на ул. Викунья Макенна - между проспектом Матта и ул. 10 Июня). По тогдашним нормам начальный образовательный уровень имел шесть «подготовительных» классов, но наиболее успевающие ученики могли «перескочить» с 5–го класса на 1-й гуманитарный (среднее образование). Получилось это и у Михаила, так как он был учеником с отличной успеваемостью. Он рассказывает, что это была очень хорошая школа и хранит о ней наилучшие воспоминания.

Свой следующий учебный этап Михаил прошел в Лицее № 8, который до сих пор носит тогдашнее имя «Артуро Алексcандри Пальма». Сейчас этот лицей расположен в другом месте, так как уже в те времена это было старое здание на улице Викунья Макенна. Необходимость и срочность переведения этого учебного заведения в более хорошее помещение, спровоцировали учеников и студентов тех лет к захвату и оккупации лицея – акция, в которой Михаил принял участие с большим энтузиазмом. Но только до того момента, пока мать не увела его домой, к его стыду оттянув за ухо на глазах у всех его соратников по «борьбе».

Михаил успешно обучался в этом лицее с 1-го по 3-й год гуманитарного образования, был хорошим учеником, хотя и не отличником. Он вспоминает, что единственным предметом, где он испытывал некоторые трудности, была работа с инструментами и поделками (уроки труда). Судя по симпатии и благодарности, с которой Михаил упоминает своих учителей – господина Лерманда, госпожу Риверос, господина Серда и др., можно предположить, что образование тех лет было лучше, чем сегодня – сейчас учебной программой недовольны как ученики, так и учителя.

В общих чертах, как мы уже сказали в начале этой главы, детство и юношество Михаила очень похоже на детство любого другого мальчишки своей среды. Основы воспитания и привычки – простые и очень даже наши. Сын и внук казаков с легкостью адаптировался в своей новой жизни как чилиец среди таких же чилийцев.

С начальной части и до сих пор, развитие событий, кажется, претерпело поворот на 180 градусов.

Между тем, наследственные традиции не затухают так легко. Это как хорошие дрова в домашнем очаге, горячие угли которых сохраняются долгое время, прикрытые пеплом.

Каким образом демонстрируется эта традиция в случае с нашим героем?

В первую очередь, его религиозной верой. Михаил вспоминает свои детские эмоции и воодушевление перед церемонностью обрядов Русской православной церкви, на которых он присутствовал по воскресеньям вместе со своей матерью и бабушкой. Кроме того, его участие не ограничивалось простым присутствием - с 7-ми лет до 16-ти он был чтецом, чем особенно гордился.

Другим примером сохранения твердых семейных традиций являются человеческие ценности, преподанные в домашнем кругу этому юноше, казалось бы оторванному от своих корней и перенесенному на другой край света. Михаил помнит постоянное внимание, уделявшееся его матерью и бабушкой формированию четких основ его мировоззрения. Считаю важным процитировать его дословно: «Особое внимание в моем воспитании уделялось принципиальным жизненным ценностям, каковыми являются честь, смелость, достоинство, уважение и хорошее поведение». Это последнее качество, по его словам, не совсем проявлялось в его характере в детстве и юношестве.

Что знает Михаил на этом этапе своей жизни о трагедии своих родных?

Всё. Его бабушка с детства рассказывала ему об истории Красновых, революции в России, эмиграции его семьи во Францию, о Второй мировой войне и трагедии Лиенца.

Между тем, среди тех ценностей и качеств, которые Михаил впитал как результат своего воспитания, не было места и,более того, были полностью исключены ненависть и любые подобные отрицательные чувства. Важно уделить этому внимание, так как в последующем появятся лица, жаждущие обвинения и пытающиеся приписать ему чувство мести, как результат истории его семьи.

Это абсолютно фальшивое утверждение. Совершенно очевидно, что воспитание, полученное Михаилом в своём доме, соответствует христианской семье с очень глубокими традициями. Ранее мы указали на радикальные изменения, которые претерпела их жизнь, но речь шла об изменениях в чисто внешних аспектах. (Ничто нам не указывает на то, что Красновы, эмигрировавшие в Чили, были подобны некоторым снискавшим дурную славу эмигрантам, мотивированным только собственными экономическими интересами и не имевшим прочных моральных принципов).

И как мы уже сказали – менее всего семья хотела воспитывать ребенка в атмосфере мстительности! Значение фамилии Краснов в его семье не воспринималось как привилегия и не являлось мотивом для постоянной личной боли, а наоборот – служило требованием к высокой моральной ответственности.

С другой стороны, усвоенные им человеческие ценности соответствовали существовавшим в чилийском обществе тех времен и, без сомнения, стимулировали его более легкую интеграцию в том мире, где ему предстояло жить.

Теперь познакомимся поближе с двумя женщинами, которые сыграли важную роль в формировании этого будущего офицера чилийской Армии.

Между ними имело место существенное различие. Мать Михаила – Дина, работала для содержания семьи и потому мало времени находилась дома.

С другой стороны, со временем она снова вышла замуж, но это новое замужество не было счастливым и через несколько лет закончилось разводом. Этот этап жизни сказался на снижении её влияния на сына.

Потому более весомое значение в воспитании Михаила имела Мария, его бабушка по матери.

Восприятие прошлого двумя женщинами было абсолютно противоположным. Дина Марченко никогда не затрагивала этой темы. Можно было подумать, что она похоронила её навсегда. Казалось, что она жила без воспоминаний, сегодняшним днем, а, скорее всего, будущим, прежде всего, заботясь о своём сыне. Её моральная сила была также велика, как и роль в хозяйственных делах. Её целью было сделать из Михаила настоящего мужчину, уравновешенного и ответственного, чтобы его жизнь была как можно более серьезной и значимой. Для этого надо было покончить с видениями прошлого, чтобы ни одно из них не смогло набросить тень боли на судьбу и будущее сына. Поэтому она волевым решением стерла их из своей собственной памяти. Или, по крайней мере, старалась показать это внешне.

И наоборот – бабушка сохраняла глубокую память, охватывающую не только периоды революции и последующей эмиграции, но и воспоминания о своей юности во времена старой России. Уже исчезнувший мир, но ещё живой в памяти тех, кому он был знаком. Мария Иосифовна не уставала оживлять атмосферу тех времен в своих впечатляющих рассказах ошеломленно слушающему внуку. Героические походы казаков и слава Красновых, знаменитых донских казачьих генералов и атаманов, историю своей собственной семьи, находящейся в родстве с князьями Ачибекскими и её мужа Владимира Марченко - из потомственных кубанских казаков.

Судя по следам, которые оставили её истории в памяти Михаила, можносказать, что бабушка владела настоящим талантом рассказчика. «Она была типичной старушкой-сказочницей», - рассказывает жена Михаила, которая хорошо её знала – престарелая сеньора дожила до 94-летнего возраста.

Без сомнения, она была оригинальной и привлекательной личностью. Женщина высокой культуры, чувствительная и простая в общении. Её внук помнит, как она плакала, слушая «Увертюру 1812 год» Чайковского. Эта мелодия, с воодушевлением прославляющая победу России над войсками Наполеона, заканчивается торжественными звуками российского императорского марша, который она слышала не раз в счастливые времена своей долгой жизни.

К тому же, её личность, как и сама её жизнь, могли быть темой для многочисленных отдельных историй.

В своей молодости, в России она училась балету и до конца своих дней сохранила красоту и гибкость.

Она была упорная курильщица и, по словам её внука, расходовала чуть ли не всего одну спичку в день для закуривания первой сигареты. Остальные последовательно прикуривала от предыдущей.

Как настоящая казачка, была великолепна в верховой езде.

Падение Империи и восстание казаков против коммунистического правительства, превратили жизнь Марии Шипановой (Марченко в замужестве) в цепь настоящих приключений. Наиболее значительное из них приходится на её участие в Ледяном Походе, незабываемом в истории кубанских казаков. Боевая бабушка Михаила приняла участие в этом походе «не только как спутница своего мужа – как она сама уточняла, - а как боец с винтовкой в руках».

Снежные бури и бесконечные просторы России превратили эту экспедицию в поход смерти. Много казаков умерло от замерзания или претерпело ампутации конечностей после обморожений. Оба Марченко – муж и жена, дошли до конца живыми и здоровыми.

Много лет спустя после этих событий от имени казачьих организаций Зарубежья госпоже Марии Марченко вручили памятные медали знаменитого Ледяного Похода. Говорю о медалях, так как ей были вручены две – одна для нее, а другая на имя её мужа, полковника Владимира Николаевича Марченко. Тот никогда так и не смог вырваться из СССР. Будучи передан в руки Советов англичанами в 1945 году, он в последующем был отправлен в неизвестном направлении в Сибирь, в темные глубины ГУЛага.

Как очень хорошо помнит Михаил, дома бабушка Мария повесила на стене фотографию его деда, кубанского казака. В один из дней 1955 или 56 года, этот портрет неожиданно упал на пол, а когда его подняли, то убедились, что гвоздь, на котором он был подвешен, находится на своём месте и шнур тоже не оборвался. Его падение не имело каких-либо вразумительных причин. Но через несколько лет после случившегося, они узнали от казаков, которым удалось выехать из СССР во время хрущевской «оттепели» благодаря наличию иностранного подданства, чтоВладимир Марченко давно нет в живых - в ГУЛаге. [Прим. ред. - Примерную дату его смерти удалось установить сравнительно недавно – по имеющимся сведениям, это произошло в 1946 году в лагере в Кемеровской области.]

Возвращаясь к бабушке, Марии Марченко – она умела помнить, но жила не только прошлым. Наоборот – значительное влияние, которое она оказывала на своего внука, показывает, что она всегда была очень внимательна к настоящему и всегда принимала участие в жизни своих родных, даже в самых мелких её деталях. Михаил называл её по-русски «Бабушка» или «Бабуля» - слово, которое соседские друзья произносили на свой лад как «сеньора Були» и, встретившись с ней на улице, следовали за ней, так как она всегда имела в своих карманах для них карамельки.

Это нормально, что в жизни каждого из нас есть какая-либо личность, оставившая особый след в наших сердцах. Кто-то по своему характеру, по своей совместимости с нашими индивидуальными качествами или по какой-либо другой причине, всегда оставляет наиболее глубокий след в нашем формировании. Для Михаила Краснова этим человеком была его бабушка Мария Марченко.

Легко догадаться, какое значение для нее имел внук Михаил – как для женщины, уже потерявшей всех в своей жизни. Видеть его взросление, приближение к совершеннолетию, приобщение к ценностям и принципам её семьи – все это позволило ей увидеть в нем воскрешение её потерянного мира. Мигель был для нее гордостью и наполнял её жизнь новым смыслом.

ЗОВ КРОВИ

В 1962 году Михаил проходил обучение по курсувторого гуманитарного класса. Как и в предыдущие годы, учителя должны были делать ему постоянные замечания за своего рода «повстанческое» поведение. В тоже время, он не имел особенных проблем по успеваемости в учебе. Широкие умственные способности и кругозор позволяли ему преуспевать по всей учебной программе.

Но в этот период своего юношества школьник Краснов принял твердое решение – поступить в Военное училище.

Без сомнения, в этом раннем выборе жизненного пути имело место влияние его бабушки. По её рассказам Михаил знал, что многочисленные предки его семьи были военными. Не потому ли его интерес к военной службе был вполне естественным?

Этот юноша, взращенный и воспитанный двумя сильными духом и целеустремленными женщинами, в тоже время жил несколько ограниченно. Его мир включал только нескольких соседских сверстников и товарищей по учебе. Он не имел никакой возможности получить представление о чилийских военнослужащих, даже никогда не видел военных парадов.

Между тем, этот жизненный проект захватил его душу, даже притом, что он не имел полного представления о чилийской Армии. Нет сомнения в силе зова крови предков: она несет в себе отеческое наследие, тем или иным образом влияющее на нашу жизнь, хотя мы сами иногда и не догадываемся об этом.

Но дома Михаила ждал серьезный разговор. Если бабушка Михаила была счастлива решению своего внука, то мать наоборот – категорически и всей душой была против. А Дина Марченко имела очень сильный характер.

В действительности, её несогласие с выбором Михаилом военной карьеры было объяснимо. Дина приложила все свои усилия для того, чтобы стереть следы прошлого. Она хотела чтобы её сын никоим образом немог повторить судьбу своих предков и не пережил того, что пришлось пережить ей и всем её родным.

Во время этого семейного конфликта, в спорах, Дина говорила Михаилу о своем предчувствии:

«С фамилией, которую ты носишь, никогда не дослужиться до генерала».

Между тем, в Чили 1962 года ничто не оправдывало страхов какой-либо политической дискриминации. В результате, оставив без внимания аргументы матери, будущий кадет (в Чили так называют курсантов высших военных училищ) продолжил свою подготовку к поступлению в военное училище.

Бабушка Михаила не ограничилась только лишь одобрением выбора своего внука. Она взяла на себя все предварительные административные процедуры, необходимые для поступления. Надо отметить, что это было непросто для бабушки, которая говорила на ломаном испанском языке, но это не стало для нее препятствием в сборе всех необходимых документов.

Михаил с благодарностью вспоминает учителей своего лицея, оказавших ему поддержку в подготовке к вступительным экзаменам, которые он сдал на отлично в конце 1962 года.

Жребий был брошен. Михаил любил и очень уважал свою мать, имел полное представление о трудностях её жизни и жертвах, которые она приносила во имя его воспитания и образования. Но зов крови предков был сильнее, чем советы матери.

15 февраля 1963-го Михаил Краснов поступил в Военное училище г. Сантьяго (главное училище сухопутных сил) и стал кадетом.

Всего через два дня первоначального ознакомления с этим новым миром, он получает неожиданный приказ: начальник училища, полковник Серхио Кастильо Арангис вызывает его к себе в кабинет. Михаил даже не имел положенного обмундирования, чтобы предстать перед лицом высшего командира в училище. Офицеры-инструкторы исправили положение, наскоро одев новобранца в обмундирование других кадетов. Итак, «ряженый» и несколько испуганный, Михаил вошел в строгий кабинет командира. То, что он увидел, испугало его ещё больше – его мать сидела перед столом начальника училища. К счастью, у него не было времени на раздумья по поводу возможных последствий этого визита. Полковник Кастильо холодно обратился к нему:

- Кадет Краснов, Вы хотите быть военным или нет?

- Так точно – хочу, господин полковник! – не задумываясь ответил Михаил.

- Хорошо. Можете идти.

Михаил так никогда и не узнал, о чем вела разговор его мать с полковником.

Без сомнения, она пришла в училище попытаться разыграть свою последнюю карту - с надеждой убедить полковника Кастильо, что её сын не способен к военной службе. Но начальник училища предпочел спросить об этом лично у самого заинтересованного лица и этот маневр не прошел. Мать Михаила была очень сдержанная женщина - ни она, ни её сын Михаилникогда не затрагивали тему о причинах этого визита.

В последующем интересы Дины Марченко полностью сконцентрировались на благополучии и здоровье её единственного сына, но в то же время она была абсолютно равнодушна к его военной карьере.

Что касается Михаила - когда его спрашивают, как он вжился в военный мир, то он отвечает, что с первого же дня «почувствовал, что это моё». Особенности моральных ценностей военной среды были те же, что и полученные им дома и впитанные в кругу его семьи. Но, хотя, это уже само по себе очень важно - тем не менее - естественность, с которой он мгновенно принял жизнь солдата, без сомнения шла из глубины его сердца, из наследственной памяти крови.

Во втором семестре кадет Краснов уже был отмечен за свои успехи в учёбе и спортивных соревнованиях. В частности, в спорте он был неоднократным чемпионом в некоторых дисциплинах по легкой атлетике на протяжении всего своего обучения в училище.

Он был одним из лучших курсантов, особенно по гуманитарным предметам и по, собственно, военной тематике.

В конце первого года обучения сборная команда Военного училища выехала в Лиму (столицу Перу), для участия в 1-м Спортивном Чемпионате Южной Америки среди военных школ и училищ континента. Михаил был в составе делегации, как член легкоатлетической национальной сборной команды Вооружённых Сил, но не смог принять участие в состязаниях – будучи уже в Лиме, на одной из тренировок вывихнул ногу. Руководители сборной дали ему назначение в Комитет внешних сношений чилийской сборной, где в качестве официального представителя национальной команды он показал себя с наилучшей стороны – судя по его незабываемым впечатлениям, оставшимся по возвращении оттуда.

В следующем, 1964 году, Михаил познакомился с Марией де лос Анжелес Басса Салазар – пятнадцатилетней учащейся Лицея №1 имени Хавьеры Каррера. Для обоих эта встреча стала«любовью с первого взгляда», что не удивительно в этом возрасте. Гораздо необычнее другое – эта любовь сохранилась на всю жизнь, что очень нелегко встретить в прозаичной ежедневной реальности.

Казалось, что сама жизнь позаботилась восполнить Михаилу Краснову те утраты, которые он понес в начале своей жизни. Хотя он и вынужден был расти, не имея поддержки отца, но уже в раннем возрасте получил возможность обрести в этой молодой девушке не только жену и мать своих детей, но и, поистине, опору в этой жизни, что в последующем проявилось в полной мере.

В возрасте 16-ти лет Михаил сделал ещё один важный выбор – получил чилийское гражданство. Он чувствовал себя чилийцем с детства, т.к. родился под чилийским флагом, так сказать в далеком «филиале» чилийского дипломатического учреждения. Но власти того времени так не посчитали, и Михаил должен был пройти весь обычный бюрократический процесс, позволивший ему, в конце концов, окончательно оформить гражданство.

В августе 1967 года Михаил Краснов закончил Военное Училище в звании младшего лейтенанта Армии, как офицер сухопутных войск Вооружённых Сил.

В связи с этим получил на своё имя очень неожиданное письмо написанное по-русски и подписанное председателем Объединения Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка в эмиграции.Письмо имело своей целью поздравить его с присвоением звания офицера чилийской Армии и, в

то же время, напомнить об узах, связывающих его с разбросанными по всему миру казаками, которые, как и он, продолжили военную карьеру. «Сегодня в Вашей жизни перевернута важная страница. ...Начинается новый этап – это путь чрезвычайно трудный, но от которого невозможно было уклониться для человека который, как Вы, имеет честь носить фамилию нашего великого Атамана Петра Николаевича».

Председатель, господин Греков, закончил свои поздравления, напомнив молодому офицеру, что «все казаки между собой братья».

Первые назначения младшего лейтенанта Краснова пришлись на подразделения, расквартированные на севере страны. Не будем задерживаться на них, так как эти детали профессиональной карьеры нашего героя даны в приложении в конце этой книги.

В следующих главах мы особо обратимся к тем этапам его военной карьеры, которые против его собственного желания имели очень важное значение и определили радикальный поворот в его жизни.

СЕМЬЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ДНИ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

В сентябре 1970 года, после трех лет жизни, проведенных в гарнизонах городов Арика и Икике, Михаилу Краснову было присвоено звание лейтенанта. Сразу после этого он принял решение жениться на своей подруге юности Марии де лос Анджелес (Анджи - как её зовут в кругу семьи). Впрочем, прежде он должен был получить на то специальное разрешение командования, так как тогда для этого от офицера требовалось прежде всего звание лейтенанта и, кроме этого, достижение 25-летнего возраста (а 25 лет Михаилу в то время ещё не исполнилось). После получения разрешения, венчание состоялось в Сантьяго, в часовне Военного училища. Вместо Семёна Николаевича Краснова в качестве посаженного отца выступил капитан Густаво Вердуго, который был его первым командиром в качестве лейтенанта-инструктора в Училище.

Это был октябрь месяц 1970 года. Радостно погрузившиеся в проекты семейной жизни молодожёны должно быть не особенно были озабочены политической эволюцией страны, с каждым днем все более волновавшей чилийцев.

Между тем, в эти дни свершались тревожные события, от которых никто не мог остаться в стороне. Одно из них, особенно взволновало Михаила - это было зверское убийство Главнокомандующего Вооруженными Силами генерала Рене Шнайдера.

Этот офицер был последним начальником Военного училища в тот период, когда Михаил Краснов заканчивал его и выпускался в звании младшего лейтенанта. Потому Михаил был очень близко знаком со Шнайдером (в то время ещё полковником) и между ними обоими существовали очень добрые отношения, среди всего прочего и потому, что Шнайдер знал о семейной истории своего выпускника.

После свадьбы лейтенант Краснов получил назначение в Сантьяго, в качестве офицера-инструктора Военного училища. Для него самого было радостно вернуться в родное училище, к тому же, имея в виду, что это назначение открывало большие перспективы.

Об этом этапе жизни Михаила расскажем только наиболее важные события, имеющие отношение к семье и некоторые ситуации, определенным образом отражающие социальную жизнь Чили тех лет.

В 1972-м, на 94 году жизни ушла из жизни бабушка Мария. Перед кончиной она попросила похоронить её вместе со знаком Ледяного Похода. Она пожелала унести его с собой, как наивысшее свидетельство своей верности героизму родного казачества.

Потеря бабушки, заполнившей его детство и юность не только воспоминаниями, но и важнейшими нравственными ценностями, для внука было событием очень грустным. Несколько облегчало потерю то, что жизнь Михаила в это время была заполнена ежедневными обязанностями: начало его собственной семейной жизни, рождение его старшей дочери Андреи, которую бабушка не успела увидеть, возрастающие успехи в профессиональной карьере и т.д.

С другой стороны – всё более удаляющийся от своего домашнего очага по причине перемещений по военной службе, сын казака оставил позади семейные воспоминания, такие живые прежде. Тот исчезнувший мир понемногу ушел из его воображения и оживал только в светлом тумане памяти, где хранятся воспоминания детства.

В тот год в семье Краснова и Басса родился сын, названный, как и отец – Михаил. Ещё один Краснов, продолжатель фамилии и военного призвания. На сегодняшний день Михаил-младший является капитаном бронетанковых войск и офицером, допущенным для поступления в Военную академию ВС.

Дополняя семейную картину, в заключение скажем, что 9 сентября 1973 года (накануне вошедшего в историю 11-го) родилась Лорена, третий и последний ребенок в семье.

Но хотя жизнь и дала им много радостных моментов, молодые родители не могли оставаться в отрыве от обыденных проблем всех чилийских семей тех дней.

Наоборот, имея на руках двух малолетних детей и в ожидании появления на свет третьего, жизнь требовала от них приложения больших усилий в поисках продуктов и всего необходимого для домашнего очага, недостаток которых возрастал угрожающим образом.

Хорошо понимая сложность ситуации, в один из дней начальник Военного училища сообщил своим подчиненным, что в близлежащий магазин завезли продукты, и по этому поводу дал им разрешение на отлучку.

Не снимая формы, Михаил буквально полетел за своей женой Анджи и уже вместе они направились в магазин, который к тому времени был уже заполнен покупателями. Для ускорения процесса поиска наиболее дефицитных продуктов они разделили задачу на двоих и расстались. Когда они снова встретились, каждый имел на руках немногие продуктовые «драгоценности», что удалось приобрести. Но Михаил заметил, чтовыражение лица беременной Анджи стало огорченным и хмурым. Как и всякий муж, он был озабочен и предположил, что жена, наверное, плохо себя чувствует. Но это было не так. Вскоре она воспрянула, но не хотела говорить, что с ней случилось. В конце концов, она вынуждена была признаться, что один из покупателей, обращаясь к ней в очень развязной форме, бросил ей в лицо, что она является женой военнослужащего – трусливого и продавшегося коммунистам.

Возможно, нынешние читатели не поймут в полной степени и не придадут значение этому эпизоду, но все те, кто был свидетелем событий тех лет, понимают очень хорошо, о чем идет речь. Большинство чилийцев того времени принимало активное участие в политической жизни. На улицах любого человека в военной форме – матроса, летчика или карабинера, напрямую забрасывали вопросами, большей частью сводившимся к одному, наиболее актуальному для тех дней - чего ждут Вооруженные Силы и почему не свергают правительство? Об этом спрашивали даже простого рядового…Люди считали, что таким образом их глас дойдет до ушей вышестоящих персон. Это было обычно, и так поступали многие, но в вежливой форме. Тот человек, что набросился на бедную Анджи, со всей очевидностью был крайне вульгарным типом.

Михаил вспыхнул и потребовал у своей жены, чтобы она указала на этого субъекта.Готовый заставить того дорого заплатить за неуважение и невежливость по отношению к Анджи, он тут же направился к нему, где они сначала схлестнулись на повышенных тонах, потом столкнулись на кулаках. Обидчик жены получил по заслугам. Единственное, чего не предвидел Михаил – это количество сторонников своего противника. Все любопытствующие, окружившие импровизированный ринг, выступали в поддержку гражданского. Естественно – если военные не брали власть в свои руки, это только потому, что они трусы…

С трудом сохраняя спокойствие, лейтенанту ничего не оставалось, как вызволить свою жену из этого агрессивного окружения и поскорее увести её из магазина и ни в коем случае не забыть схватить в охапку и унести те немногие продукты, что удалось купить.

К счастью, оставалось немного времени до того момента, когда военнослужащие смогли продемонстрировать всем в Чили, что они не трусы.

Но теперь вернемся в Военное училище предшествующих месяцев. В один из тех дней, когда Советский Союз был «нашим старшим братом», начальника – полковника Альберто Лаббе, поставили в известность о прибытии в училище военного атташе посольства СССР на встречу с начальником Управления военными институтами генералом Гильермо Пиккерингом, кабинет которого в те годы находился на территории училища. По поводу визита сам генерал установил соответствующий протокол и приказал лейтенанту Краснову позаботиться об организации торжественной встречи. По окончании которой, молодой лейтенант должен был сопроводить советского офицера в кабинет ожидающего его генерала Пиккеринга. Естественно, это задание было связано с тем, что Михаил говорил по-русски.

Все было выполнено согласно полученному приказу, а по пути в кабинет оба офицера перебросились несколькими фразами. Советский офицер сразу обратил внимание на то, что сопровождающий его лейтенант говорит на хорошем русском.

Михаил - с одной стороны, чтобы не привлекать особого внимания к своей персоне, а с другой, просто с казачьим юмором - ответил советскому офицеру, незнакомому с нашими настроениями:

«Дело в том, что здесь существует огромный интерес к изучению русского языка и к Советскому Союзу. Многие мои сослуживцы в училище изучают русский язык».

Наверное, советский офицер подумал, что Чили можно кушать с маслом…

Но уже в кабинете, прежде чем Михаил попросил разрешение удалиться, генерал Пиккеринг представил его своему гостю:

«Лейтенант Михаил Краснов».

Услышав это имя, представитель СССР повернулся к Михаилу и буквально вонзил в него свой инквизиторский взгляд. Лейтенант удалился, не произнеся ни слова.

Не было сомнений, что его фамилия была известна советскому офицеру. Можно только предполагать, что скорее всего тот сразу дал знать об этой неожиданной встрече в Москву.

Один из Красновых в чилийских Вооружённых Силах! Вот это явление!

Другой любопытный случай тех лет, которые мы называем «годами неопределённости», переносит нас к концу 1971 года, когда в Чили ожидали прибытия «во всем своём величии» Фиделя Кастро.

Военному училищу, как и другим подразделениям и гарнизонам Вооружённых Сил, было приказано оказать почести высокопоставленному гостю в ходе соответствующей торжественной встречи по прибытию в аэропорт Сантьяго и, в последующем, во время его визита во Дворец Ла Монеда.

За день до этого события, утром, перед тем как курсанты отправились на завтрак, полковник Лаббе собрал всех офицеров, которые находились в наряде по командованию кадетскими подразделениями и, в первую очередь, обратился к лейтенанту Краснову:

- Я так понимаю, что в Вашем подразделении много больных – не так ли, лейтенант?

Михаил, недоуменно запинаясь, ответил:

- Не так уж… господин полковник (и действительно – в медпункте находилось не более трёх кадетов).

- А я понимаю, что их более тридцати – возразил начальник училища с абсолютной уверенностью. И уже обращаясь к другому инструктору:

- И в Вашем подразделении тоже. Не так ли, лейтенант?

Тому ничего не оставалось, как ответить утвердительно:

- Так точно, господин полковник!

- Совершенно очевидно наличие эпидемии. В Военном училище объявляется карантин. Всем ясно? – с твердостью заключил полковник и,обращаясь к стоящему рядом своему заместителю, приказал:

- Сообщите в командование военного гарнизона Сантьяго, что училище находится на карантине и не сможет прибыть завтра на торжественную встречу, запланированную по поводу визита.

Лица офицеров выражали немую радость. Но когда полковник приступил к утренней поверке, один из кадетов не выдержал и произнес вполголоса:

- Браво, господин полковник!

- Молчать, – сухо ответил тот.

Естественно, что после этого столь своевременного «карантина» и по причине других эпизодов в его поведении, негативно воспринятых правительством, полковник Лаббе был отправлен в отставку и должен был продолжить

свою борьбу за Чили уже из других окопов.

В другой, уже более серьезной ситуации того периода, оказался сам лейтенант Краснов. Главнокомандующий Вооруженными Силами и Министр внутренних дел генерал Карлос Пратс посетил с официальным визитом Советский Союз. По возвращении он вызвал Михаила в свой кабинет и кратко объявил тому:

- Лейтенант Краснов, я так понимаю, что Вы говорите по-русски и к тому же являетесь военным специалистом – переводчиком этого языка.

- Так точно, господин генерал!

- Отлично. Я вручаю Вам эту папку для перевода. Содержащаяся в ней информация не подлежит разглашению. Результат Вашей работы мне необходимо иметь на руках в максимально короткий срок.

Врученная лейтенанту Краснову папка была очень объёмной и содержала вырезки из газет различных городов СССР, в которых были публикации о визите генерала Пратса и о его публичных выступлениях в ходе этой поездки. Кроме того, она содержала брошюру с информацией о тактических и технических характеристиках автомата АК-47 – оружия советского производства,широко распространенного среди террористов в Чили и во всем мире. Каким образом оно попадало в Чили? По-разному - например, широко известен случай как в городе Пуэрто Монтт, во время разгрузки мешков с кубинским сахаром, один из них порвался из-за неосторожного маневра крана иоттуда выпали три автомата АК и патроны к ним.Это стало поводом для появления выражения «горький сахар»…

Но теперь вернемся к запрошенному генералом Пратсом переводу. Так как упомянутая папка была очень объемной, а работа была срочной, лейтенант Краснов попросил свою мать помочь ему. Несколько дней спустя, Дина Марченко позвонила своему сыну – она была очень взволнована, ибо не могла поверить в термины и выражения, употребленные Главнокомандующим чилийских Вооружённых Сил во время его визита в СССР. Посещая не только военные подразделения, но и различные политические, профсоюзные и др. коммунистические организации, он назывался «товарищем» и подчеркивал как своё личное, так и Армии под его командованием, абсолютное одобрение «демократического» процесса, существовавшего на тот момент в Чили. Например, в одном из интервью, отвечая на вопрос журналиста о возможности «реакционного» переворота, генерал Пратс объявил это совершенно невозможным, заявляя, что «товарищи солдаты на стороне рабочих и крестьян… Пример ваших действий в 1917-м – в памяти у всех нас…Наш революционный процесс необратим».

Вспоминая о том, что нам известно о жизни госпожи Марченко, легко понять её тревогу и взволнованность. Если так считал сам Командующий Вооруженными Силами – Чили была потеряна. Она не без оснований думала, что в кратчайший срок мы станем новой советской колонией, со всеми известными ей ужасами, через которые она прошла лично.

По правде сказать, Михаил Краснов тоже был удивлен, но попытался успокоить свою мать, говоря, что это, скорее всего, является перебором советской пропаганды, и что генерал Пратс, незнающий ни одного русского слова, скорее всего тоже будет удивлен.

Взволнованный, но все же сам ухватившийся за этот аргумент, лейтенант Краснов выполнил поставленную задачу. Он был вызван к Главнокомандующему в тот момент, когда оставалось только лишь перевести брошюру об автоматах АК – работа более сложная, так как содержала многочисленные технические термины. Он вручил перевод текстов лично генералу Пратсу и объяснил в деталях сложность остальной работы. По всей видимости, эта техническая брошюра не была столь важной для генерала. Тот полистал перевод и с теплотой поздравил молодого переводчика.

Лейтенант Краснов ничего не понимал. Ожидаемой реакции неприятия со стороны Главнокомандующего не было. Получается, что он и вправду использовал эти марксистские выражения и термины перед «советским» народом?

Другого объяснения не было. Генерал Пратс повторил своему молодому офицеру о необходимости хранить в секрете содержание выполненной работы и распрощался с ним. Больше они никогда не виделись.

Теперь обратимся к эпизоду тех лет, связанному с воспоминаниями лейтенанта Краснова о пережитом им 29 июня 1973 года в Военном училище, где он, как нам уже известно, был инструктором.

В связи с положением в стране, которая погружалась в бездну насилия, правительство было вынуждено привлечь Вооруженные Силы к поддержанию порядка, пытаясь сохранить хотя бы его видимость. То и дело объявлялись периоды осадного положения, комендантский час, проводились обыски в поисках незаконно хранящегося оружия и т.д. Республика Чили жила в преддверии неотвратимой гражданской войны.

Ввиду этого сложного, фактически чрезвычайного, положения, каждое военное подразделение должно было сохранять постоянную готовность для выхода на улицы, если в этом будет необходимость. Военное училище не было исключением - на случай такого приказа командование создало подразделения, собранные из младшего офицерского состава: лейтенантов, прапорщиков, курсантов наиболее старших курсов, т.е. кадетов – «стариков». В тот день начальник училища полковник Нило Флуди, возглавляя почти всех офицеров и значительную часть кадетов училища, сутра отправился из Сантьяго в направлении городка Кийота с учебным визитом в Школу бронетанковых войск.

Указанные выше подразделения младших офицеров, на случай необходимости, оставались на территории училища под командованием трех лейтенантов, старшим из которых был Михаил Краснов. (Мои читатели скорее всего знают, что слово «старик» является неформальным военным термином. На деле все они были совсем молоды).

Этим утром, 2-й бронетанковый полк под командованием майора Роберто Соупера, объявил о неповиновении правительству Альенде и своими танками окружил дворец «Ла Монеда». Все армейские подразделения были немедленно подняты по тревоге и находились в полной боевой готовности.

В Военном училище, в обстановке всеобщего волнения, все слушали информационные радиосводки.

В какой-то момент два офицера, остававшиеся в Училище, доложили лейтенанту Краснову, что кадеты из «стариков» просят о срочном разговоре с ним. Михаил, естественно, ответил положительно, и все собрались в его кабинете, где два представителя «стариков», с трудом сдерживая эмоции, изложили свои предложения:

«Господин лейтенант, мы попросили разговора с Вами в связи с тем, что как мы, так и остальные наши сослуживцы, все хотим выступить в поддержку наших товарищей из бронетанкового полка. Мы уже переговорили об этом с обоими присутствующими здесь лейтенантами, и они дали на это согласие. Просим, чтобы Вы возглавили немедленное выступление в центр Сантьяго, чтобы объединиться с акцией восставших. «Мы готовы! Это не может больше продолжаться!» - в заключение произнес один из них, имея в виду ситуацию в стране.

Слушая это, лейтенант Краснов чувствовал, что в его голове и в его сердце началась борьба совершенно противоположных идей и эмоций.

В конце концов, его голова взяла верх и, обратившись к наиболее «старому», он ответил:

«В первую очередь, прапорщик: можете ли Вы сказать, на чем мы будем двигаться к центру Сантьяго, если я всё одобрю и приму Ваше предложение? Все транспортные средства Училища находятся в Кийоте. Что вы предлагаете? Чтобы мы вышли на улицу Апокиндо и ожидали на остановке автобусы? Или лучше пешком, перебежками… или захватим по пути всякий транспорт, который нам попадется? Какие Ваши предложения? Отвечайте, прапорщик!».

После такого «приземления», озвученного столь прозаичными вопросами, установилось всеобщее смущение, которое лейтенант Краснов использовал, повысив тон голоса и стараясь демонстрировать уверенность, которой не чувствовал. Сказал, что это является «мятежным актом» и, что пока он здесь находится, «ни один человек из личного состава Училища не сдвинется с места без приказа вышестоящего командования». А в заключение отдал приказ посадить под арест обоих прапорщиков.

На сегодняшний день, уже как бригадир, Краснов вспоминает этот эпизод и признается, что принял это решение с болью в сердце. К счастью, его реакция в тот момент соответствовала общему настроению во всей Армии. Против его собственных сомнений, все военные подразделения страны подчинились генералу Пратсу, который продолжал оставаться их Главнокомандующим и по его приказу потушили мятеж, заставив восставших сдаться.

Ещё не пришел час единства.

Итак, после этих воспоминаний о такой забытой большинством чилийцев эпохе, мы приближаемся к решающему дню, который оставил глубокий отпечаток в судьбе лейтенанта Краснова.

11 СЕНТЯБРЯ 1973

Наступил рассвет того дня, который столько чилийцев ожидало с тревогой и верой.

Решатся ли выступить Вооруженные Силы? Будут ли они едины? Начнется или нет гражданская война? Сколько людей погибнет?

Эти и другие подобные вопросы сковывали сердца большинства чилийцев, уже истощенных уличными манифестациями и взываниями к законности. Чилийская демократия была уже окончательно разрушена.

Неизвестность и неведение начали рассеиваться в 8 часов утра после оглашения первого воззвания военных. По меньшей мере, Вооруженные Силы выступили в единстве.

Последуем за лейтенантом Красновым в его воспоминаниях. Накануне он получил разрешение на короткую отлучку, чтобы навестить свою жену и только что родившуюся дочь. Вскоре за ним пришли – необходимо было его срочное присутствие в Военном училище, так как шла подготовка к контрольным обыскам в поисках незаконно хранящегося оружия в одном из пригородных районов Сантьяго. Взвод его кадет должен был быть готов к 5-ти часам утра следующего дня, 11 сентября.

Офицер пунктуально выполнил приказ, но прошло более двух часов иничего не происходило. В 7:30 утра был получен приказ к построению всего личного состава училища на плацу Алпакаталь. Начальник училища, полковник Нило Флуди приказал включить громкоговорители для трансляции радио «Agricultra» и все услышали первое воззвание, в котором Вооруженные Силы и правоохранительные органы объявляли о совместном решении принять на себя ответственность за управление страной. Ответом кадет было единое и громогласное «Ура!».

В тот же момент начальник училища взял слово и вкратце описал положение в стране и последствия принятого военного решения. В заключение добавил:

«После моих объяснений – кто-либо имеет какие–либо сомнения?»

Водворилась тишина. Полковник Флуди повторил:

«Если кто-либо не согласен – сделать шаг вперед».

В ответ прозвучал один голос:

«Я, господин полковник! Я не согласен с тем, что происходит».

Это был сержант из музыкантского взвода. Начальник училища ограничился тем, что вежливо спросил у него – не мог бы он объяснить свою точку зрения? Сержант ответил, что принимал участие в политических собраниях, на которых он определился с другой позицией.

Полковник Флуди, поблагодарив сержанта за честность и откровенность, приказал ему сдать военное обмундирование и оружие:

«С этого момента Вы перестали принадлежать к Вооружённым Силам республики Чили. Можете удалиться к себе домой в гражданской одежде, а когда ситуация нормализуется, в установленном порядке Вы должны оформить своё увольнение из рядов Вооружённых Сил. Надеюсь, - добавил полковник в заключение, – что мы никогда не встретимся в боевом столкновении на противоположных сторонах.

Думаю, что следует поблагодарить бригадира Краснова за эти воспоминания, так как, много лет спустя, мы можем ознакомиться с данным значительным диалогом. В нем чувствуется благородство и честь, уважение к личным убеждениям, проявленные со стороны военной власти в отношении скромного военнослужащего.

Мы не всегда поступаем подобным образом, но пример такого обоюдного уважения всегда является поучительным уроком, достойным быть известным для всех.

В то утро, в 11 часов 30 минут, инструкторы и кадеты Военного училища должны были занять резиденцию президента Альенде, расположенную на улице Томаса Моро. Начальник училища поручил выполнение этого задания лейтенанту Краснову, в распоряжение которого поступил взвод кадет. Предварительно эта резиденция поверглась бомбардировке Военно-Воздушными Силами, так как было известно о нахождении там большого количества оружия и многочисленной охраны из числа GAP («Grupo de Amigos Personales» – так называемой «Группы персональных друзей» президента), своего рода нерегулярной полиции, составленной из террористов, которые сопровождали президента Альенде (или следили за ним?).

Лейтенант Краснов хранит в памяти впечатления о своём первом боевом крещении. Так же как и кадеты под его командованием, он едва сдерживал эмоции. К тому же, чувствовал сердцем духовное присутствие его предков. Теперь настал его черед. Его родители и деды когда-то отдали свою жизнь за те же самые ценности, которые он должен был защищать сейчас, уже на других широтах. Другое знамя, но идентичные идеалы: религиозная вера, патриотизм, достоинство и свобода его сограждан…

Когда лейтенант и его люди прибыли к президентскому дому, честно говоря, в нем не оставалось ни одного члена GAP. Но зато жители соседних домов уже во всю занимались разграблением здания. Ковры, украшения, люстры – все буквально вытекало на улицу.

Сначала необходимо было заставить немедленно разойтись всех этих коллекционеров «сувениров». Лейтенант Краснов вместе с другими офицерами, пятью прапорщиками и десятью солдатами первыми направились к дому. Но подход не был спокойным. Из близлежащих укрытий и из здания INACAP (пересечение улиц Томаса Моро и Лос Доминикос) одновременно несколько снайперов открыли плотный огонь. Только осуществив скоординированные передвижения под огнем противника, весь взвод смог адекватно ответить снайперам и нейтрализовать их обстрел.

В конце концов, вся группа бойцов смогла войти и занять позиции в здании. Лейтенант Краснов с кадетами расположился внутри резиденции, а второй офицер с остальными солдатами - по периметру вокруг здания.

В помещениях дома были обнаружены многочисленные сюрпризы – некоторые ожидаемые, а другие не очень.

В первую очередь это было вооружение, которым президент Альенде готовился противостоять атаке своих врагов. В огромном подвальном помещении обнаружилось большое количество боеприпасов для автоматов АК и пулеметов; зенитные орудия и снаряды к ним, противотанковые ракеты и РПГ-7 - всё советского производства. Весь этот арсенал был наполнен вооружением, значительно превосходящим по своему качеству и характеристикам то оружие, которым располагала Армия того времени. На крыше здания были развернуты позиции для противовоздушной обороны, укрепленные мешками с песком. Каждое укрытие могло вместить от трех до пяти человек. Вооружение состояло из зенитных орудий, ракетных установок с зарядами, а также пулеметов и ручных гранат.

Президентский дом скрывал в себе ещё одно хранилище, абсолютно контрастирующее с хронической нехваткой продуктов, которая охватывала всё население, с выматывающими ночными очередями и безысходностью для тех, кто имел необходимость хоть чем-то кормить детей.

Полки и холодильники этого склада были заполнены сыром, ветчиной, курятиной, мясом, мылом, зубной пастой и тысячами других вещей из цивилизованной жизни, которые чилийцы повседневно и безрезультатно искали.

В конце, к особенному удивлению кадет (и к большому стыду для всех чилийцев), было обнаружено огромное количество порнографических журналов и другого материала аналогичного типа. Один из этажей под ванными комнатами, который, видимо, был не занят, служил кладовкой и был буквально завален этим мусором.

Лейтенант Краснов и его кадеты должны были оставаться в резиденции до прибытия смены. Но уже к середине дня 11 сентября ситуация была полностью под контролем и молодой офицер получил разрешение на один час отлучки. Вспомним, что его жена Анджи все это время находилась в роддоме вместе с маленькой новорожденной дочкой. На крошечной легковушке своего друга Михаил полетел за ними в клинику, доставил их домой и возвратился на свой пост на улице Томаса Моро. Семья увидела его только пять дней спустя.

К концу дня президентский дом приготовил им ещё одну неожиданность. С трех часов дня был уже объявлен комендантский час. Вечером к лейтенанту Краснову обратился кадет и доложил о задержании двух женщин, пытавшихся проникнуть на территорию резиденции. Это было странным событием, так как обе они были обнаружены при попытке перелезть решетчатую изгородь, окружающую здание.

Кто были эти женщины и что они пытались предпринять?

Лейтенант приказал привести их к нему и допросил. Женщины боязливо рассказали свою историю. Обе пришли в поиске своих дамских сумочек, оставшихся внутри помещения. К слову сказать, причиной потери была не забывчивость, а спешка, с которой все они покинули резиденцию после полученного предупреждения о предстоящей бомбардировке резиденции.

Уже успокоившись, они добавили некоторые детали, более ясно объясняющие их ситуацию. Обе были служащимипрезидентского дома - одна работала телефонисткой, а другая - медсестрой. Кроме того, одна из них была дочерью личной служанки жены Альенде. Когда Ортенсия Бусси де Альенде спешно покидала здание, направляясь к ожидавшей её машине, старая служанка бежала за ней к автомобилю, умоляя увезти её с собой, но хозяйка с силой хлопнула дверью, придавив ей ногу, и умчалась прочь. Резиденция располагала машинами скорой помощи, а так как у бедной женщины было сильное кровотечение от неожиданно полученного ранения, решено было доставить её в Центральную больницу. Вполне понятно, что её дочь вместе со своей подругой отправились сопроводить старую служанку в больницу, оставив в здании свои вещи. Уже успокоившись, когда стемнело, они решили вернуться в резиденцию на Томаса Моро и забрать свои вещи, уверенные, что после бомбардировки дом был полностью заброшен.

К счастью для них, находящиеся там солдаты были настоящие кавалеры и отнеслись к ним с пониманием. Лейтенант Краснов связался по телефону с вышестоящим начальством, доложил о случившемся и запросил инструкции.Полученные указания гласили, что обе женщины должны быть освобождены на следующий день после отмены комендантского часа, что ожидалось около полудня.

Этой ночью молодые постояльцы резиденции на Томаса Моро слушали продолжительные рассказы о той жизни, которая имела место в этом здании, - прискорбные истории, подтверждённые различными свидетельствами, оставленными в помещениях и, естественно, ставшие потом объектом всенародного любопытства.

Но из уважения к тому, кто был президентом Чили, члены Правительственной Хунты отказались удовлетворить это любопытство. Только армейские запасы и вооружение, которые мы уже описали, а также военный арсенал, существовавший в другой резиденции президента в Эль Каньяверал, были выставлены для демонстрации широкой публике. Остальное – включая обширные фотографические документы, было соответствующим образом зарегистрировано в присутствии государственного нотариуса и хранится до сегодняшнего дня в полном секрете.

В последующие дни, по окончании миссии в резиденции президента на улице Томаса Моро, лейтенант Краснов получил приказ о назначении на пост адъютанта командующего военными курсами майора Хуана Хара, в задачу которого входила подготовка помещений училища для размещения там бывших министров и основных сообщников марксистского правительства, задержанных военными властями.

Лейтенанту Краснову предписывалось выполнять функции посредника между задержанными представителями партий из Народного Единства и своим начальником. По этой причине он поддерживал с ними ежедневный контакт, удовлетворяя их потребности различного характера: встречи с семьей, проблемы со здоровьем, необходимые личные вещи, просьбы, консультации и т.д.

Сегодня, уже в звании бригадира, из тех событий Краснов вспоминает некоторые моменты, которые по разным причинам его особо впечатлили.

Одним из них является разговор с бывшим министром внутренних дел, Хосе Тоа. В один из дней, осуществляя свой ежедневный утренний обход задержанных, лейтенант Краснов застал бывшего министра задумчиво смотрящим в окно на горные хребты Кордильеры Анд. На его лице лежал такой отпечаток грусти, что офицер поинтересовался, как он себя чувствует.

- Ничего особенного, – ответил тот. И, не отрывая взора от гор,как бы продолжил свой внутренний монолог:

- Как прекрасна наша страна... Подумать только, что мы сами были ответственны за эту катастрофу...

Лейтенант Краснов ничего не ответил, но тихо присел рядом с ним.

- Поверьте мне, лейтенант, – произнес Тоа, уже обращаясь к нему, - мы знали, что единственным выходом для Чили было военное вмешательство, аналогичное вашему. Не было никакой альтернативы для выхода из того бедственного положения, к которому мы пришли, и это была наша вина. Я надеюсь, что во имя благополучия нашей страны, вы как можно скорее сможете достичь разрешения существующих на сегодняшний день серьезнейших проблем. Но вам будет нелегко. Нас поглотила анархия, и мы допустили, чтобы развернулась безудержная ненависть между братьями. Знаете ли Вы, лейтенант, что это означает? Вы ещё очень молоды, чтобы иметь представление о том, чего будет стоить достижение примирения в этой стране… В любом случае, Вам лично я желаю наилучших успехов и большой удачи… Мне неизвестно, как сложится моя судьба, но я готов нести всю полноту ответственности. Не думайте, что мне легко произносить все это, но это правда. Я чувствую глубокую грусть и огромное разочарование от всего произошедшего.

Михаил Краснов внимательно слушал эти слова, впечатленный болью и откровенностью, с которой говорил бывший министр. Вежливо повторил ему предложение своей помощи, если есть в чем-либо нужда, на что экс-министр ответил:

- Мне ничего не надо, лейтенант. Спасибо, что Вы меня выслушали.

Совершенно другое впечатление осталось у Михаила Краснова от диалогов с генеральным секретарем Коммунистической Партии Луисом Корваланом и с лидером Социалистической партии Клодомиро Альмейдой. С обоими он разговаривал о политических теориях. В его памяти эти беседы остались скучными, а собеседники неубедительными. В действительности, оба этих персонажа искали не разговора, а как бы хотели убедить самих себя в правоте своего же собственного философствования. Ни один из них не считал себя ответственным за эту трагедию, которую переживала Чили. Для них существовал только один виновный - президент Альенде. И это они неоднократно подчеркивали в присутствии Михаила.

Самодовольство и многословная болтовня обоих политических лидеров так шокирующе контрастировала с откровенностью и честностью экс-министра Тоа, что молодой офицер навсегда запечатлел в своей памяти столь разительные отличия между этими двумя формами поведения политиков.

Уже имея за плечами опыт прожитых лет, Михаил Семёнович считает, что Хосе Тоа был идеалистом, который ошибся дорогой. Между тем, Корвалан и Альмейда являли собой образцы двух типичных политиканствующих дельцов, искавших собственную выгоду на путях достижения власти.

В то же время, роль офицера - посредника в контактах с неудачливыми рулевыми Народного Единства, оставила лейтенанту Краснову воспоминания другого, почти анекдотического характера. Часто неожиданные обстоятельства выводят на свет то, что ранее оставалось скрытым, в том числе и человеческие слабости. Так случилось с бедным Ансельмо Суле (сенатором из Радикальной партии), который был обнаружен военным патрулем с волосами, окрашенными в голубой цвет и спрятавшимся в доме своей любовницы, о существовании которой его семье, скорее всего, ничего не было известно.

Боль и возмущение его жены были совершенно объяснимы, но выражала она их в ужасно скандальном виде. Каждый раз, когда она приходила в Военное училище, она отнюдь не жаждала встречи со своим мужем, а использовала возможность чтобы выплеснуть на его голову всю свою ярость. Уже приближаясь к помещению, которое занимал Суле, она начинала издалека выкрикивать все известные ругательства и различные оскорбления в его адрес. Близкий друг Ансельмо Суле – Камило Сальво (депутат из рядов той же Радикальной партии), тоже задержанный, впустую пытался заставить её замолчать. Оскорбленная жена заканчивала свои ругательства воплями, что она сама будет умолять военных, дабы те расстреляли обоих.

Лейтенант Краснов, совершенно серьёзно относившийся к своей миссии, хранил при себе личное мнение об этих сценах.

Другой персонаж, о котором вспоминает наш герой, но имени которого он не помнит, это бывший министр общественного строительства. Этот симпатичный господин не мог понять, за что он был задержан. Он неоднократно объяснял Михаилу своё положение, примерно следующим образом:

«Заметьте, лейтенант, что когда я занял пост министра общественного строительства, меня вызвал Альенде. Он был в компании «Коротконожки»(прозвище Луиса Корвалана) и других подобный личностей. Альенде отдал мне приказ нанять дополнительно 5000 человек для строительства метро. Я ему сказал, что мы уже располагаем 10 тысячами рабочих, при том обстоятельстве, что необходимо для выполнения работ только лишь 1500 человек. Что я буду делать с таким количеством людей? И Вы знаете, что мне ответили? Что я не должен ничего спрашивать, а должен приступать к выполнению указаний, ибо для решения проблем существует машинка для печатания денег. И добавили, что если эти люди не работают, то я должен закрывать глаза на эти детали, так как в любом случае им будет заплачено. Что вы думаете об этом, лейтенант? Что я мог поделать с такими приказами?.. И поэтому, когда я инспектировал строительство, никто не работал и более того – меня ещё и освистывали! А в результате – я к тому же теперь заключенный! По правде сказать – я ничего не понимаю, лейтенант...»

Михаил терпеливо слушал его и таким образом получал информацию о той реальности, в которой жило марксистское правительство, которое многие до сих пор называют «прогрессивным». На деле это был не прогресс, а демагогия и безответственность.

Несколько дней спустя, лейтенант Краснов и другие офицеры получили приказ доставить задержанных на базу 10-й Группы Военно-Воздушных Сил, где их лично встретил генерал Густаво Ли (командующий ВВС, член Правительственной Хунты). Пройдя медицинский осмотр и положенный контроль, задержанные были отправлены на самолете на остров Досон, где они оставались в течение всего лета. А затем группами постепенно были высланы за границу.

В конце декабря того же 1973 года, лейтенант Краснов получил новое назначение по службе. Он получил ответственную должность офицера безопасности Президента Правительственной Хунты и Главнокомандующего Вооруженными Силами генерала Аугусто Пиночета. Они ранее уже были знакомы. Пару лет назад служба их свела на севере страны – генерал был командиром VI-й дивизии со штабом в Икике, а лейтенант Краснов, в то время в звании младшего лейтенанта, служил в полку «Карампанге», в том же городе.

В НАЦИОНАЛЬНОМ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ (DINA)

В конце июня 1974 года, лейтенант Краснов был прикомандирован к Национальному Разведывательному Управлению - DINA (Direccion de Inteligencia Nacional) – организации, созданной незадолго до этого Правительственной Хунтой для противостояния существующему на территории страны терроризму.

Не будет лишним напомнить забывчивым чилийцам, что терроризм в Чили появился намного раньше, чем марксистские партии получили доступ к управлению страной. Старейшей и наилучшим образом организованной из этих нелегальных боевых группировок была MIR (Movimiento de Izquierda Revolucionaria – Левое Революционное Движение), зародившаяся в городе Консепсион и процветавшая начиная с 1964 года. Это было во времена правления президента Эдуардо Фрей Монтальва и правительство тех лет не принимало никаких эффективных мер в борьбе с этой организацией.

Нужно иметь в виду одно обстоятельство – назначения и командировки в Вооружённых Силах носят обязательный характер. Ни с кем из офицеров никогда не консультируются перед назначением на новый пост и ни один офицер, ни под каким предлогом, не может отказаться от выполнения порученной задачи.

Вполне возможно, что назначение лейтенанта Краснова в DINA было связано с тем фактом, что он говорил по-русски и хорошо понимал другие языки. Ведь большинство чилийских террористов прошли подготовку за рубежом. Советский Союз в те годы, как на собственной территории, так и в дружественных ему странах имел специальные тренировочные лагеря, предназначенные для этих целей. Предположительно, боевики могли иметь в своём распоряжении учебникии инструкции на русском и других языках.

Хотелось бы вкратце привести здесь мои личные воспоминания, имеющие связь с этой темой, хотя и в другой отрасли. Во времена правления Народного Единства я работала на радио «Agricultura». Несколько дней спустя после военного вмешательства, 25 сентября, меня вызвали в здание «Диего Порталес» (где находились структуры новой власти) для встречи с министром - генеральным секретарем правительства, господином Педро Эвингом, который в то время был в звании полковника. Он попросил меня и других профессионалов принять участие в организации своего ведомства, о функционировании которого, особенно в политическом плане, военные мало знали. Естественно, я согласилась помочь в этой миссии. Кабинет министра находился на 17-м этаже здания и всего несколько дней назад это помещение занимал генерал Бачелет, назначенный правительством Альенде ответственным за распределение продуктов питания в стране (знаменитые и крайне непопулярные JAP, Juntas de Abastecimiento y Precios – Хунты Снабжения и Расценок). Министр Эвинг предложил мне занять маленький кабинет, расположенный рядом с его офисом. Зайдя в эти владения, я первым делом увидела рабочий стол, все ящики которого были закрыты на ключ. Когда слесарь, в конце концов, открыл их, внутри оказались бумаги, документы и брошюры на русском языке. Было очевидно, что здесь, рядом с кабинетом генерала

Бачелета (отца будущего президента Мишель Бачелет, в правление которой гонения на военных – участников событий 1973 года приняли массовый характер), работал советский советник, делившийся с ним полувековым опытом контроля своего народа через желудок по образцу СССР. Впоследствии выяснилось, что такого рода советники и консультанты находились и в других ведомствах.

Вернёмся к нашей теме. Независимо от той или иной причины откомандирования лейтенанта Краснова в DINA – фактом является то, что предназначенная молодому офицеру миссия заключалась в аналитической работе по изучению подрывной тактики террористических формирований. Особенно это касалось организации MIR – наиболее эффективного и жестокого в своих акциях террористического движения.

Для выполнения этой задачи, лейтенант Краснов должен был располагать как внешней информацией (газеты, журналы, публикации и т.д.), так и внутренней (документы, найденные при обысках) и сведениями, предоставленными задержанными или осведомителями.

В своём распоряжении он имел 4 - 5 человек, воинские звания которых колебались между ефрейторами и сержантами различных родов войск, в возрасте от 19-ти до 26-ти лет. Кроме этого, с ним была на связи пара служебных осведомителей: Александра Мерино (известная как «ла Флака Александра») – бывший член центрального комитета террористической организации и Освальдо Ромо – обыкновенный гражданин, который, после блуждания по различным левым организациям, по его словам разочаровался в этих движениях и решил добровольно сотрудничать в деле нейтрализации боевиков. Этот последний умер недавно в тюрьме, приговоренный за совершение преступлений самого различного характера. Как утверждает Михаил, в период сотрудничества с ним, тот выполнял только роль осведомителя. Чем Ромо занимался в последующем, ему неизвестно. Что касается «ла Флака Александра» - она была завербована как агент безопасности управлением DINA, после этого перешла к преемнику этой организации – CNI (Central Nacional de Informaciones – Национальный Информационный Центр) и, в последующем, закончила свою «профессиональную карьеру» в DINE (Direccion de Inteligencia del Ejercito – Разведывательное Управление Армии).Её услуги очень хорошо оплачивались в каждом из этих учреждений. На сегодняшний день эта дама «естественным» образом возвратилась в ряды леваков и оттуда направляет свои оскорбления в адрес Вооружённых Сил.

Сегодня, бригадир Краснов вспоминает о немногочисленной группе своих непосредственных подчинённых, как о людях неоценимых по своим личным и профессиональным качествам. По его словам, «практически каждому из них он обязан жизнью и наоборот». Они всегда отличались преданностью делу и точным выполнением его приказов. Ни один из них не совершил какого-либо поступка, заслуживающего выговора со стороны их начальника. По его мнению, эти ефрейторы и сержанты (мужчины и женщины) являются «неизвестными героями, предоставившими чилийскому обществу возможность вернуться к мирной жизни - пожертвовав собой, они сделали возможным восстановление фундамента для социальной уравновешенности, которой Чили пользуется до сегодняшнего дня».

Перед лицом представителей юридической власти, бригадир Краснов всегда вставал на защиту своих подчинённых и брал на себя ответственность за действия, в которых предполагалось их обвинить.

Следует упомянуть, что в решении поставленной Краснову задачи, как и вообще во всей разведывательной деятельности, общая работа распределена таким образом, что каждый из членов группы в отдельности не должен был знать, чем занимается другой. Когда речь идет о «предполагаемом похищении» или «пленении» - в этом случае даже под пытками никто не смог бы рассказать более того, что принадлежит только к собственной сфере действий.

Лейтенант Краснов работал в штаб-квартире DINA на улице Белградо и должен был отправляться в другие учреждения каждый раз, когда получал на то соответствующие приказы. Это случалось, когда имелись задержанные, предположительно принадлежащие к MIR или когда во время какого-либо обыска обнаруживались документы, имеющие связь с подпольем этой террористической организации. Он вспоминает, что по этим причинам ему довелось познакомиться только один раз с помещениями на улице Лондрес 38, несколько раз побывать на улице Хосе Доминго Каньяс и неоднократно - в Квартеле Терранова – месте, ставшим известным позднее под названием«Вилла Гримальди» - по его словам, Краснов вообще узнал о существованиитакого названия много лет спустя. Это были единственные учреждения для задержанных, о существовании которых ему было известно в те годы. Согласно имеющейся у него информации, они являлись транзитными центрами, где арестованные находились 4 - 5 дней, после чего переправлялись в центры задержания Трес и Куатро Аламос, подчиненные Министерству внутренних дел, или их просто напросто отпускали на свободу.

Во время своих кратких визитов в эти места, лейтенанту Краснову никогда не случалось видеть мертвых или избитых людей, о чем он всегда заявлял. Он утверждает, что никогда не видел ни зарешеченных камер, ни инструментов для пыток. Кстати, по его воспоминаниям, в этом же мог убедиться лично председатель Верховного Суда во время своего посещения этих учреждения DINA в сопровождении многочисленной делегации судей и адвокатов. Дважды эти места посетили представители Международного Красного Креста и квалифицировали их как центры или лагеря для временного задержания (а не как лагеря для военнопленных или каким-то другим образом).

Что касается работы лейтенанта Краснова – его статус аналитика не означал, что он должен был постоянно находиться в своём кабинете. Наоборот, он должен был вести тщательную следовательскую «некабинетную» работу, прежде чем предоставить доклад о какой-либо ситуации или о документах, имеющих связь с террористической деятельностью. По этой причине, его пребывание в DINA означало частые поездки по округам и пешее обследование улиц – в предполагаемых местах сосредоточения противника и для изучения мест наиболее уязвимых для террористов.

В изучении методов и тактики действий врага, уже длительное время оперирующего в стране, важнейшую роль играл анализ документов врага. Часто они были зашифрованы, поэтому работа с ними требовала терпеливости и

проницательности, так как обычно эти шифры были весьма сложными. Но добросовестность, с которой привык работать лейтенант Краснов, позволила ему успешно решать и такие задачи.

Что касается допросов, то первое, что привлекло внимание Краснова в ходе личных контактов с террористами – все они без исключения не имелидокументовили показывали фальсифицированные личные удостоверения. Имеется существенное различие между удостоверениями фальсифицированными и поддельными. Последние являются просто фальшивками, сфабрикованными для осуществления каких-то преступныхцелей. А имевшиеся у террористов фальсифицированные удостоверения являлись документами, предоставленными по распоряжению правительства в учреждениях паспортной службы (Servicio de Identificacion), но личные данные в них были ненастоящими, а также они не подтверждались соответствующей учётной карточкой в паспортном столе. Эти документы предоставлялись террористам не раз и не два. Некоторые из членов MIR имели в своём распоряжении четыре или пять различных удостоверений личности.

Правительство Альенде массово использовало такие удостоверения в марте 1973 года для влияния на результаты парламентских выборов, которые в конечном итоге не смогло выиграть, но занизило масштабы своего поражения. Расследование, которое привело к раскрытию этого обмана, началось именно на примере одного рабочего - члена MIR, хвастливо демонстрировавшего своим сослуживцам пять удостоверений, по которым он был зарегистрирован в избирательных списках и проголосовал. Левые предварительно записывались под различными именами на нескольких избирательных участках больших городов или в различных близлежащих округах в менее густонаселенной местности. Публичное разоблачение этой махинации было сделано деканом юридического факультета Католического университета господином Хайме дель Валле и оно было неопровержимым. Существовали показательные примеры, вроде местечка Алгарробито, близ города Ла Серена, где за два года численность голосующего населения увеличилась вдвое, что было совершенно невероятно. Практика использования избирателей, зарегистрированных по фальсифицированным документам, была использованы левыми по всей стране.

Во время допросов наш офицер в своих действиях руководствовался в первую очередь терпеливостью и спокойствием, удостоверившись в эффективности этой формы работы. Хотя теперь он признается, что иногда было трудно сдержаться, особенно когда становилась очевидной холодная жестокость, с которой действовали террористы.

Когда в присутствии лейтенанта Краснова задержанного вводили с завязанными глазами, он приказывал снять повязку и лично представлялся своим полным именем и званием, предъявляя своё военное удостоверение личности. Он сразу же приступал к допросу, стараясь сохранять видимость обыкновенной беседы. Естественно, что результаты этой, как и любой другой формы допроса, зависели от личности задержанного и его информированности. Но Краснов многократно смог убедиться, что этот метод в большинстве случаев давал положительные результаты, особенно в сочетании с данными, предоставленными осведомителями.

Эффект от результата его работы был таким, что командование MIR в своих публикациях в подпольном издании «El Rebelde» («Повстанец»), предупреждало своих боевиков об опасности, которую представлял собой лейтенант Краснов: «Существует офицер DINA, который очень опасен, так как мы располагаем сведениями о том, что многие из наших товарищей, без применения к ним физического давления и пыток предоставили ему информацию, создавшую большой риск для нас. Считать этого человека нашим основным врагом».

По мере того, как этот «враг» знакомился с приходившими в его руки документами и встречался с различными задержанными, он составил своё представление о менталитете этих людей и обычных для них методах и тактике.

Но до определённого времени эти представления были теоретическими. Кто такие террористы и есть ли у них душа - Михаил Краснов окончательно понял лишь в тот момент, когда ему довелось столкнуться с ними лицом к лицу с оружием в руках, как мы увидим в последующих главах.

Но прежде мы должны рассказать о других случаях, произошедших во время его пребывания в DINA. Один из них имел место во время выполнения очередной миссии на улицах Сантьяго. Поблизости от района Эстасион Сентраль был задержан человек, который, перед тем как сдаться, открыл огонь и стрелял (создавая большую опасность для мирных прохожих), пока не кончились патроны в барабане револьвера. Лейтенант Краснов приблизился к нему и с удивлением обнаружил, что это его одноклассник по Лицею № 8.

После того, как он был доставлен в одно из учреждений DINA, задержанный признался в своей террористической деятельности и предоставил важные данные. В частности, о своей подготовке он рассказал, что обучался как в Восточной Германии, так и на Кубе. Можно сказать, что «Иван» (это был его псевдоним) абсолютно точно был опасной личностью. Однако, имея в виду его, в общем, неожиданную откровенность на допросе, Михаил Краснов поручился за него перед директором DINA, который в свою очередь получил согласие вышестоящих властей на освобождение этого террориста, с условием немедленного выезда за границу - в Испанию.

Но, благополучно добравшись до Европы, «Иван» дал интервью для журнала «Cambio 16», известного своей левацкой ориентацией. Там он рассказал о своём «трагическом» пребывании в DINA, о том, что его подвергли жестоким пыткам и что для него было «наиболее больно» сознавать тот факт, что основным ответственным за все эти ужасы был Михаил Краснов – «очень дорогой и близкий бывший одноклассник».

Конечно же, в том интервью «Иван» не произнес ни одного слова о своих откровенных признаниях, сыгравших главную роль в его освобождении.

Вспоминая этот случай, Михаил Краснов хотел показать на примере, что для каждого террориста подобное поведение было нормальным и даже прописанным в инструкциях – в том же «Учебнике Маригеллы» («Manual de Marighella»). Этот текст был написан известным бразильским террористом. В его учебнике очень описывается ситуация террориста, попавшего в плен и в последующем освобожденного.

Немедленно по освобождению предлагается в обязательном порядке заявлять о пытках и выдвигать другие тяжкие обвинения против правоохранительных органов. Для террористов наибольший интерес представляет использование любой возможности для дискредитации врага.

Ознакомившись с этой информацией, можно задаться вопросом: какова цена и достоверность свидетельств тысяч зарегистрированных в Чили «запытанных», стимулируемых к тому же выплатами значительной компенсации (ещё учитывая и то, что сумму этой выплаты сейчас планируют увеличить)? Можно было бы предположить, что это наивность, если бы нам не было известно, что наши нынешние правители тоже были учениками Маригеллы [Прим. ред. – Речь идет о периоде правления левых коалиций до 2010 года].

Прежде чем закончить разговор на эту тему, я спросила Михаила - был ли он доволен в те годы своим пребыванием в DINA?

Михаил откровенно сказал мне, что это не совсем так. Его чисто военное призвание не совпадало с особенностями разведывательных функций DINA и, кроме того, его отношения со своим начальником не были лишены осложнений. Первый раз это проявилось, когда Михаил только приступил к работе в этом учреждении. В один из дней, неожиданно, без его ведома, произвели ночной перевод задержанных и среди других увезли двух человек, разрабатываемых Михаилом, которые проявили свою готовность сотрудничать, предоставив ему ценную информацию. Зная, что контроль за перемещением задержанных не входит в его обязанности, лейтенант Краснов посчитал, тем не менее, необходимым сообщить об этом факте своему начальнику, так как подобные ситуации мешали выполнению задач по сбору информации, которые тот сам ему и поручил. Пользуясь случаем, в то же время он обратился к нему с просьбой рассмотреть возможность его возвращения к выполнению своих непосредственных функций в Вооружённых Силах.

В ответ он получил от своего вышестоящего начальника строгий выговор: во-первых, лейтенанту Краснову не следует вмешиваться в процессы передачи и перемещения задержанных, так как они находятся под его непосредственным управлением как начальника службы. Что касается возможности возвращенияк службе непосредственно в армейской части, то ответом был категорический отказ.

Михаил Краснов подчинился приказу своего шефа, решив никогда больше не затрагивать тему переводов задержанных, что в действительности ему было неположено, но остался при мнении, что арестованные должны были переводиться в специальные центры задержания или, в некоторых случаях, вообще освобождаться. Однако сейчас юстиция располагает данными, полученными в последнее время от некоторых бывших сотрудников DINA (которые не были сослуживцами Краснова) – и, согласно этой обнародованной информации, можно предполагать, что с этими людьми поступили вовсе не так, как в своё время предлагал наш офицер.

Несколько месяцев спустя, отвечая на конкретный вопрос своего шефа о личных планах на ближайшее будущее, Михаил вновь вернулся к просьбе о возвращении к армейской деятельности в Вооружённых Силах. На его настойчивость в этом направлении шеф отреагировал с глубоким возмущением. Вместе с категорическим отказом по поводу его просьбы, он стал относиться к Михаилу с очевидным недовольством, вплоть до того, что отдал приказ об особом контроле над действиями и передвижениями как его лично, так и его семьи, что было наиболее болезненно воспринято Михаилом. Эта малоприятная ситуация продолжалась в течение некоторого времени, пока лейтенант Краснов должен был продолжать нести свою службу в DINA. Лишь в начале 1977 года, после присвоения ему очередного звания - капитана, он получил разрешение на подготовку к вступительным экзаменам в Военную академию Вооружённых Сил. Краснов достиг этой цели в сентябре того же года и с тех пор никогда больше не имел никакого отношения к работе в области военной разведки.

Этот конфликт имел ещё одну сторону – возникшая ситуация между ним и начальником DINA означала для лейтенанта Краснова возникновение к нему антипатии не только со стороны некоторых офицеров старших по званию, но и со стороны таких же лейтенантов и нижестоящих в звании, которые не были под его непосредственным началом.

Из этих, рассказанных Михаилом Красновым случаев, видно, что, несмотря на достигнутые большие профессиональные успехи и награды, его пребывание в DINA не было лишено серьезных трудностей.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ СО СМЕРТЬЮ

5 октября 1974 года, лейтенант Краснов объезжал на автомобиле улицы района Сан-Мигель. Это была обычная практика, позволявшая лучше ознакомиться с некоторыми районами города, наиболее подходящими для подпольных баз террористов. Например, таковыми считались густонаселенные районы, где террористам легче было оставаться незамеченными. В таких местах они предпочиталикороткие переулки и одноэтажные дома, дабы иметь в случае необходимости больше путей отступления. Краснова сопровождали лейтенант и унтер-офицер из карабинеров, капрал из Военно-Воздушных Сил, молодая девушка – из Военно-Морского Флота и один гражданский осведомитель. Военнослужащие имели при себе личное оружие, а гражданский был безоружен.

Повернув на улицу Санта-Фе, длиной всего в квартал, они остановились, осматривая окрестности. На улице играли несколько подростков и, посмеиваясь, смотрели на них, перекидываясь словами меж собой. Лейтенант вышел из машины и спросил- над чем они смеются?

Один из мальчишек с озорством ответил ему:

- Потому что вы крутитесь в поиске одного дома, и мы знаем какого.

- И где этот дом? – снова спросил офицер.

Мальчишка указал пальцем на неприметное строение, похожее на все другие по соседству.

Что делать? Детская подсказка могла не иметь особенного значения, но в любом случае её нужно было проверить. К тому же, они имели полномочия на проведения обыска. Но сначала Михаил Краснов предпочёл подойти, нажать на кнопку дверного звонка и переговорить с открывшим дверь человеком. Вместе с Михаилом пошел и лейтенант-карабинер, двигаясь рядом, непосредственно вдоль стены дома. Когда они поравнялись с одним из окон указанного строения, карабинер сумел расслышать приглушенный, плохо различимый звук взводимого затвора, и выкрикнул:

- Осторожно лейтенант! – и, одновременно, падая, повалил Михаила Краснова наземь. Прежде чем оба коснулись асфальта, в сантиметрах над их головой, воздух прошили адресованные им автоматные очереди. Огонь вёлся из помещений указанного дома.

Начался просто ад. Для защитывоенные не имели при себе ничего, кроме личных револьверов. Автомат, принадлежащий лейтенанту Краснову, остался в машине.

Необходима была срочная помощь. Михаил отправил офицера-карабинера искать какой-нибудь телефон, откуда можно было бы позвонить. В то время не существовало ни мобильных телефонов, ни портативных УКВ раций дальнего действия. Между тем, укрывшись за стоящим напротив занятого террористами дома столбом, Михаил отвечал на огонь, сначала стреляя из своего револьвера, а чуть позже из автомата. По крайней мере, он сам думал, что имеет какое-то укрытие. Уже потом, очевидцы рассказывали, что со стороны это выглядело так, как будто он отстреливался стоя в одиночестве посреди улицы. В любом случае, до тех пор, пока не прибыло подкрепление, совершенно очевидно, что они не имели ни огневого, ни численного преимущества. Террористы к тому же имели подавляющее превосходство по имеющемуся у них вооружению. В один момент в Михаила выстрелили из реактивного противотанкового гранатомета, но благодаря очень короткой разделяющей их дистанции, снаряд не успел встать на боевой взвод и взорвался уже далеко у него за спиной, разрушив часть стены соседнего дома. Михаил Краснов вспоминает, что террористы использовали трассирующие пули, предназначенные для ведения огня в ночных условиях, так как они оставляют за собой световой след, позволяющий корректировать их направление. Даже при свете дня офицер мог видеть проходящие справа и слева от него огненные трассы. И как в него не попали? Так же как и в случае с обстоятельствами его появления на свет, это чудо нужно отнести на счёт воли Бога.

Когда у лейтенанта Краснова закончились патроны, он тоже бросился в поисках какого-нибудь телефона, так как офицер-карабинер не нашел поблизости ни одного. Это была ещё одна реальность Чили до прихода военной власти. В те годы телефоны считались очень редкими предметами роскоши в районах, заселённых представителями среднего класса. Наконец, одна сеньора предоставила ему искомый аппарат - убеждая его прежде выпить стакан воды с сахаром, т.к. лицо офицера было слишком бледным…

В конце концов, лейтенант смог связаться с DINA и доложил обстановку. Но к этому времени перестрелка уже затихла.

Однако, один из его подчиненных заметил раненого в лицо мужчину, карабкающегося по стене соседней постройки с очевидным намерением перебраться туда и скрыться. Несмотря на приказ поднять руки и остановиться, тот продолжал своё движение, бормоча что-то о раненой женщине. Потом он достал своё оружие,с явной целью выстрелить в направлении приказывающего ему остановиться голоса. Солдат опередил его своим выстрелом. Человек мертвым упал на землю.

Чуть позднее выяснилось, что оружие убитого было заряжено так называемыми пулями «дум-дум», имеющими такую поражающую силу, что они запрещены в соответствии с международной конвенцией.

Когда сопротивление закончилось, лейтенант Краснов вошёл в дом, чтобы осмотреть помещения. Его сопровождал человек из следственной службы, к тому времени тоже прибывший на место. Первое, что они увидели, была окровавленная женщина, лежавшая на полу. Следователь попросил разрешения добить её. Лейтенант отказал и наклонился, чтобы посмотреть, что с ней. А когда удостоверился, что та ещё жива и к тому же беременна, то поднял её на руки и лично отнес к прибывшей машине скорой помощи. Он приказал шофёру доставить её в Военный госпиталь. Водитель попытался отказаться «везти террористку и убийцу в какой-либо госпиталь» аргументируя, что «народ уже с лихвой натерпелся по их вине». Лейтенант

молча вынул свой револьвер из кобуры и заставил его выполнить приказ.

Михаил Краснов вспоминает, что, уже успокоившись, увидел по обоим концам блокированной карабинерами улицы гудящую толпу любопытных, сбежавшихся на шум выстрелов. Со всех сторон из этой человеческой массы раздавались крики:

- Убейте их всех! Убейте их всех!

Когда он выходил из дома с раненой женщиной на руках, из толпы людей раздался возглас:

- Брось эту б..дь, командир!

В те времена таковыми были чувства, естественные не только для военных, а для подавляющего большинства чилийцев. Существовала подлинная ненависть против террористов. Не только ненависть, но и страх. В народе эти чувства были наиболее сильными, так как именно простые люди постоянно сталкивались в своей среде с их произволом, жестокостью и подвергались наибольшему риску во время вылазок террористов. Возгласы и реакция водителя скорой помощи подтверждает это.

По окончании боя стало возможно воссоздать картину происходившего внутри этого помещения. Этот дом служил убежищем для основных членов Политического Комиссариата MIR. Последним человеком, отстреливавшимся при попытке к бегству, был Мигель Энрикес, являвшийся не только главным лидером чилийского терроризма, но к тому же ещё генеральным секретарём Революционного Координационного Комитета Южного Полушария (Coordinadora Revolucionaria para el Cono Sur).

По всей видимости, Энрикес получил ранение в начале перестрелки и потерял сознание. Один из сопровождавших его соратников, Умберто Сотомайор (врач по профессии) прощупал у него пульс и, констатировав смерть, не нашел ничего лучшего, как бежать. Так поступили и все остальные, прыгая по крышам соседних домов – этот путь для отхода, очевидно, был предусмотрен заранее.

Когда Мигель Энрикес пришел в себя, он увидел, что остался только в компании своей любовницы Кармен Кастильо Эчеверриа, продолжавшей стрелять, но вскоре и она выбыла из боя. Таким образом, Энрикес был последним, пытавшимся бежать, но погиб отстреливаясь.

Вооруженное столкновение на улице Санта-Фе стало смертельным ударом для организации MIR не только по причине потери твердого и опытного террористического лидера. Это событие спровоцировало к тому же окончательный разрыв между остальными членами верхушки. Те главари, кто не был в тот момент в доме на улице Санта-Фе, обвинили в трусости тех, кто бежал оттуда. Особенно это касалось Умберто Сотомайора, который, будучи врачом, констатировал смерть своего командира в ситуации, когда тот только лишь потерял сознание. Подпольная газета организации MIR «Повстанец» («El Rebelde»), на страницах которой сообщалось о смерти их главного лидера, не жалела самых жестких эпитетов в адрес бросивших его соратников.

Но теперь мы снова вернемся к описываемым событиям.

Когда установилось спокойствие, помещение MIR было тщательно обследовано. В нем оказалось большое количество оружия и ценные документы, касающиеся деятельности террористического движения.

Раненую женщину в госпитале принял доктор Сильва, в тот день находящийся на смене в реанимационном отделе. Врач немедленно приступил к интенсивной терапии, благодаря своевременности и эффективности которой, раненая начала приходить в себя. Женщина оставалась в госпитале до своего полного выздоровления.

Всё это время лейтенант Краснов ежедневно приходил туда для допросов. Задача была нетрудной. Сейчас он вспоминает: «Во время моих бесед с ней чувствовалось взаимное расположение, установились нормальные, я бы даже сказал, почти дружеские отношения».

Однако подруга Мигеля Энрикеса оказалась чрезвычайно противоречивой особой. Самому Михаилу Краснову она сказала, что благодарна ему за то, что тот спас ей жизнь. Когда её нашли, Кармен находилась в полубессознательном состоянии, но успела услышать, как предложение следователя добить её, так и отрицательный ответ офицера, несшего её к машине скорой помощи.

Позднее, в своей книге «Один октябрьский день в Сантьяго» (Carmen Castillo Echeverria, «Un dia de octubre en Santiago», Santiago, 1987) она написала, что «какие-то мужчины волокли её до угла», забыв упомянуть про скорую помощь. Но, по крайней мере, она признает, что была доставлена в Военный госпиталь и указывает, что в допросах «капитана Марченско» (именно так в тексте) отсутствовали давление или какая-либо жестокость.

В дальнейшем, Кармен Кастильо была по выздоровлении выписана и выслана за рубеж. Лейтенанту Краснову пришлось также нести ответственность за её сопровождение в аэропорт и посадку на рейс, направляющийся в Англию. Попрощались вполне сердечно, и Кармен снова говорила о своей благодарности не только по отношению к нему, но и даже «ко всем лицам и руководителям, которые отнеслись ко мне с таким же вниманием».

Позднее, уже в Париже, соратники-террористы доводят до её сведения, что Краснов был «наиболее жестоким чудовищем DINA». И как она могла поверить, что он был «положительным героем» во всей этой истории!

С той поры поведение Кармен продолжает оставаться крайне противоречивым. Когда она смогла вернуться в Чили, то заявила о своём желании вновь встретиться Красновым (тогда уже полковником) и выразить ему свою благодарность. С этой целью она позвонила по телефону в город Вальдивия, где в то время Михаил проходил службу, но он не стал с ней разговаривать. Тогда Кармен прибегла к вмешательству других лиц, в том числе министра - генерального секретаря правительства того времени, господина Франсиско Хавьер Куадра. Тот сообщил Михаилу, что для него стали большим удивлением те положительные слова, которыми Кармен Кастильо характеризовала Краснова, несмотря на свою принадлежность к ультралевым кругам.

Офицер настоялна своём отказе, так как считал, что ему не надлежит принимать похвалу и благодарность за действия, полностью соответствующие выполнению его служебного долга. Если эта женщина считает, что такое поведение является чем-то чрезвычайным и сверхъестественным, то она может принести свою публичную благодарность Армии, так как его действия есть результат морального, личного и профессионального формирования, полученного им в Вооружённых Силах.

По всей видимости, весьма впечатлённый усилиями бывшей террористки в её попытках выразить благодарность военному, министр Куадра отправил письмо для публикации в разделе «Письма редактору» газеты «El Mercurio», сожалея об отказе Михаила Краснова участвовать во встрече, в которой он хотел видеть «значимый жест примирения личного и национального характера».

Но полковник Краснов уже был научен продолжительным опытом работы с террористами, чтобы так легко поверить в эту пресловутую благодарность.

И, в конце концов, он оказался прав. По прошествии времени Кармен Кастильо дала интервью для газеты «El Mercurio», в связи с выходом в свет документального фильма «Улица Санта Фе» («Calle Santa Fe»), где она сама выступала в роли режиссера. В интервью она рассказывает о своём возвращении на эту улицу, где погиб её любимый, о своих беседах с тогдашними соседями и говорит дословно: «Уже во время съемок я узнала о человеке, спасшем мне жизнь. Это был сосед по имени Мануэль, случайно заметивший находящуюся поблизости машину скорой помощи. Несмотря на присутствие DINA, Мануэль сделал все для того, чтобы скорая смогла приблизиться и меня доставили в реанимацию больницы «Баррос Луко». Если Кармен Кастильо действительно верит в то, о чем говорит – зачем же по возвращению в Чили она приложила столько усилий в поисках встречи с полковником Красновым, чтобы выразить ему свою благодарность за оказанную помощь?

В другом интервью для той же газеты (28 октября 2007 года), Кармен Кастильо повторяет эту новую версию произошедшего. И, напротив, газета «La Tercera» (3 ноября 2007 года) информирует, что согласно официальному докладу полиции, Кармен Кастильо была срочно доставлена в реанимационный отдел Военного Госпиталя, подтверждая этим рассказ Михаила.

Эта очевидная ложь могла бы показаться какой-то игрой, но возможно и другое объяснение. Скорее всего, бывшая любовница террориста так и осталась во власти марксистских идей. В русле этих идей есть школа современного мышления, проповедующая следующую теорию: человек должен «освободиться» от истины. Истина - угнетает. Она препятствует людям, сковывает и заставляет их считаться с действительностью, ограничивая право свободно выражать то, что хочется.

А вот как это проявляется на деле - например, в случае с Кармен Кастильо - если идти за истиной, то надо признаться и сказать, что какой-то военный спас ей жизнь, в то время как она ненавидела военнослужащих и считала своими врагами. Но это оскорбительно для теорий, которыми она руководствуется. Следовательно, истину нужно гнать вон! Не важно, если это значит противоречить самому себе! Не важно, если это требует искажать и фальсифицировать факты! Важно не то, что произошло в действительности, а то, что она сама хочет рассказывать, пользуясь своей «свободой» лжи.

Описывая публикации, имеющие отношение к данному случаю, я имею перед собой другие свидетельства прессы с идентичной или новой ложью. Думаю, что не стоит их перечислять. Давно уже известно - мы не раз могли в этом убедиться воочию, что от деформированной марксизмом личности невозможно ожидать ни последовательности, ни правдивости.

Будет лучше, если мы оставим эту ерунду и вернемся к более приятным событиям. Несколько дней спустя после произошедшего, в здании «Диего Порталес», в присутствии всех членов Правительственной Хунты и других представителей военной и гражданской власти, лейтенант Краснов-Марченко и его подчинённые – участники боя, были награждены медалям «За Мужество» - наивысшей наградой,которую может получить представитель Вооружённых Сил или органов правопорядка. Стоит добавить, что представлению к этой награде предшествовал процесс тщательного изучения обстоятельств дела для подтверждения того факта, что представленные действительно рисковали своей жизнью во время исполнения своего служебного долга.

До этого момента эта медаль за отличие в боевых условиях, не вручалась в Чили никому после окончания Тихоокеанской Войны в XIX веке.

К тому же, у Михаила эта награда вызывала особые эмоции, ибо Пётр Николаевич Краснов был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени Российской Империи, который по своему статуту, предусматривающему награждение офицера за личную храбрость, очень близок к чилийской медали «За Мужество».

ЗЛОВЕЩЕЕ ЛИЦО ТЕРРОРИЗМА

24 февраля 1976 года в штаб-квартире DINA по телефонному звонку от карабинеров было получено сообщение, подкрепленное информацией от соседей, о предполагаемом существовании террористической базы в поселке "Лиа Агирре» района Ла Флорида (остановка №14 по улице Викунья Макенна). Лейтенант Краснов получил полномочия для проверки указанного места и, с тремя своими подчиненными, прибыл в посёлок приблизительно в 10:30 утра. Уже приближаясь к подозрительному дому, они были встречены плотным огнём из автоматического оружия, исходившим из внутренних помещений строения. Лейтенант Краснов сразу обратил внимание, что пули террористов пробивали насквозь стены близлежащих домов. Поэтому он отдал приказ не отвечать на огонь, а сначала запросил у карабинеров помощь в эвакуации жителей всех соседних строений. Во время эвакуации людей, из двора занятого террористами дома появилась маленькая девочка 4-х или 5-ти лет. Испуганная выстрелами, малышка хотела покинуть это место. Лейтенант Краснов немедленно приказал одному из своих подчиненных – младшему сержанту карабинеров Тулио Перейра, вынести ребенка в безопасное место. Сержант быстро бросился исполнять приказ, поднял девочку на руки и, прикрывая её своим телом, начал двигаться в обратном направлении. Неожиданно открылась боковая дверь дома и появившаяся оттуда рука схватила сержанта за волосы и мощным рывком повалила его на спину, одновременно прошив тела бедного ребенка и сержанта четырьмя пулями калибра 9 мм. Оба умерли мгновенно под ошеломленными взорами сослуживцев сержанта и наблюдающих издалека за происходящим соседей. Полицейские были вынуждены приложить большие усилия, чтобы сдержать гражданских, которые справедливо озлобленные и взбешённые, хотели немедленно вмешаться, чтобы линчевать террористов и поджечь укрывающий их дом.

В конце концов, с помощью занявших внешний периметр карабинеров, вооружённое сопротивление было подавлено огнем. Во время боя было убито 8 террористов MIR, как оказалось, ответственных засвязь подполья с зарубежьем. Во время обыска помещения было обнаружено сложнейшее оборудование радиосвязи, параболические антенны, многочисленные документы и фальсифицированные паспорта, а кроме того – большое количество оружия и взрывчатки. Ни один из 8-ми убитых террористов не имел при себе подлинных документов, личности их так и остались не установлены. В дальнейшем их тела были вывезены служащими Медицинского юридического института. Почти наверняка, что и сегодня, почти 35 лет спустя, эти лица состоят в списке так называемых «задержанных и исчезнувших», за что кто-то сейчас расплачивается сроком заключения по статье «постоянное похищение».

Разговаривая позднее с жителями района, Михаил Краснов узнал, что для прикрытия своих истинных целей, террористы поддерживали общение с соседями, выдавая себя за людей безобидных профессий и занятий. В данном случае, одна из террористок представлялась воспитателем детского сада и приглашала в дом поиграть невинную девочку, в последствии ставшую жертвой осуществлённого ими хладнокровного убийства.

Несмотря на опыт и военное воспитание, для самого Михаила Краснова этот эпизод остаётся горьким воспоминанием, навсегда запавшим в его душу. Но ещё более тяжко для него было осознавать, что в то время это был далеко не единичный случай. Например, много лет спустя, уже в звании полковника и в должности начальника штаба IV-ой дивизии со ставкой в городе Вальдивия, он имел возможность увидеть ещё одну жертву другой жестокой акции, осуществленной партизанами под командованием «команданте Пепе» – боевиками, принадлежащими к MIR. В период правления Народного Единства, это вооруженное формирование практически хозяйничало в регионе Нельтуме, где, кроме других варварских акций, осуществило зверское убийство пятерых карабинеров.

В 1993 году Краснову (в то время в звании полковника), было поручено вести наблюдение за военными манёврами, организованными в той же местности - горной зоне Кордильеры. Во время инструктажа своих подчинённых он заметил поблизости заплаканную и безостановочно вздрагивающую в конвульсиях женщину. Один из местных жителей рассказал ему её историю. Эта женщина жила со своим мужем и тринадцатилетней дочерью в расположенном поблизости местечке. Это были скромные люди, владевшие маленьким полем для посева и небольшим количеством скота.

К несчастью, в один из дней незадолго до 11 сентября, к ним заявились боевики. Они расположились напротив их участка и оставались там в течение нескольких дней, практически изолировав хозяев от внешнего мира. Для еды начали резать без спроса скот и проводить шумные застолья с жареным мясом. В одну из ночей, несколько из этих абсолютно пьяных «постояльцев» попытались войти в дом. Муж предпринял попытку остановить бандитов, выйдя навстречу им с охотничьим ружьём в руках – единственным имевшимся у него оружием. Террористы убили его на глазах у семьи, а затем изнасиловали бедную женщину и её дочь. После этого боевики оставались в доме ещё несколько дней, продолжая надругательства над своими жертвами. Когда они ушли, девочка не выдержала пережитого и покончила жизнь самоубийством. Оставшаяся в живых мать превратилась в подобие человека, и, вызывая жалость у соседей, существовала только за счёт их благотворительной помощи.

Выслушав эту чудовищную историю, Михаил Краснов захотел попрощаться с этой несчастной жертвой, но женщина, захлебываясь в рыданиях, убежала и спряталась.

Воочию увидев пределы зла, на которое способен человек, Михаил Краснов приобрел нестираемый жизненный опыт. Но мы можем убедиться, что в наше время такие факты умножены в миллионы раз по всему миру, как результат потери нравственных ориентиров, и это должно стать предметом озабоченности для всех.

Какой импульс толкает на подобные зверства? Какое слепое безумие делает этих людей убийцами невинных?

К слову сказать, одним из наиболее необъяснимо идеализированных персонажей нашего времени является Че Гевара. Именно он дает нам наиболее ясный ответ на эти вопросы, когда превозносит и восхваляет «ненависть, делающую из человека эффективную и холодную машину насилия и убийства».

Эти короткие слова с точностью объясняют трагическую историю, страшный финал которой Михаил Краснов видел своими глазами - обнявшиеся безжизненные тела невинной девочки и младшего сержанта, погибшего ради её спасения.

Без сомнения, как добро, так и зло, есть во всех сердцах, а окончательный выбор принципов, задающих направление нашей жизни, зависит от воспринятых нами человеческих ценностей и того, как мы готовы ими воспользоваться.

Но, в то же время, существуют такие реальные явления, в которых зло использует только человеческие страсти - эгоизм, амбиции, жадность, тщеславие и т.д.

А есть фактор более глубокий - когда человек преклоняется перед духовной властью тьмы, вовлекающей его в Зло абсолютное. Это Зло находится за пределами нашей природы и способно превратить порабощённого им человека именно в то, что, как демонический идеал, превозносит Че Гевара «холодную машину убийства».

Именно это вызывает ужас в террористе - его холодная бесчеловечность.

КОМАНДИРОВКИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ УСПЕХИ

В январе - феврале 1974 года лейтенант Краснов находился в Панаме, где проходил обучение на курсах Организации и порядка работы отделений военной полиции, проходивших в Школе Америк («Escuela de las Americas») Вооружённых Сил Соединенных Штатов. Получение информации и переобучение военнослужащих по этому профилю было очень важно для чилийской Армии тех лет, так как в Чили не существовало подразделения такого типа. Среди 46-ти курсантов - офицеров разных воинских званий, прибывших из различных стран Латинской Америки, Михаил занял почётное второе место по итогам обучения.

По окончании курсов лейтенант Краснов возобновил свою службу как начальник личной охраны генерала Пиночета и занимал эту должность до конца июня 1974 года. Затем он был прикомандирован к выполнению функций в Национальном Разведывательном Управлении (DINA). Независимо от этой работы, несколько раз он выезжал за рубеж для выполнения особых миссий по обеспечению безопасности в ходе подготовки официальных визитов Президента Республики. Среди них, так называемое «Abrazo de Charaña» - встреча с Президентом Боливии, и другие.

Кроме того, дважды в его обязанности входило непосредственное сопровождение главы государства в его зарубежных поездках.

Первой такой поездкой был визит в Испанию в 1975 году, куда президент Республики Чили прибыл для принятия участия в похоронах главы испанского государства, генерала Франсиско Франко.

Эта поездка предоставила ему возможность быть свидетелем самой бурной овации, которой удостоился генерал Пиночет на протяжении всего своего президентского мандата. Немногие чилийцы, присутствовавшие там, наверняка запомнили эту овацию навсегда.

Это произошло по окончании церемонии захоронения останков главы испанского государства в Большой Базилике Долины Павших (Gran Basilica del Valle de los Caidos). Согласно протоколу, сразу после завершения траурной церемонии первым должен был покинуть помещение генерал Пиночет, в качестве единственного присутствовавшего главы зарубежного государства. Нетерпимо настроенные к Франко демократические европейские и американские лидеры пожелали прибыть в Испанию только лишь для участия в коронации Хуана Карлоса. Таким образом они поставили последнюю точку в международном осуждении его правительства, которое висело над Испанией с конца

Второй Мировой Войны и которое всячески инспирировалось Советским Союзом.

Генерал Пиночет вместе с немногочисленным сопровождением, в котором находился лейтенант Краснов, медленно вышел из мавзолея на огромную площадь, покрывающую всю долину и заполненную испанцами, которых собралось более миллиона.

Завидев чилийского генерала, свергнувшего коммунизм, так же как и Франко, толпа взорвалась оглушительной, казавшейся нескончаемой, овацией, вызвав глубокие эмоции у чилийского президента и всех его сопровождавших. По воспоминаниям лейтенанта Краснова, неожиданно толпа преодолела полицейские кордоны и люди, перескакивая через автомобили, с неистовым энтузиазмом бросились вперёд в поисках возможности тем или иным образом приблизиться к генералу Пиночету.

Это был действительно очень неожиданный и очень откровенный жест признания со стороны народа, прошедшего в своей истории через те же испытания, что и наш народ.

Аналогичный случай произошел в испанском парламенте (Cortes Espanolas) на церемонии по поводу провозглашения Хуана Карлоса I королем Испании, во время которой прибытие генерала Пиночета вызвало горячие приветствия. Депутаты испанского парламента встретили чилийского президента стоя продолжительными аплодисментами.

После таких незабываемых впечатлений от увиденного, Михаилу Краснову представлялось, что по возвращении в Чили генерала Пиночета будет ждать многолюдная встреча. Между тем, это было не так. В аэропорту его ожидали только лишь правительственные чиновники и некоторые из родных. В дальнейшем выяснилось, что впечатляющий прием президента Чили в Испании преднамеренно не транслировался телекомпаниями, и о нём не упоминала пресса.

Вторая поездка - в Вашингтон - пришлась на 1977 год, когда состоялась встреча всех президентов стран американского континента по поводу подписания нового договора о Панамском канале.

В 1978 году, уже в звании капитана, Краснов поступил в

Военную Академию Вооружённых Сил, где его успехи были блестящими. Закончил он Академию, получив квалификацию офицера Генерального Штаба, при этом войдя в десятку лучших выпускников.

Два года спустя он вновь возвращается в Академию, но уже в качестве профессора Кафедры тактики и операций. Вместе с тем он приступает к подготовке для возможного назначения на Кафедру информации – цель, которая была достигнута с полным успехом уже на следующий год.

Таким же успешным было его участие в 1983 - 1984 годах в курсах усовершенствования офицеров Генерального Штаба, проходивших в Школе Главного командования и Генерального Штаба ВС Бразилии, в городе Рио-де-Жанейро. В этом случае, среди более чем 30 иностранных офицеров различных званий, прибывших с четырёх континентов, майор Краснов был одним из 4-х избранных для публичной защиты своей диссертации на португальском языке в присутствии представителей бразильского высшего военного командования.

Кроме диплома Генерального Штаба ВС Бразилии, за блестящие успехи во время обучения в этой Школе, Краснов был награжден правительством Бразилии медалью «Al Pacificador» («Миротворцу»).

Позднее, уже в Чили в разгар демократии, в 1991 году, Михаил Краснов был награжден серебряной наградной доской «Президент Республики» которая была вручена ему в городе Темуко губернатором IX-го Региона, господином Фернандо Чуэкас Гонсалес от имени главы государства Патрисио Элвина.

Краснов был первым офицером, представленным к такому знаку отличия в годы последовавшие за эпохой Военного Правительства.

Как можно заключить из этого короткого перечня достижений нашего главного героя, он мог вполне гордиться своей жизнью и своей профессиональной карьерой. Имел жену и семью, которых любил всей душой, а его военное призвание выразилось в последовательных и блестящих успехах.

Эти достижения и победы пришли к нему по праву и были результатом воспринятых им твердых моральных принципов. Ответственный, корректный и честный во всех своих поступках – он пожинал плоды, которые жизнь предоставляет людям, всегда действующим достойно и честно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАЗАКОВ

В 1992-м, в то время когда полковник Краснов находился на службе в городе Вальдивия, умерла его мать Дина Марченко. Уже на пенсии, после длинной трудовой жизни, её последней должностью был пост директора Института переводчиков и туризма, при Чилийском Университете (Universidad de Chile).

Всегда молчаливая по отношению к своему прошлому, после своего ухода из жизни она оставила своему сыну и невестке неожиданный подарок. Дина хранила значительное количество памятных вещей того прошлого, которое вроде бы уже забывала. Фотографии, медали, награды и военные эмблемы. Трудно было понять, каким образом она смогла спасти столько вещей посреди отчаяния и горечи тех дней, пережитых в Лиенце и в тяжелые условия своего переезда в Чили.

Среди этих памятных предметов одним из тех, который особенно удивил Михаила и его жену, была висящая на стене её спальни маленькая картинка, с изображением обыкновенного и простого цветочного кувшина, нарисованного Михаилом, когда он был ещё учеником начальной школы. Сняв со стены и взяв картинку в свои руки, Анджи нашла её слишком тяжелой. Открыли рамку и внутри нашли старую фотографию: на ней был изображен Пётр Николаевич Краснов, встречающий царя Николая II на полигоне в ходе военных манёвров.

Фотография была подписана атаманом Красновым и подарена его невестке Дине, о чем свидетельствовала дарственная надпись.

Почему она скрыла эту фотографию таким образом? Может быть, сделала это во время правления Народного Единства, когда чувствовала и видела угрозу, надвигающуюся на Чили?

Вспомним её отчаяние, когда она помогала Михаилу перевести тексты, врученные тому генералом Пратсом и компрометирующие нашу страну связью с Советским Союзом.

Каким бы ни было объяснение – это останется одной из многих загадок, которые эта молчаливая женщина сохраняла при себе, вместе с горечью воспоминаний о событиях, омрачивших её молодость.

С уходом из жизни его матери и бабушки, для самого Михаила эти предметы приобрели особую и новую ценность, как единственное свидетельство прошлого его родных.

Мы уже сказали, что в молодости, по мере того как военная карьера удаляла его от материнского очага, воспоминания о сопровождавших его в детстве казачьих традициях понемногу растворились в его памяти. Теперь, находка этих неоценимых памятных вещей, снова разбудила в нем любопытство и интерес к тому потерянному миру.

Одновременно с этим, падение и крах Советского Союза способствовали медленному открытию окон в прошлое в России. Вернулся интерес к истории – к настоящей, а не к фантастической искаженной версии, с помощью которой коммунизм пытался навсегда оторвать русский народа от его настоящих корней.

Казаки Зарубежья всегда придавали большое значение сохранению исторической памяти и казачьего единства, а теперь они могли возвратиться на землю своих предков и восстановить связь со своими братьями по крови.

Вскоре начали появляться и циркулировать по всему миру журналы и газеты с хроникой и новостями о происходящем в России.

Одно из известий, привлекшее внимание казачества, гласило о существовании в чилийской Армии офицера, продолжающего род Красновых, который все считали прекратившимся после произошедшего в Лиенце.

Первая информация пришла через немецких граждан, поддерживающих связь с Чили и, в свою очередь, имевших родственников или друзей в казачьей среде.

Одним из них был доктор H. J., немецкого происхождения, родившийся и проживавший в Чили до тех пор, пока, как и многие чилийцы, он не был вынужден покинуть эту страну по причине прихода к власти Альенде. Уже на постоянном месте жительства в Германии, его профессиональная известность вскоре позволила ему занимать различные должности на мировом уровне в своей специальности. Он с особой теплотой относился к казачеству. Более того – в его венах текла казачья кровь и, поэтому, он входил в состав Объединения Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка со штаб-квартирой в Париже.

Уже во времена военного правительства профессор H. J. несколько раз побывал в Чили. Позднее, посещая в 1993-м году город Вальдивия, он узнал что имя начальника штаба IV-й дивизии - Михаил Краснов и он находится в том же городе. Профессор встретился с Михаилом и когда ознакомился с его историей, его удивлению и радости не было предела.

На следующий год, уже из Германии, доктор написал длинное письмо генералу Пиночету, о находке настоящей живой легенды для зарубежной колонии беженцев и русской белоэмиграции на Западе, потомка незабываемого поколения казаков в рядах чилийских Вооружённых Сил.

«Живой легендой» естественно, был Михаил.

Другой немец – Уго фон Зенгер, во время Второй Мировой Войны находился в рядах казаков фон Паннвица и даже стал там почётным казаком. В одну из поездок, навещая своего проживающего в Чили сына, фон Зенгер узнал, что тот знаком с Михаилом Красновым. Эта новость полетела на другую сторону океана и была упомянута в одной из статей газеты «Донская Панорама», которая заканчивалась словами: «Ждем ответа из далекой Чили от «последнего из могикан» знаменитой и благородной династии Красновых».

Некоторое время спустя (в 1999 году) в руки Михаила Краснова попал издаваемый в Москве журнал «Станица», посвятивший две страницы его биографии. В конечном итоге, новость о «воскрешении» рода Красновых распространилась по всей России.

Но наиболее эмоциональный документ прибыл из станицы Правоторовской – оттуда, где Красновы когда-то имели свою усадьбу.

Казаки, проживающие по соседству с землёй его предков, обращаются к Михаилу и рассказывают, каким образом до них дошло известие о гибели его отца, как результат «трагического предательства». И как позднее они узнали «с удивлением и радостью» о его существовании в Чили и, в конце концов, решили написать ему от имени всех казаков.

В тексте приводятся и воспоминания. Стоит процитировать некоторые параграфы, в которых чётко отражается пережитая Россией трагедия.

«Около десяти лет назад ушли из жизни последние казаки, которые были лично знакомы и вспоминали с глубокой теплотой о Вашем деде и Вашем отце. ...На Рождество Ваши дед и бабушка в сопровождении Вашего ещё очень молодого отца прибывали на усадьбу. Шли в церковь святого Николая и раздавали подарки для всех жителей станицы. На протяжении 3-х дней их большой дом оставался открытым для всех, кто имел желание его посетить, и где все были приняты с теплом, вежливостью и бескорыстием. Ваша незабываемая бабушка лично помогала разливать чай и предлагала пироги и сладости для всех гостей».

Далее казаки с болью вспоминают период правления большевиков: «В 30-е годы коммунисты разрушили часовню при усадьбе, своей красотой являвшую настоящее наследие города. ...Дом был разобран на кирпичи и захоронения Вашей семьи осквернили, выкопав и разбросав по полю гробы с останками Ваших родных. Дружеские руки потаённо подняли останки и снова закопали на месте семейного захоронения».

«Спустя год после установления советского режима, от красивейшей и большой станицы почти ничего не осталось.Наши предки ужаснулись бы от того, что сделали с нашей станицей».

«Дай Бог, чтобы Вы когда-нибудь добрались сюда, на Вашу Родину. Мы будем Вас ждать».

«Разрешите закончить это возможно неупорядоченное, но глубоко эмоциональное и откровенное письмо с уважением к Вам – от имени земляков Вашей станицы».

Подписались от имени всех казаков атаман Горин и атаман Копылов.

Это письмо отражает постоянство благородных чувств в сердцах многих людей. Людей, которым очень долгое

время навязывалась идеология, пропагандирующая только ненависть.

Нужно иметь в виду, что коммунистический режим на протяжении трех четвертей века, безустанно внушал этим казакам свои «святые» догмы классовой ненависти и «святой долг» преданности советским лозунгам. И все это под непрестанным нажимом угроз. Немногих слов из этого письма, направленного одному из Красновых, в предыдущие годы было бы достаточно, чтобы отправить их авторов на виселицу или в ГУЛаг. Но, несмотря ни на что, они пронесли сквозь страшные годы ясность мышления и память о Красновых.

Я уверена, что одной из самых больших жертв, на которые жизнь обрекла Михаила Краснова, является то, что он не смог приехать в Россию и пожать руки казаков, протянутые ему с таким доброжелательством и откровенностью.

В последующие годы поддержка и солидарность со стороны казачества, выражалась постоянно, в том числе она доходила и доходит до тюрьмы, где Михаил Семёнович расплачивается за преступления, которых никогда не совершал. Это является для него постоянным источником стойкости, оптимизма и радости.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

ПОБЕДИТЬ В ВОЙНЕ И ПОТЕРПЕТЬ ПОРАЖЕНИЕ В МИРЕ

МЕСТЬ

Вернёмся на несколько лет назад. В 1979 году, в то время в звании майора, Михаил Краснов впервые был вызван в суд. Судья Сервандо Йордан вызвал его в качестве свидетеля по делу о предполагаемом исчезновении около пятидесяти террористов. Таким образом, наш герой стал одним из первых офицеров Вооружённых Сил, представшим перед лицом юстиции. Стоит сказать, что судья Йордан пришёл к выводу, что полковник Краснов не имеет никакого отношения к рассматриваемым в этом деле событиям и закрыл дело против Краснова.

Между тем, это было лишь самое начало, а далее последовали постоянные вызовы со стороны различных представителей юридической власти, продлившихся в течение 28-ми лет. Уже само по себе это является тяжелейшимииспытанием, создающим разного рода преграды в жизни любого гражданина.

А последствия этой аномальной ситуации были очень тяжкими. Сначала появились первые препятствия в военной карьере – очевидные профессиональные успехи, которые мы уже видели, вошли в противоречие с подозрениями, подпитываемыми постоянными судебными повестками.

В 1991 году, по окончании своей успешной службы в городе Темуко, Главное командование Армии командировало Краснова (в то время полковника) на два года для выполнения служебных обязанностей в составе Межамериканского Совета обороны со штаб-квартирой в Вашингтоне. Это назначение на высокую ответственную должность международного уровня означало бы новую ступень в его успешной профессиональной карьере.

Но, спустя несколько дней, офицер получил сообщение от командования, в котором его информировали, что назначение аннулировано «по причинам, независящим от интересов и желания Армии».

Удивлённый и разочарованный этим незаслуженным отклонением его кандидатуры, Михаил Краснов подал рапорт с просьбой об отставке, который был безоговорочно отвергнут военным командованием и он тут же получил назначение на пост начальника штаба IV-йдивизии, со штаб-квартирой в городе Вальдивия. Там его военная карьера продолжила своё развитие нормальным образом до 1993-го года.

Два года спустя его ожидало ещё одно, более значимое разочарование, как в профессиональном, так и в личном плане. Ему предстояла поездка за рубеж и неофициально Краснову сообщили, что он представлен к назначению на пост военного атташе чилийского посольства в Российской Федерации.

Это назначение являлось бы наиболее правильным не только для Армии, но и собственно для правительства Чили. Военный советник русского происхождения, потомок прославленных казаков, чисто говорящий на языке страны - он располагал всеми средствами для наилучшего выполнения служебных задач и поддержки репутации Чили на должном высоком уровне. Не будет лишним сказать, что к тому времени - в 1995 году - красное знамя с серпом и молотом уже давно было заменено бело-сине-красным стягом и гербом с двуглавым орлом.

Интерес и российского правительства стал очевидным, когда посол России в Чили пригласил Михаила с женой в свою резиденцию на ужин с участием всего дипломатического корпуса, что можно было рассматривать как преддверие благожелательной встречи, которая его ожидает в этой стране.

Но тёмные силы снова пересеклись в судьбе полковника Краснова. Немного спустя, несмотря на очевидные преимущества для Чили, которое имела бы его дипломатическая работа на этой должности, назначение Михаила было отклонено «на политическом уровне».

В конечном итоге, в 1997 году, в звании бригадира, в момент, когда он мог быть представлен к присвоению звания бригадного генерала, как результат блестящей и безупречной военной карьеры, очередное правительство наложило вето на его повышение под предлогом его «бывшей принадлежности к DINA» (правильное определение должно было звучать так – «был краткосрочно прикомандирован к DINA»).

Придя к выводу, что на этом его карьера закончилась, Михаил Краснов подал рапорт о добровольной и неотклоняемой отставке из рядов Вооружённых Сил. В точности, как ему и говорила мать в своём необъяснимом предсказании, он не станет генералом, каковыми были его предки. Положительный характер нашего героя позволил ему со спокойствием преодолеть это новое разочарование. Он был удовлетворён сознанием и уверенностью, что Армия не желала его отставки и что командование не было согласно с политическим вето на его продвижение по службе, а напротив считало, что его блестящая военная карьера была достойна заслуженного признания.

Так или иначе, это было только начало длинного пути, пронизанного несправедливостью, клеветой и оскорблением.

Для того, чтобы разобраться в юридических вопросах, предварительно считаю необходимым сообщить о принципиальной ошибке в судопроизводстве, которая имеет явно умышленный характер и ликвидирует любую возможность правосудия не только в случае с Красновым, но и с другими обвинёнными военнослужащими. Дело в том, что так называемые «процессы о правах человека» рассматривают события с искусственно установленной даты - 11 сентября 1973 года. Всё, что произошло до этой даты, не только не считается мотивом для расследования – но и вообще целенаправленно замалчивается и стирается из памяти чилийцев.

Это искусственное разделение исторического процесса крайне искажает восприятие действительности того времени, представляя наших военнослужащих людьми, которые без какой-либо причины насильно захватили власть и в тот же момент занялись насилием против сотен мирных сограждан, не совершивших никаких преступлений.

Это подразумевает возмутительную фальсификацию нашей недавней истории, вследствие чего некоторые чилийские военнослужащие, ощущают её последствия на себе. Эта фальсификация включает в себя игнорирование того факта, что правительство Народного Единства разрушило чилийскую демократию и систематически попирало гражданские права.

Кроме того, это правительство откровенно посмеялось над правосудием, оставив более пяти тысяч судебных решений без исполнения, в результате чего 7 мая 1973 года Верховный Суд вынужден был объявить о том, что ситуация с исполнительной и законодательной властью в стране достигла критической точки. Правительство Народного Единства аннулировало полномочия Парламента, после чего Палата Депутатов объявила это правительство незаконным. Одновременно были уничтожены права на частную собственность, захвачены и экспроприированы тысячи гектаров плодородных земель, почти все банковские учреждения страны и вся чилийская металлургическая индустрия, не считая многочисленную другую частную собственность, которую невозможно перечислить на этих страницах. Всё это было произведено без права на компенсацию законным владельцам.

Пользуясь поддержкой правительства Народного Единства в страну прибыло более тринадцати тысяч вооружённых боевиков, в том числе даже военнослужащих стран советского блока, которые развернули секретные лагеря на нашей территории, тем самым представляя серьёзную угрозу национальному суверенитету.

Как результат всего этого, граждане страны призвали Вооружённые Силы к взятию власти и возвращению Чили к порядку и свободе – факт известный широкой общественности и зафиксированный многочисленными публикациями печатных средств массовой информации того времени.

Кроме того, имели место события, непосредственно влияющие на действия исполнительной власти и судебных органов. Наши военнослужащие не были инициаторами столкновений и насилия – за это несут ответственность террористы и члены ультралевых формирований. Нельзя забывать, что организация MIR осуществляла свои теракты, начиная с 60-х годов. Ограничимся напоминанием, что за три года правления Народного Единства было убито более 100 человек. Среди них были известные политики: например, Эдмундо Перес Зухович; сержанты карабинеров Фуэнтес Пинеда, Кофре Лопес, Гутьеррес Уррутиа и Арока Куэвас; морские офицеры, среди них: адъютант президента, капитан Артуро Арайя и младший лейтенант Эктор Лакрампетте; молодые деревенские фермеры Гильберто Гонсалес и Роландо Матус; студенты Гюнтер Шарнкен и другие...

Все мы знаем, что подавляющее большинство жертв тех лет пало от рук террористов и боевиков. И в последующие годы, уже при военном правительстве, количество жертв продолжало увеличиваться. Терроризм никогда не искал перемирия и не сдавал позиции.

В таком случае – каким образом законодательные органы могут изолировать военнослужащих от этой действительности и судить их, не принимая во внимание обстоятельства, которым те должны были противостоять? Сколько из них погибло в ночных засадах, организованных боевиками? Сколько из них отдало свои жизни, обезвреживая бомбы и взрывные устройства, предназначенные для убийства невинных? Более того – как вообще можно ставить на одну доску террориста, добровольно выбравшего путь насилия, убийства и грабежа, с представителем закона, исполняющего свой служебный долг в борьбе против преступников для защиты жизни своих соотечественников?

Нет сомнений, что в нашем обществе по вопросу о так называемых «правах человека», создан искаженный моральный фон, подавляющий любое намерение по свершению истинного правосудия.

Я не ставлю под сомнение тот факт, что были военнослужащие, злоупотребившие своей властью и совершившие предосудительные поступки. Такое случалось не раз на протяжении истории человечества, когда тот или иной народ охватывало состояние ненависти, и начиналась война – неважно, гражданская или международная. Нет, и никогда не было войн, в которых бы не существовала жестокость или погибшие были только среди армий противоборствующих сторон – всегда гибли и невинные. Но в любом случае, всегда необходимо справедливо взвешивать обстоятельства каждого дела и разбираться - кто есть кто.

Чили жила в состоянии гражданской войны, настойчиво и скрытно поддерживаемой ультралевыми организациями на протяжении 20-ти лет. Так как в этих условиях всегда бывает очень трудно разглядеть истину, обычно правительства объявляют амнистию, равноправно распространяющуюся на представителей всех противоборствующих сторон - как в своё время и поступило военное правительство. Сотни боевиков и террористов воспользовались этой мерой и прекрасно чувствуют себя до сих пор.

Произошло то, что является морально неприемлемым, и не должно было произойти – аннулирование распространения амнистии на военнослужащих и ведение обвинительных процессов только лишь против них.

Кроме очевидного неравенства в правах, эти процессы ведутся таким беспорядочным образом и с таким произволом, что просто нереально ждать от них установления какой-либо истины. Становится невозможно узнать, кто действительно превысил свои полномочия, собственноручно совершая неправомерные действия или отдавая приказы на принятие преступных мер, и отличить их от тех, ктоосновывал свои действия на правоте и чести, являющимися неотъемлемой частью статуса военного.

Далее, жизнь нашего героя Михаила Краснова проходила в рамках этой несправедливой действительности, поэтому сосредоточимся на его весьма показательном опыте.

Этот вопрос можно рассмотреть с абсолютной ясностью, ибо систематическое попрание прав, жертвой которого он стал, не прячется за какие-то правовые тонкости и сложные юридические толкования, далёкие от понимания неспециалистов. Речь идёт о столь явных нарушениях правовых основ, что любой человек может их легко увидеть. Для упрощения чтения, оставим в стороне имена судей, номера трибуналов, функции и полномочия учреждений, которые только запутают читателя. О каждом из нижеупомянутых инцидентов существуют свидетельства и документы, соответствующе оформленные.

Достаточно произвести разбор развития любого процесса над бригадиром Красновым, чтобы заметить неописуемый беспорядок, царствующий в среде чилийского правосудия. Например, Михаил Семёнович многократно заново привлекался к процессам по делам, которые ранее уже были закрыты абсолютно и окончательно нашим Верховным Судом. Он привлекался к различным процессам разными судьями по обвинению в предполагаемом исчезновении одного и того же лица. Кроме того, будучи привлечён к ответственности в качестве обвиняемого, по большинству дел он вообще никогда не допрашивался! Судьям хватило «обоснованных» подозрений!

Каким образом можно ожидать ясности и правосудия в приговорах, если эти дела перемешаны между собой и хаотически перепутаны? Если различные судьи рассматривают одно и тоже дело? Или когда привлекают к процессу подозреваемого и не удосуживаются даже допросить его? Всё это, уже само по себе, является нарушением и независимо от критериев судьи, запутывает подсудимых и способствует произволу в вынесении судебных приговоров.

По теме закрытых и «воскресших» дел, в качестве примера достаточно упомянуть одно - Михаил Краснов привлекался к суду в ходе одного процесса по исчезновению 90 террористов в период военного правительства. Указанное дело было закрыто соответствующим военным трибуналом. Приговор был обжалован стороной обвинения, дело было снова рассмотрено и снова закрыто Военным Трибуналом и, в конце концов, было окончательно закрыто, как не подлежащее обжалованию, Верховным Судом Чили в 1994 году. На этом обычно процесс заканчивается.

Но не в этом случае: из девяноста исчезнувших, фигурирующих в списке предыдущего дела, выбрали имена двадцати террористов для начала нового процесса, снова обвиняющего Михаила Краснова в «постоянном похищении» и этот процесс на сегодняшний день медленно идет своим чередом.

Теперь обратимся к другой несправедливости.

Михаил Краснов был осуждён по обвинению в участии в так называемом «Деле Конференции» - об исчезновении членов Центрального Комитета Коммунистической Партии, находящихся в подполье. Офицер всегда указывал на то, что никогда не принимал участие в этом событии, так как направление его работы в DINA никогда не имело отношения к этой политической партии. Так вот, с января 2007 года этот процесс ведет судья Монтиглио, который добился установлениялиц,причастных к этому делу, причем подсудимые признали свою вину, о чём в своё время широко оповестили средства массовой информации. Признание виновных подтверждает полную непричастность и невиновность бригадира Краснова, но, не смотря на это, он до сегодняшнего дня остается осуждённым за это преступление.

Бригадир Красновв ходе процессов неоднократно мог убедиться, что судьи в откровенно одностороннем порядке не признают показаний свидетелей, которые говорят в его пользу. Например, так случилось в деле, где его обвинили в убийстве Луми Видела, боевика организации MIR (найденной мёртвой в саду на территории посольства Италии) и в предполагаемом «похищении» Серхио Переса – мужа указанной выше жертвы. Во время одной из очных ставок между Михаилом и бывшим членом политической комиссии организации MIR, господином Лаутаро Видела – братом Луми Видела - последний показал, что прежде чем приступить к дознанию, Краснов всегда представлялся и что он никогда не видел, чтобы в его присутствии имели место злоупотребления. Кроме того, Видела рассказал и о том, что касается его лично, а именно, что следователи того времени никогда не знали его настоящего имени и в доказательство предъявил судье фальсифицированное удостоверение личности, используемое им тогда. Не придавая ни малейшей важности этому признанию, судья всего лишь пожурила бывшего террориста по поводу этой «шалости». Дополнительно, бывший террорист заявил, что ему известны имена убийц его сестры Луми и среди них нет ни одного, имеющего отношение к Краснову и к его подчинённым. Выслушав это признание, судья не продемонстрировала ни малейшего интереса к дальнейшему продолжению очной ставки и ограничилась подписанием обвинительного приговора Краснову в этом деле, несмотря ни на что.

Вот таким образом, в июне 2007 года наш герой был приговорён к 10-ти годам заключения, как виновный в смерти Луми Видела и к 5-ти годам за исчезновение её мужа по фамилии Перес (кстати, Краснов так никогда и не был допрошен по этому последнему делу). Вместо допроса, в дело было включены фотокопии заявлений, сделанных Михаилом в других процессах. Кроме того, этот приговор идёт вразрез с предыдущим, уже вынесенным Верховным Судом по этому делу в 1994-м году, отклоняющим обвинение и закрывающим данное дело полностью и окончательно.

Другой случай: дело об исчезновении террориста Сандоваля Родригеса, по которому бригадир Краснов находится в заключении. На имевшей место во время процесса первой же очной ставке с бывшим осведомителем DINA Освальдо Ромо (наиболее важным свидетелем, согласно выводу самой судьи, которая вела процесс), этот свидетель заявил, чтоКраснов не имеет никакого отношения к исчезновению террориста, дело которого рассматривается. Несмотря на это свидетельство, судья приняла решение признать Краснова виновным по данному делу.

В судебном процессе об исчезновении боевика организации MIR по фамилии Сан Мартин – в результате которого Краснов тоже был осуждён (единственном, где ему позволили принять личное участие), два человека – мужчина и женщина, задержанные вместе с жертвой, заявили, что не знают, кто он такой и подчеркнули в присутствии судьи, что им совершенно точно известны люди, осуществившие их задержание и что они не имеют ничего общего с господином Красновым. Честное свидетельство, но бесполезное. По этому делу бригадир был приговорён уже самим Верховным Судом к 5-ти годам тюремного заключения.

Из этих фактов можно сделать вывод, что в судебных процессах по так называемым «правам человека», заявления и доводы в пользу обвиняемого не имеют веса и не принимаются на счёт.

Допустим ли такой подход и такие критерии в деле правосудия?

Ещё одно злоупотребление, которому должен был противостоять бригадир Краснов, это полная безнаказанность фальшивых свидетелей, которые иногда доводят зал до

смеха в своих утверждениях, и все это под терпеливыми и добродушными взорами представителей правосудия.

Например, так произошло с одной женщиной, заявившей, что в феврале 1974 года в своём собственном доме она была избита лейтенантом Красновым.

Свидетельница показала, что не только помнит его лицо, но уже в то время знала, что тот принадлежит к DINA, так как на его форме была «крупная наклейка» со словами «DINA» и такая же «наклейка» была на его автомобиле. Нелепой выдумки о существовании секретной разведывательной службы с наклейками (почти как в рекламе) было достаточно для разоблачения лжи, но судья выслушала всё, не выказав и тени сомнения. Свидетель обвинения почувствовала себя неудобно, когда Михаил ответил ей, что в феврале месяце 1974 года он находился на обучении в Паname, и что об этом есть соответствующая отметка в его личном деле, которое имеется на руках у судьи.

Тогда свидетель обвинения удалилась и уступила место своей дочери, которую на выходе из зала тихо предупредила, что событие произошло не в феврале, а в январе. Что было также очевидной ложью, так как в этом месяце лейтенант Краснов находился в отпуске в преддверии своей служебной поездки в Панаму и был прикомандирован к DINA несколько месяцев спустя. Именно на таких наглых лжесвидетельствах и основываются обвинения.

Другой случай, на этот раз с одним из бывших арестованных: он утверждал, что был арестован бригадиром Красновым, хотя «сам он его не видел». Затем был подвергнут пыткам этим же офицером, хотя он «снова его не видел». Всё это произошло в один и тот же день. На вопрос судьи – каким же образом он может утверждать, что это Краснов, если он его никогда не видел, бывший арестант ответил, что сейчас узнал его «по его шагам и по запаху его одеколона». После изложения столь фантастической истории, зал взорвался от хохота присутствующих на процессе, включая саму судью.

В конце концов, этот человек попросил извинения за свои очевидные лжесвидетельства, но, так или иначе, судья решила продолжить обвинительный процесс против бригадира Краснова.

На других очных ставках случалось, что некоторые из бывших арестантов заявляли, что были с завязанными глазами, но в тоже время «видели лейтенанта Краснова». На вопрос – каким образом они могли его видеть, если были с завязанными глазами, один из этих типов ответил, «что у него сползла повязка как раз в тот момент, когда Краснов проходил мимо». Другие просто лгут в своих заявлениях, приписывая ему отдачу приказов и даже принятие участия в физических истязаниях. Эти лживые заявления были разоблачены не только постоянными противоречиями, в которые впадали лжесвидетели, когда от них требовали изложить все детально. В документах, предоставленных бывшими руководителями DINA разных уровней, тоже совершенно ясно и точно демонстрируется очевидная подтасовка свидетельств этих так называемых «потерпевших» и невиновность Краснова. В любом случае – в многочисленных судебных делах, к которым тем или иным образом был привлечен наш герой, не существует ни одного достоверного свидетельства или документа, которые указывали бы на Краснова как виновного в действиях или отдаче приказов, связанных с «исчезновением» людей, или в соучастии в таких действиях.

Это было бы смешно в том случае, если бы очевидные ложные показания не воспринимались абсолютно серьезно представителями закона, которые затем без всяких колебаний использовали их против обвиняемого.

Лжесвидетельство в суде считается тяжким преступлением во всех цивилизованных странах, так как может привести к вынесению обвинительного приговора невиновным людям. Только в нашей стране судья, ведущий обвинительный процесс против наших же военнослужащих, серьезно воспринимает показания, если они явно лживые и смеется над причудливыми нелепицами вместе с присутствующей публикой, как если бы речь шла о шутке.

А после лжец безнаказанно уходит к себе домой, унося в кармане деньги, уплаченные ему за визит и предоставленную судьям ложь (кстати, интересно, откуда приходят эти деньги?).

Другая глава из юридического произвола над бригадиром Красновым, затрагивает вынесение приговоров по делам об исчезнувших, т.е. о преступлениях, произошедших, когда он вообще находился в другом городе или даже в другой стране. Подобные вещи можно детально доказать, что и было сделано, а соответствующие документы были предоставлены адвокатами защиты судам. Это имело место в отношении судьбы нескольких террористов, исчезнувших в период между 14-м и 16-м августа 1974 года. Защита бригадира Краснова предоставила суду документы демонстрирующие, что в период с 5-го по 24-е число этого месяца, Михаил Краснов находился в Чияне, занятый подготовкой визита в этот город президента Пиночета в связи с празднованием юбилея О'Хиггинса (20 августа). Почему наш офицер находился столько дней в этом городе? Разведывательная служба зафиксировала подготовку террористического акта, угрожающего жизни президента Республики и других представителей власти, которые должны были присутствовать на праздновании. В результате, даже физически было невозможно предполагать участие обвиняемого в этом преступлении.

Неопровержимое доказательство невиновности обвиняемого? Без сомнения – если это касается другого человека, но не бригадира Краснова. По этому судебному процессу он тоже был приговорен к 10-ти годам заключения.

Эти приговоры, вынесенные вопреки всем существующим доказательствам, повторялись неоднократно.

Краснов был осужден за исчезновение террористов, арестованных в период когда он находился в служебной командировке в Боливии (подготовка Чараньяльской Конференции между президентами Чили и Боливии).

В другом случае, когда лейтенант Краснов находился в служебной командировке в США, в Чили исчез террорист Мигель Анхель Сандоваль. Результат: наш офицер осужден и находится в заключении по делу об этом предполагаемом «похищении», в то время как он находился за тысячи километров от места происшествия.

Затем его судят по делу об исчезновении другого боевика MIR, произошедшего, когда он находился ещё дальше – как сотрудник службы безопасности президента Пиночета во время его поездки в Испанию на похороны генерала Франко. Дата: ноябрь 1975-го.

Кто-либо может поверить в существование такого правосудия, которое не принимает ни одного доказательства в пользу обвиняемого, включая неоспоримые факты его отсутствия в стране?

Вообще, наш герой никогда не имел возможности воспользоваться какими-либо гарантиями, которые Закон предоставляет любым обвиняемым: ни срока давности, ни амнистии, ни презумпции невиновности, ни res judicata. [Прим. ред. - положение, в соответствии с которым окончательное решение полномочного суда, которые вступило в силу, является обязательным для сторон спора и не может быть пересмотрено]. Все эти фундаментальные юридические принципы, применяются в судопроизводстве со времен Римской Империи, когда были заложены основы, способствующие избежать эксцессов в правосудии. Во всем этом в наших судах систематически отказывалось военнослужащим. И наоборот, что особенно прискорбно – судьи благодушно предоставили все эти гарантии террористам, наслаждающимся сегодня полной свободой.

Но мы должны сообщить и о более тяжких фактах. В материалах ни одного из многочисленных процессов, к которым бригадир привлекался (43 процесса), и по которым был приговорен (в общей сложности 9: пять из них уже в исполнении и четыре пока рассматриваются в различных судебных инстанциях) -НИГДЕ ему не предъявили какое-либо конкретное обвинение, а тем более не доказали его вину. Он был приговорен (дословно) «за квалифицированное похищение человека, основанное на весомых подозрениях». Кроме такого «предположения в участии в неких событиях» суд вдобавок рассматривает подсудимого как частное лицо, произвольно не признавая его как государственного служащего. Любой офицер Вооружённых Сил, так же как и другие правительственные чиновники, при выполнении установленных служебных обязанностей – не являются ли представителями Государства? Это юридическое «тонкое упущение» на практике означает, что дела военных рассматриваются с той же точки зрения, что и дела злостных уголовников, поэтому приговоры по ним отличаются крайней суровостью.

Более того, «подозрение» ни в какой цивилизованной стране не означает автоматическое вынесение приговора. Необходимо доказать наличие состава преступления и это должно быть сделано представителями юстиции, а не самим обвиняемым, от которого усиленно добиваются самооговора.

Не говоря уже о самом термине «постоянное похищение» - оно, что, длится уже более 30-ти лет? Всем известно, что это является ни чем иным, как порочной «юридической фикцией», противоречащей самому элементарному здравому смыслу. Но, не смотря ни на что, она сохраняется в юриспруденции с единственной целью – наказать солдат и офицеров Вооружённых Сил. Все это просто аморально.

Но тема «задержанных - исчезнувших» готовит для нас ещё и другие сюрпризы. В упомянутом выше случае, когда адвокат защиты документально доказал, что в день исчезновения потерпевших Михаил Краснов находился в городе Чиян, существует и другая вопиющая несправедливость. Согласно официальному документу Министерства Иностранных Дел, «исчезнувший» Рикардо Тронкосо Муньос получил политическое убежище в Мексике. Несмотря на это, Верховный Суд приговорил Краснова к 10-ти годам заключения по обвинению в «квалифицированном похищении» этого человека.

Нашего офицера обвиняют в аналогичном преступлении в деле о предполагаемом «исчезновении» Ивана Монти, которого видел живым и здоровым господин Рауль Армандо Херман в январе 1977 года, когда Михаил Краснов уже давно закончил свою служебную миссию в DINA и проходил обучение в Военной Академии ВС. Господин Херман заявил под присягой об этом факте, и соответствующий документ был предоставлен адвокатами защиты в распоряжение суда, но все без какого-либо результата, так как процесс до сих пор продолжается.

Другой невероятный случай имеет место в деле террориста Луиса Грегорио Муньос Родригеса, заключение о естественной смерти которого было выдано по просьбе его семьи. Между тем, для судей этот усопший продолжает считаться «похищенным» лично Михаилом Красновым, над которым теперь висит угроза ещё 10-ти лет заключения, согласно вынесенному в первой инстанции вердикту.

Это означает, что террорист Луис Грегорио Муньос считается умершим для определенных правовых целей, но для других правовых целей он продолжает жить. Что это такое? Коллективная шизофрения?

Теперь поговорим о других проблемах. Например, бригадиру Краснову никогда не была организована очная ставка с генералом Контрерасом, который был его начальником в DINA. Не была ли необходимой эта очная ставка для подтверждения показаний Краснова о специфике его работы в этом учреждении? Конечно была, но назначенных вести процессы судей кажется совсем не интересовало установление правды.

В связи с тем же генералом стоит указать, что 2005 году был обнародовал официальный документ, в котором проясняется судьба более чем 500 исчезнувших. И уточнена ответственность сотрудников DINA в каждом из случаев. Этот документ снимал вину с ряда подчиненных Контрераса – среди них и с лейтенанта Краснова по предъявляемым обвинениям и вынесенным ему приговорам. Так вот, спустя более чем два года так и не было назначено ни одного пересмотра дел на основе использования данных, предоставленных лично бывшим директором DINA.

В 2007 году, идентичную судьбу имело публичное заявление тогдашнего заместителя директора того же разведывательного учреждения, полковника Педро Эспиносы, который добавил важные новые сведения об организации и функционировании DINA, согласно которым, офицер Краснов полностью оправдывается по всем случаям предъявленных несправедливых обвинений.

Оба этих документа канули в никуда. Никто из представителей закона, кажется, не проявил интереса к использованию этих новых сведений, способствующих установлению истины. Политические лозунги, под влиянием которых находится юстиция, уже заранее заклеймили некоторых лиц, как виновных. Потому даже если и появляются новые сведения, доказывающие невиновность Краснова, то эти документы игнорируются.

Другой неподдающийся разумению факт: 5 приговоров, уже подтвержденных Верховным Судом и по которым бригадир Краснов находится в заключении, имели своё начало в процессах, рассмотренных одним и тем же судьей. Между тем, этот судья никогда лично не допросил обвиняемого! Как и в деле, упомянутом нами выше, он ограничился тем, что включил в досье лишь фотокопии показаний из других, не имеющих отношения к делу процессов. Является ли это обычной процедурой в делах по обвинению в убийстве или выражаясь политически корректно – в «постоянном похищении» и «нарушении прав человека»? Может ли персональный допрос быть заменен одной фотокопией? Не должен ли судья лично выслушать обе стороны, прежде чем выносить приговор? Допросы, опознания, поведение на процессе и ответы обвинителей и обвиняемых – не предназначены ли они для того, чтобы судья имел возможность лично познакомиться с непосредственными участниками процесса, оценить их искренность, их добросовестность или недобросовестность?

Да простит меня читатель за эти вопросы. Я знаю, ответы на них очевидны для любого нормального человека. Но задавать их нужно, чтобы осознать в какой действительности мы живем.

Упомянем ещё одно преступление, в котором был обвинен Михаил Краснов, но которое имело другой поворот. Это дело об исчезновении террориста Альфонсо Шанфру. Этот человек исчез в мае 1974 года (в то время лейтенант Краснов ещё не имел отношения к DINA и был прикомандирован к этому управлению лишь в июне 1974-го). Неважно – не взирая на это, он все равно был обвинен.

Но судья Апелляционного Суда, госпожа Глория Оливарес справедливо признала его невиновным. Приговор был обжалован в Верховном Суде, который в свою очередь не захотел утверждать заключение судьи, но нашел другой выход - постановил о распространении соответствующих гарантий амнистии в отношении офицера Краснова (но не оправдал его).

Но на этом дело не закончилось, т.к. враги Краснова даже таким половинчатым решением были взбешены. Представители потерпевшего выдвинули обвинение против трех судей Верховного Суда и в результате добились, что один из них был смещён Конгрессом со своего поста. К чему это ведет? А к тому, что даже судьи Верховного Судав конце концов будут заинтересованы не в установлении истины, а в вынесении таких приговоров, которые для них удобны, не вызовут гнева начальства или «общественности» и позволят им продолжить их юридическую карьеру.

Но вернемся к «делу Шанфру». Так как этот террорист был французского происхождения, левые организации перенаправили процесс во французский суд. Дело было принято к рассмотрению, и теперь Михаил Краснов к тому же должен был противостоять запросу на экстрадицию во Францию.

Уважаемый читатель, думаю, что теперь Вы смогли составить своё собственное мнение об этом юридическом клубке и о том, как жизнь человека может быть умышленно превращена в бесконечный кошмар.

Весь этот чудовищный заговор составлен с целью доказать недоказуемое - что лейтенант Краснов якобы принадлежал к «верхушке» DINA. (Это стало своего рода - «общеизвестной истиной»). Даже самому несведущему человеку известно, что в любой военной организации, каковой и являлась DINA – лейтенанты, сержанты и гражданские служащие никогда не могли играть главенствующую роль и принадлежать к какой-либо пресловутой «верхушке» или, проще говоря, быть членами главного командования. По званию и должности они являлись подчиненными, а не командующими. Между лейтенантом Красновым и начальником DINA в те годы было не менее 80-ти старших по званию военнослужащих.

Кому пришло в голову распространять этот фальшивый тезис, приведший к опутыванию невиновного человека паутиной злонамеренных обвинений? Тянутся ли нити в юридические круги или же это «заслуга» средств массовой информации?

Это мне неизвестно, но данный тезис содержит прямую ложь, ставшую уже обычным явлением. Когда какому-либо народу прививают привычку ассимилировать ложь, это выливается в его целенаправленное развращение.

Вспомним также о ещё одном тяжелом моменте – об агрессивном нападении толпы численностью приблизительно в 30 человек, которому подвергся бригадир Краснов по прибытию для дачи показаний в здание 8 Уголовного Суда. Совершенно очевидно, что все эти люди находились там не случайно. Они ждали его, так как знали час, день и место, куда офицер был вызван судьей, а эту информацию мог предоставить только сам суд.

В связи с этой агрессией адвокаты защиты бригадира написали соответствующее заявление. Но с 2003 года, когда произошло нападение, не было получено никакого объяснения и не было предпринято никаких мер по этому поводу, несмотря на то, что многие из нападавших достаточно известные персонажи, чьи лица постоянно фигурируют в телевизионных репортажах, как активные участники беспорядков в судах.

Рассказанное в этой главе излагалось и ранее свидетелями произошедшего, причем более авторитетными, чем я. Например, писал об этом господин Эрмогенес Перес де Арсе в своей еженедельной статье газеты «El Mercurio». Так вот- рассказанное им никогда не получило отклика. Никто не выступил в поддержку его обоснованных обвинений. Так же как никто и не отрицал ясно изложенные аргументы.

Это молчание можно считать очевидным доказательством, что как обвинители, так и судьи заняты не установлением истины, а вершат свою месть. Но когда месть облачается в судебную тогу, преступление становится опасным вдвойне. Ведь с одной стороны жертвами являются несправедливо приговоренные, а с другой – народ, обозревающий царящее беззаконие в фундаментальных институтах власти, на которых базируется вообще все цивилизованное существование.

Бригадир Краснов не изменил ни одного слова в своих заявлениях и показаниях, сделанных перед различными судебными инстанциями за последние 28 лет.

С той же ясностью, которую мы постарались передать на этих страницах, он разъяснил все о своих непосредственных функциях в DINA. Он не только считает себя невиновным в каком-либо преступлении, но и никогда не был свидетелем совершения таковых. Кроме того, он всегда заявлял о своей полной ответственности за своих подчиненных и абсолютно уверен, что, находясь под его руководством, ни один из них никогда не совершил какого-либо уголовного преступления – тем более не принимал прямого или косвенного участия в «процессе исчезновения людей». Михаил Семёнович абсолютно уверен в невиновности каждого, и, как полагается командиру, противостоит любым подозрениям, направленных против его подчиненных.

Наибольшим подтверждением невиновности Михаила Краснова является тот факт, что после 28-ми лет расследований, ни один судья не нашел ни одного доказательства его соучастия в совершенных преступлениях (реального, а не «предположительного»).

Однажды, одна из судей призналась нашему обвиненному офицеру, что она уверена в его невиновности, но, так как он в течение двух лет работал в DINA, она не может поверить, что он не располагает сведениями о настоящих виновных и его ошибка заключается в том, что он умалчивает об этом. Бригадир Краснов в ответ напомнил судье о том, что работа внутри разведывательной службы всегда строго разграничена и поэтому каждому из сотрудников очень немного известно про то, чем занимаются другие.

- Да, это так – ответила судья, - но я считаю невозможным, что после работы, по окончании служебного времени, Вы не слышали высказываний, которые могли бы помочь нам сориентироваться в поиске виновных.

Михаил Краснов возмутился:

- Госпожа судья, – ответил он (наш офицер обращается к судьям по протоколу, называя их «Ваша Честь», только в том случае, если и они обращаются к нему по званию – бригадир), - если Вы предполагаете, что я прибыл сюда, чтобы пересказывать безответственные коридорные слухи, что может привести к вынесению обвинительного приговора какому-либо невиновному, то Вы ошибаетесь – этого я никогда не сделаю.

- В таком случае, будьте осторожны, – ответила судья, - потому что это продлится очень долго.

- Я осознаю это, – сказал ей Краснов, и добавил не без иронии – возможно, пройдет много лет, Вы уже не будете на этом посту, а станете Председателем Верховного Суда, а меня будут привозить в этот суд на инвалидной коляске, но и тогда я все равно буду повторять то, что говорил всегда - правду о том, что лично мне известно, а не воспроизводить какие-то сплетни.

Пересказывая мне эти горькие диалоги, Михаил Семёнович в один из дней сказал мне:

«В конце концов, в некоторых юридических учреждениях я заработал себе славу человека высокомерного и надменного, хотя и никогда не имел и не имею желания быть им».

И в действительности он не такой. Он просто невиновный человек, которого безосновательно рассматривают как преступника и который вынужден защищать свою честь. Противники в любой форме пытаются унизить нашего офицера, но, всегда получая решительный отпор, вынуждены делать хорошую мину при плохой игре – трактуя его противостояние в защиту собственного достоинства как высокомерие.

Ради справедливости скажем, что были судьи, которые принесли свои извинения бригадиру Краснову за допросы и предъявление обвинений, хотя они имели полную уверенность в его невиновности и должны были эти дела прекратить. В то же время они признавались, что были вынуждены поступать так по причинам, независящим от их доброй воли и собственных убеждений в этих судебных процессах.

Что ещё можно к этому добавить?

Всем известно, откуда исходит нажим, превративший чилийскую юстицию в инструмент мести.

Задумаемся над одним аспектом этой несправедливой ситуации.

Герой этих страниц знает, что он невиновен. Его семья, его подчиненные, ближайшие друзья и его адвокаты также уверены в этом. Как мы уже видели, некоторые судьи (даже Верховного Суда) признавались ему в этом лично. Возможно, что существуют и другие судьи, пришедшие к тому же выводу, хотя и не осмелятся признаться в этом.

А как же остальные чилийцы?

День за днем – вот уже 28 лет, пресса атакует наших соотечественников рассказами про Михаила Краснова, «члена верхушки DINA», неоднократно приговоренного как преступника.

Представляется тяжелейшим испытанием жить, годами являясь на вызовы различных судей, сидеть на бесконечных допросах, многократно повторяя одни и те же показания, подвергаться опознаниям и очным ставкам с лжесвидетелями, беспомощно осознавая, что представители юстиции в любом случае не поверят в его невиновность. А, в довершение всего, после разрушенной военной карьеры и невозможности реализовать личный потенциал, лишиться свободы – оказаться в тюрьме, далеко от родных, на половине жизненного пути. И с болью в сердце осознавать, что общественное мнение в большинстве своём (за редким исключением) верит в то, о чем информирует пресса, уверенно излагающая, что лейтенант того времени Михаил Краснов – это преступник, который по непонятной причине занялся осуществлением неисчислимых преступлений, которые сегодня обернулись для него тюрьмой.

Нашему герою - достойному и честному человеку и всей его семье эти немыслимо злобные обвинения наносят невосполнимый моральный ущерб, противостоять которому, не сломившись, позволяет только большая духовная сила. Все мы были свидетелями аналогичных случаев, в которых люди не смогли выстоять.

Любому из читателей этих строк неоднократно приходилось видеть в прессе опровержения, исходящие от людей, имеющих определенную общественную известность, которые старательно вносят поправки в свои ошибочные высказыванияили в информацию об их действиях, даже если речь идет о мелочах - произнесенной фразе или участии в каком либо собрании.

Любой человек имеет право сохранять свою репутацию чистой. И защищать её от всего, что способно бросить на нее тень.

С этой вполне справедливой точки зрения – как оценить тот факт, что бригадир Краснов был публично опорочен властью своей Родины?

Можно ли измерить уровень боли и беспомощности, которая охватывает человека, вынужденного противостоять столь откровенно наглой клевете?

Михаил Краснов не является каким-то никому не известным гражданином. Это солдат, которому Чили и каждый из нас должен быть признателен за героическую службу. Он рисковал своей жизнью в схватках лицом к лицу с террористами. Для чего?

Для того, чтобы избавить Чили от наиболее опасной чумы нашей эпохи. Для того, чтобы избежать невинных жертв. Для защитыпорядка и мира, которые Вооруженные Силы вернули нам после трех лет тревоги и страха.

Не будет преувеличением сказать, что он рисковал своей жизнью во имя жизни каждого из нас. В этом заключается истина. Эффективность его борьбы и его победы породили направленную против него месть.

Что сделали мы, его соотечественники, в защиту его самого, его семьи, его подчиненных и сослуживцев? Абсолютно ничего! Только смотрели в сторону. Это трусость, недостойная наших традиций. За эту ошибку нам придется очень дорого расплачиваться. Рано или поздно, установившееся в судах и органах юстиции беззаконие доберётся до всех нас. Но это не будет никого интересовать. К тому времени народ к этому уже привыкнет.

Это непрерывное ухудшение правосудия выльется в разрушение Верховенства Закона, который вводит жизнь в рамки цивилизованного существования. И тогда возникнет анархия - море злоупотреблений и беспорядка, в которых демократия захлебнется и утонет.

Ведь ещё совсем недавно Чили пришлось пережить период, когда страна балансировала на краю пропасти- но мы быстро об этом позабыли.

Сейчас очень кстати знаменитая фраза Линкольна: «Можно обманывать часть народа все время. Можно обманывать весь народ некоторое время. Но нельзя обманывать весь народ все время».

История непременно осудит представителей власти, которые организовывали, способствовали или просто закрывали глаза на это несправедливое преследование представителей наших Вооружённых Сил. Ведь государственная работа наших военных подняла из руин материально и морально разрушенную страну инаправила её по пути прогресса – это факт, который даже самые яростные противники не могут опровергнуть.

Не надо заблуждаться – средства массовой информации, на первый взгляд непоколебимые в своей власти, на самомделе имеют эфемерное влияние. Будущие поколения будут иметь другой взгляд на вещи, и располагать большими возможностями в установлении правды, нежели мы. И тогда навязываемый группой лиц подход отпадет, уйдет пассивность – в результате на свет всплывут скрытые истины, станут явными темные маневры и позорные действия, которые будет стыдно признать как часть нашей истории.

НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ: СВИДЕТЕЛЬ, ПРИБЫВШИЙ ИЗ ЛОНДОНА

Сделаем небольшое отступление. Есть народная пословица – «в божьих виноградниках хватает всего». Несмотря на рассказанное нами в предыдущей главе, нет оснований сомневаться в том, что существуют честные судьи, а так же, как ни странно это звучит, есть и честные бывшие террористы. Михаил Краснов смог убедиться в этом в один из октябрьских дней 1992 года, когда был вызван судьей Глорией Оливарес на очную ставку с главным свидетелем (именно так ему сообщили).

В зал быстро вошел человек, вызванный как свидетель. Его лицо показалось Михаилу вроде бы знакомым, но он не мог припомнить кто это, до того момента, пока вошедший не представился - Эрик Зотт Чуэкас. Тогда обвиняемый понял, откуда он его знает. Эрик Зотт был боевиком в рядах Центральной Региональной группировки MIR города Вальпараисо и хотя Михаил никогда там не работал, он, конечно, видел его фотографии и знал его имя. Уже привыкший к лжесвидетельствам и фальшивым показаниям, он мысленно задавал себе только один вопрос - какие новые обвинения принес этот тип?

Судья предложила Зотту сесть, но тот отказался. Было заметно, что он торопился и начал говорить, не теряя времени.

- Госпожа судья, на часах уже 13:10 дня. Меня пригласили принять участие в этом процессе в качестве свидетеля. Когда мне стало известно, что речь идет о господине Краснове, я согласился не задумываясь. К счастью, мне оплатили проезд и расходы. Я прибыл из Лондона, где живу в настоящее время, и мой самолет приземлился в Сантьяго в 11 часов утра. Но я присутствую здесь не для того, о чем Вы думаете, госпожа судья. Я прибыл сюда исключительно для того, чтобы лично познакомиться с господином Красновым, так как раньше я его никогда не видел. Я хочу, чтобы это всем было ясно и было учтено судом. Он никогда меня не арестовывал и не подвергал пыткам. Между тем, когда я командовал региональной группировкой MIR, то слышал много разговоров о нем, так как, без сомнения, своей работой он внес большой вклад в наше поражение. Среди боевиков очень часто говорили о лейтенанте, теперь полковнике, Краснове. В тот период времени он провел огромную разведывательную работу. Продолжительно беседовал с каждым из задержанных и, как я уже сказал, и что снова хотел бы подчеркнуть – ни к кому не применяя физического насилия, добился, что многие из наших людей выдали ему ценную информацию: адреса складов с оружием, явок подполья и штаб-квартир. Поэтому уже с тех пор его личность привлекла мое внимание. Кроме того, по нашим каналам я узнал об истории его семьи.

- Мои соболезнования, господин полковник – то, что коммунисты свершили над Вашими родными, не имеет названия! Поверьте, меня так заинтересовала эта история, что когда я был арестован и в последующем выдворен из страны, то решил поехать в Австрию для того, чтобы лично во всем убедиться – и, обращаясь к Михаилу, спросил у него:

- Ведь Вы родились в Тироле, правда?

- Да, это так – ответил офицер, все более удивляясь.

- И Вы были крещены в церкви Святого Николая?

- Я видел его свидетельство о рождении, госпожа судья. Видел также монумент казакам, бойцам русской Белогвардейской армии, преданных англичанами и переданных ими в руки Сталина. Это была настоящая трагедия. Советская власть позаботилась о ликвидации подлинной элиты - великолепных солдат, блестящей интеллигенции, носителей славных традиций русской души. Они приняли мученическую смерть. Родственников присутствующего здесь полковника Краснова, увезли в Москву, в тюрьму на Лубянке, где продержали пленников два года.

Свидетель Зотт продолжил:

- Госпожа министр, известно ли Вам, что, зная об их популярности, Красновым предложили работать на коммунистов, а они отказались? Знаете ли Вы, что после этого отказа, они были повешены?

Михаил Краснов ошеломленно слушал, не произнося ни слова. Эрик Зотт прибыл не только для того чтобы сделать заявление в его защиту, но и в защиту его родных, ставших жертвами коммунизма. Как судья, так и прокурор, слушали эти слова молча, с крайним удивлением.

- В настоящее время я работаю в лондонской Би-Би-Си (BBC), – сказал бывший террорист.

Как я, так и другие мои коллеги, надеемся получить право на рассекречивание документов Ялтинской Конференции, так как там планировалось последнее из наиболее жестоких преступлений, совершенных союзниками в пользу Москвы. Это не должно остаться безнаказанным. Наша группа Би-Би-Си ожидает снятия грифа секретности с этих документов, так как мы планируем сделать документальный фильм о событиях того времени. Как только это произойдет, можете не сомневаться, что Вы будете первым человеком, которому мы пришлем копию фильма.

Эрик Зотт закончил своё содержательное и важное заявление словами:

- Господин Краснов, вот моя визитная карточка. Госпожа судья, приношу Вам свои извинения, так как мой обратный рейс вылетает в 4 часа дня. Господин полковник – мое почтение, считаю честью познакомиться с Вами лично и остаюсь к Вашим услугам.

Без сомнения, столь крутой поворот в убеждениях Эрика Зотта был важным событием для Михаила Краснова и это был один из немногих приятных эпизодов, пережитых в его долгих странствиях по судам.

Впрочем, марксисты очень переменчивы в своих мнениях и воспоминаниях. Проще говоря, использование в своих целях подходящего случая интересует их больше, чем истина. В последующих расследованиях и перед лицом других судей появился бывший террорист по имени Рейнальдо

Антонио Зотт Чуэкас, заявляя диаметрально противоположное всему тому, о чем говорил в трибунале Эрик в тот день. Может быть, это был его брат или какой-то родственник? Или тот же человек в своих показаниях противоречит самому себе? Уже имея опыт в этом отношении, Михаил склоняется к последнему.

В ТЮРЬМЕ

В годы, последовавшие после его ухода в отставку из рядов Вооружённых Сил, несмотря на потерю времени из-за постоянных вызовов в трибуналы, Михаил Краснов позаботился, чтобы его жизнь развивалась нормальным образом. Хорошо знающие о его способностях и профессиональных возможностях вышестоящие начальники попросили его в течение некоторого времени продолжить свою работу в Вооружённых Силах уже в качестве гражданского служащего и доверили ему руководство военным гостиничным комплексом, где он работал в течение следующих четырех лет.

Кроме своей профессиональной карьеры в Вооружённых Силах, офицер имел в своём багаже обучение в ICARE (Instituto Chileno de Administración Racional de Empresas) позволившее ему получить диплом администратора предприятия. На основе этих знаний и опыта, некоторое время спустя ему предложили директорский пост в одном из холдингов компаний города Консепсьон. Там он проработал до тех пор, пока правосудие не объявило о приведении в исполнение первого приговора, вынесенного Верховным Судом против него, который предусматривал его тюремное заключение.

Михаил пересек ворота тюрьмы «Кордильера» в 8 часов утра 28 января 2005-го года, вместе с другими офицерами, большинство из которых имели очень высокие звания в тот период, когда наш герой был всего лишь лейтенантом Вооружённых Сил. Отягчающим обстоятельством являлось ещё и то, что сроки наказания, к которым он был приговорен, были аналогичны вынесенным в отношении начальников DINA, что повторилось в последующих приговорах. Какова вообще может быть логика в том, что одинаковую ответственность несут и генерал и лейтенант, соответственно, получая аналогичные сроки? Это просто абсурд. Разве все вышестоящие начальники лейтенанта Краснова того времени уже не высказались в защиту Краснова, зная о его полной невиновности по обвинениям, предъявленным ему и его подчиненным? И почему ни один из судей не принял во внимание этот факт?

До сегодняшнего дня эти вопросы не имеют ответа.

Перед тем, как отправиться в тюрьму, Михаил Краснов зачитал журналистам текст, озаглавленный «Открытое письмо моим согражданам», на котором нам стоит задержаться.

Вот его начало:

«Через несколько часов я стану заключённым, расплачиваясь за преступления, которые не совершал. Я неизменно заявлял о своей невиновности перед лицом обвинений, которые несправедливо на меня возведены. И я повторяю это сейчас, в момент лишения меня свободы на 10 лет по причине этой несправедливости».

«Я никогда не был знаком с господином Сандовалем. Не арестовывал его. Не допрашивал его. Не подвергал его пыткам. Никогда его не похищал и не лишал его жизни.

Не существует ни одного законного доказательства, способного продемонстрировать обратное.

Сегодняшние властиотправляют меня не в тюрьму, а в настоящий лагерь для политических пленников. Там унизительно заперто некоторое число солдат, многие из которых на момент деяний, в которых их обвиняют, были лейтенантами и младшими лейтенантами – самая нижняя ступень в длинной и сложной цепочке командования».

В продолжении бригадный генерал Краснов детально излагает неоспоримую истину. Всем известно, что, начиная с шестидесятых годов, когда терроризм стал международной угрозой, «государство подготовило военнослужащих для противостояния этой угрозе. Организация, инструкции, вооружение и методы были ориентированы национальной властью в этом направлении.

Столкнувшись с реальной угрозой кровопролития и очевидной опасностью, которая могла поглотить нашу Родину, чилийское государство в лице своего национального правительства, демократических институтов и политических сил самых разнообразных направлений одобрило подготовку своих солдат для операций, предотвращающих нерегулярную и партизанскую войну.

На протяжении длительного времени сотни лучших офицеров, сержантов и курсантов наших Вооруженных Сил, как в самой стране, так и за рубежом, обучались, тренировались и готовились за счёт средств и ресурсов государства для решения таких задач.

Имея в виду всё предыдущее, задействованные в 1973 и в последующие годы, солдаты выполняли поставленные им задачи с искренней верой, что использование государственной силы против развернутых врагом акций нерегулярной войны, является их неуклонным долгом и обязанностью».

Как можно не признавать столь очевидных фактов? Как можно не признавать в этом офицере человека, который был подготовлен самим государством Чили для борьбы с опасностью, угрожавшей нашей Родине. Но эти факты (хотят ли их признавать или нет) лежат в основе уверенности нашего героя, что он не совершал ничего другого, кроме выполнения своего долга.

Продолжим эту тему. Мы узнали на этих страницах о воспитании в детстве нашего офицера, основанных на высоких моральных принципах. Человек, который в своей жизни руководствовался этими ценностями, не может спутать военную подготовку с лицензией на убийство. Потому, в заключение, бригадир Краснов указывает: «В этой части хочу быть очень точным. Не подвергаю сомнению факты, по которым определенные лица признались в совершении незаконных действий, что в свою очередь было соответственно воспринято властями. Но лично мне ни один из этих фактов не был известен во время моей службы в Национальном Разведывательном Управлении - с середины 1974 и до конца 1976 года. Ни я лично, ни мои подчиненные того времени понятия не имели о существовании какого-либо «исчезнувшего» при выполнении наших специфических задач. Тем более не принимали участия в деяниях такого рода».

Делая эти заявления, бригадир Краснов по своему горькому опыту знал, что многие люди ему не поверят. Но это письмо не адресовано лицам такого типа. Оно адресовано тем, кто сегодня, или в будущем, будет иметь желание беспристрастно узнать правду. Для этих людей он представляет конкретное доказательство своей невиновности: после 25-ти лет странствий по различным судам, его приговорили на основании «весомых подозрений в постоянном похищении». Здесь имеет место неопровержимый факт - если судьи после четверти века расследования жизни Михаила Краснова не нашли ничего большего, кроме подозрений о воображаемом похищении – совершенно очевидно отсутствие доказательств, предполагающих совершение им какого-либо преступления и способных подкрепить обвинение хоть сколько-нибудь реальными фактами.

Это письмо, в котором наш приговоренный и лишённый свободы офицер Вооружённых Сил излагает свои мысли, достойно внимательного прочтения. В нем содержится горький и трезвый анализ исторических обстоятельств, обусловивших его действия, и обосновывается несправедливость их оценки.

Однако на этом сделаем остановку, так как наши комментарии станут более весомы, если будут проанализированы события за прошедшее с тех пор время.

Скоро исполнится три года [Прим. ред. - на момент выхода первого русского издания Михаил Семёнович находится в заключении почти 6 лет], с тех пор как наш герой приступил к отбытию наказания в тюрьме «Кордильера». С того момента над ним нависли новые обвинения, каждое из которых основано на «подозрениях» - это значит, что все они необоснованны с точки зрения уголовного кодекса, но, тем не менее, как и раньше, легко могут быть использованы для продления творящегося над ним и над другими нашими офицерами беззакония.

Кстати сказать, это были очень тяжелые годы. С того времени как он пересек тюремные ворота, Михаил заметно похудел – явный признак внутреннего напряжения, которое он старается не демонстрировать, так как сохраняет строгий контроль над своими чувствами и эмоциями. Между тем, на нем отразился старый закон духовного роста, вызванного согласием жить в мире с Богом.

Без сомнения, основой его духовной силы является его спокойная совесть. Я слышала от него слова, что он предпочитает жить в тюрьме – но со спокойной душой, чем на свободе – но с постоянным ощущением преследования и в обстановке несправедливых обвинений. Люди, знающие Михаила Семёновича, не сомневаются в его искренности, когда он говорит это.

Верно и то, что его семья тоже всегда была и остается для него неоценимым источником поддержки. Я описала ранее на этих страницах, как Михаил познакомился с той, кто станет его женой. Жизнь вознаградила его, когда помогла найти женщину, ставшую достойной примера женой и матерью, которая разделила его тяжелую судьбу с восхитительной твердостью и силой.

Жизнь нашего офицера в тюрьме организована на основе строгой самодисциплины. Михаил Семёнович начинает день с зарядки и безупречной уборки маленького помещения, в котором живет. Если день приходится на визиты, то естественно проводит время с посетителями. В первую очередь это Анджи, которая находится рядом с мужем все разрешенное время. Не оставляя, впрочем, своими заботами детей, в том числе живущих вдали от родного дома. В те дни, когда Михаил Семёнович остается один, он работает над различными задачами. Одна из них заключается в упорядочении обширных архивов, содержащих копии материалов процессов, имеющих к нему отношение, независимо от того, какими бы сложными или абсурдными они не были. Наш офицер демонстрирует своё упорство и непоколебимую волю, отстаивая свою и своих подчиненных невиновность. Благодаря этой работе, он смог продемонстрировать одному из допрашивавших его судей, что процесс, который тот имел в виду, был окончательно закрыт Верховным Судом ещё в 1994 году.А повторное разбирательство одного и того же дела является незаконным. Это является следствием беспорядка, царящего в судах. Несмотря на этот аргумент, фактически ставящий точку в деле, и на который судья так и не нашел что возразить, процесс не закрыли и Михаил Семёнович остается обвиняемым по этому делу до сегодняшнего дня.

Кроме этого, заручившись должным разрешением, Михаил Краснов дает классы русского языка некоторым служащим жандармерии.

Дополнительно он поставил перед собой задачу принимать участие в «Классах усовершенствования для руководителей» экономического и коммерческого раздела «El Mercurio» и «Курсах предпринимательской деятельности» экономического отдела газеты «La Tercera». Для того, чтобы обучение было признано действительным, бригадир Краснов должен располагать интернетом для сдачи экзаменов и контрольных работ. К сожалению, интернет в тюрьме запрещён, но это не суть важно. Михаил Семёнович самостоятельно принимает участие в экзаменах, отвечает на контрольные вопросы, потом проверяет результаты и сам оценивает своё продвижение в учебе. Он не получит никакого диплома, но для него важно прежде всего познание.

Кроме гимнастики, одним из важных ежедневных физических упражнений является садоводство. На тюремной территории каждый отсек превращен в настоящую клетку из колючей проволоки и заграждений. Между ними и стенами помещения есть приблизительно метр или два открытой земли. До прибытия Михаила это была твердая, затоптанная, неплодородная почва. На сегодняшний день это маленький островок зелени – здесь растут азалия, гибискус и лимонное деревце, прежде высохшее, а сейчас дающее большие желтые лимоны.

Каждый день нашего пленника всегда заканчивается молитвой перед иконами – это традиция во всех русских домах, к которой он привык с детства.

Говоря о месте заключения, я хотела бы добавить одно личное наблюдение. В результате визитов, осуществленных в тюрьмы и в другие места заключения одним из представителей судебной власти, возникли разговоры о том, что тюрьма «Кордильера» является лучшим и привилегированным местом. По моему мнению, сказанное этим господином, говорит о том, что другие тюрьмы находятся в состоянии ужасно плачевном. Но этого сравнения было достаточно, чтобы левые, с присущей им ненавистью, развернули кампанию протестов - для них оказалось недопустимо, что приговоренные офицеры отбывают свой срок в достойных условиях.

Хочу прокомментировать эту ситуацию в первую очередь потому, что сам факт тюремного заключения означает болезненные ограничения, и вызванные этим страдания могут быть недооцениваемы живущими на свободе. Монотонность заключения подавляет человека.

Кроме того, есть и другой угнетающий фактор – обзор для взгляда пленённых - кругом густая металлическая сетка и видны только лишь высокие стены, коронованные огромными клубками колючей проволоки.

Можно сказать, что эта новая и чистая тюрьма, в конце концов, остается всё-таки тюрьмой.

С другой стороны, я, как посетитель, с удовольствием должна отметить (и уверена, что Михаил разделяет мое мнение) достойный похвал профессионализм персонала жандармерии. Они внимательны и уважительны к заключённому. По отношению ко мне, как к посетителю, никогда не нарушают уставленный порядок – проводится проверка документов и досмотр личных вещей и пакетов. Но все это проделывается с уважением и так корректно, что процедура никогда не вызывает раздражения.

Теперь вернёмся к жизни нашего пленного офицера. Постоянным источником моральной поддержки, которую Михаил Краснов очень ценит, является внимание, оказанное ему казаками. Мы уже говорили о солидарности этого народа, рассеянного по всем странам мира. Естественно, что это крепкое чувство не могло не проявиться по отношению к одному из своих – потомку легендарного атамана Краснова, запертому в тюрьму, в результате ненависти левого марксизма, в котором казачество всегда видело своего худшего врага.

Мы уже обращались к этой теме в предыдущих главах, упоминая замечательные письма, присланные казаками в адрес Михаила Семёновича. Здесь мы укажем на ещё одно важное событие. В 2005 году, в память 60-летия трагедии Лиенца, руководители Всевеликого Войска Донского за Рубежом вручили бригадиру Краснову медаль «За Верность» со следующей надписью: «Помни Лиенц, 1945-2005».

Процитируем отрывок из заявления, сопровождавшего вручение награды, который позволит нам получить представление о её ценности для такого человека, как наш офицер.

Текст гласил следующее:

«За своё прямое происхождение от жертв Лиенца и за свою борьбу против марксистского угнетения и левого терроризма в 70-х годах и позднее, признанную как в Чили, так и во всем мире, казак бригадир Михаил Краснов-Марченко награждается медалью в признание сохранения верности христианским основам и ценностям, характеризующим каждого казака, в особенности, когда речь идет о защите свободы, чести и справедливости».

Невозможно не увидеть в этих словах глубокого понимания качеств такого солдата, как Михаил Краснов, и в особенности понимания моральных ценностей, которым он следует.

Кроме того, нужно сказать, что в России общественность тоже озаботились судьбой заключенного соотечественника.

Несколько лет назад, распространяющаяся не только в России, но и по Европе газета «Известия», направила Михаилу вопросник с 15 пунктами, и в последующем его ответы были опубликованына главных страницах этого издания в виде интервью.

Позднее, уже в конце 2005 года, российское государственное телевидение направило в Чили трех корреспондентов с той же целью: взять интервью у Красновых, имея в виду как Михаила-отца, так и Михаила-сына, капитана Вооружённых Сил, находящегося в Школе бронетанковых войск в городе Кийота и его сестер, по отцовской линии принадлежащим к казачеству.

После предварительных процедур по оформлению официального разрешения со стороны юридических властей, жандармерии и Вооружённых Сил, российские корреспонденты выполнили поручение и позже прислали Михаилу видеофильм, транслировавшийся из Москвы по всей России. Кроме двух интервью, в фильм вошло посещение дома Михаила Семёновича, где им предоставили возможность заснять сохраненные семьей Красновых реликвии, медали и другие военные награды.

Телевизионный репортаж заканчивается следующим комментарием корреспондента:

«Эта история может послужить сюжетом для написания книги или создания фильма. ...Пережитую этим человеком несправедливость, будет очень трудно простить».

Заканчивая эту тему, скажем, что в 2007 году знакомые казаки прислали Михаилу Краснову серию фотографий памятника, воздвигнутого совсем недавно на Дону в станице Еланской в честь атамана Петра Николаевича Краснова. Легендарный казачий лидер стоит с высоко поднятым атаманским перначом под защитой гигантского православного креста. Окруженный деревьями монумент, имеет в своём основании скульптурное изображение флагов и других казачьих символов, а также и барельефы героев казачества, павших в борьбе с большевиками.

ПОЧЕМУ БИТВА ЗА МИР БЫЛА ПРОИГРАНА?

Мне кажется полезным рассказать здесь о некоторых беседах, которые я провела с Михаилом Красновым в тюрьме. Офицер Генерального Штаба, располагающий соответствующим культурным уровнем, он не удовольствовался изложением своей ситуации исключительно с точки зрения своего личного опыта. Его взгляд распространяется на вчерашний, сегодняшний и завтрашний день Чили. И моя заинтересованность в обнародовании на этих страницах его мнения и выводов вызвана тем, что они мне кажутся глубоко верными.

Существует много людей, принявших участие в гражданской борьбе против марксистского правительства и единогласно призвавших Вооруженные Силы к взятию в свои руки судьбы Чили, которая подвергалась серьезной угрозе. Тех, кто с верой и патриотизмом поддержал действия военного правительства, позаботившегося в первую очередь о предотвращении казавшейся неотвратимой гражданской войны. А затем о восстановлении демократии и такого уровня экономического развития, которое должно было гарантировать благодарность абсолютного большинства чилийцев.

Но получилось не так. Те успехи, которые вчера вызывали в нас чувства благодарности и оптимизма, были стерты из памяти многих людей, в том числе и свидетелей тех лет. Авторов этих достижений сейчас атакуют с яростной ненавистью, которую неспособен скрыть никакой правовой фарс.

Естественно, следует задаться вопросом – почему это произошло?

На этот вопрос нет полного ответа, но анализ чилийской ситуации в мировом контексте, сделанный бригадиром Красновым, помогает найти объяснение трудной действительности, в которой сегодня живет большинство чилийцев.

По его мнению, в первую очередь нужно иметь в виду, что головокружительное развитие телекоммуникаций виртуально сократило размер земного шара. Но одновременно увеличилась взаимозависимость народов. Уже в начале XX века философ Ортега-и-Гассет в своей книге «Восстание масс» («La rebellion de las masas») предсказал политические последствия этой новой действительности: произвольное и плохо информированное вмешательство могущественных государств в судьбу стран малых.

Одним из характерных примеров было случившееся в Чили в 1970 году. Кандидат от марксистов стал президентом Республики. Избирательная система, которая привела к этому результату, была вполне демократической, но она не отражала воли большинства чилийцев. Ведь Альенде никогда не получал абсолютного большинства голосов избирателей. Он набрал 36,3 % голосов против 34,9 у его ближайшего противника. Последовавшее его утверждение на посту главы государства было результатом парламентской комбинации в Национальном Конгрессе.

Огромная пропагандистская марксистская мощь немедленно организовала мировую кампанию под девизом - триумф Сальвадора Альенде означает новый стиль. Новое лицо революционного процесса, который до той поры всегда был кровавым. «Чилийский путь к социализму» по их словам означал достижение выгод социалистической системы, при сохранении уважения к демократии и свободе. На деле марксизм скрывал свою агрессивную и репрессивную физиономию, вроде бы предлагая мирную и обновленную альтернативу. Все страны Запада устремили свой взор на Чили, с интересом ожидая проверки новшества на деле. Вернее будет сказать, что трусость Запада заставляла его верить в любые абсурдные обещания. За этим интересом к «чилийскому марксистскому эксперименту» стоял известный лозунг «лучше красные, чем мертвые», уже прошедший долгий путь в слабом самосознании европейской молодежи.

Совершенно естественно, что правление Альенде в конце концов оказалось катастрофическим, о чём мы уже говорили ранее. Можно лишь добавить здесь, что нарушение всех прав чилийцев закончилось галопирующей инфляцией и стоящим в ночных очередях народом, жаждущим добыть немного хлеба, курицу или килограмм картошки. Вся земля была национализирована, и только тогда мы поняли, что если у крестьянина экспроприируют землю – то автоматически у горожан экспроприируют пищу.

Реакция чилийского народа была медленной, но в конечном итоге вылилась в применение силы.

По той причине, что народ долго находился в ожидании, предоставляя все решения своим правителям – когда экономическая катастрофа стала очевидной, злости и негодованию не было предела. Ответственные за содержание очага женщины превратили кастрюли и сковородки в политическое орудие. И я осмелюсь утверждать, что именно они, в гораздо большей степени, чем мужчины, были теми, кто буквально заставил Вооруженные Силы сокрушить марксистское правительство.

Но это была только наша реальность, а остальной мир ничего о ней не знал, и знать не хотел. С телевизионных экранов всех континентов непрерывно шла идеализация Альенде и чилийского эксперимента, создавая соответствующее мнение у людей неспособных думать и получающих «собственное мнение» изпередач ТВ.

Потому вовсе не странно, что с наступлением 11 сентября 1973 года и взятием власти Вооруженными Силами, пошла волна возмущенных криков протеста со всего мира. Против кого? Против наших военных? Но ведь чилийский народ публично взывал к ним! И прежде чем военные приняли решение о действиях, они вынуждены были претерпеть даже оскорбления раздраженных сограждан! На самом деле волна всеобщего мирового осуждения была направлена против чилийского народа.

В среде чилийцев, которые помнят, как в ночь на 11 сентября 1973 года в кварталах Сантьяго повсюду взвились национальный флаги, думаю, со мной согласятся.

В последующие годы, на протяжении долгого времени, чилийский стяг, поднятый 11 сентября, гордо реял даже над самыми маленькими и далекими поселениями Чили.

К сожалению, победа не заключается только лишь в водружении или поднятии флага.

Нужно было бороться со скрытым врагом – подготовленным и великолепно вооружённым иностранным оружием. Этим врагом был терроризм.

Начиная с того же 11 сентября, главной задачей военного правительства стала нейтрализация этой смертоносной силы, означающей насилие, анархию и страх, вонзившиеся в душу нашего общества.

Не разрешив этой задачи, нельзя было даже и думать о какой-либо государственной программе и, тем более – о реконструкции страны.

Никто не отрицает, что репрессии были жесткими, но они должны были длиться недолго и, действительно, – на начальном этапе это дало нужный результат.

Для того чтобы понять последующие события, нужно снова посмотреть на окружавшую нас международную обстановку того времени. Потерпевший поражение коммунизм не мог допустить, чтобы истина стала очевидной для внешнего мира - что чилийский народ, не пошевелил и пальцем в защиту так называемой «народной власти». (А именно для этой цели было предназначено огромное количество незаконно ввезённого оружия). Нужно было срочно придумать какое-либо «сопротивление», направленное против военных. А для этого было недостаточно лживых заявлений. Как и всегда, коммунизму необходимо было иметь жертв-мучеников. Можно сказать, что жертвы для него являются основным пропагандистским сырьем.

Никакая доктрина, никакие обещания не дают коммунизму столько дивидендов, как грамотно политически эксплуатируемые образы жертв, без ограничений во времени и пространстве.Такова реальная политика коммунистов.

Именно поэтому, вместо того чтобы признать полное поражение от лица Вооружённых Сил и ждать в изгнании момента для реванша, левый марксизм позаботился о непрерывной высадке в Чили боевиков и террористов. Таким образом, было обеспечено и продлено так необходимое им кровопролитие.

Для тех, кто сомневается в существовании такой хладнокровной стратегии – существуют признания марксистских лидеров, весьма откровенные и весьма жестокие.

Коммунист Орландо Миллас пишет в своих мемуарах (Orlando Millas, Memorias, 1957-1991. Una digresión. Santiago, 1996), как в 1974 году руководители Коммунистической партии встретились на совещании в Москве. Кроме него, на совещании присутствовали Володя Тейтельбойм, Гладис Марин и Мануэль Кантеро. Миллас узнал там о достигнутом в Гаване договоре, предусматривающем допуск молодых чилийских коммунистов к обучению в военных училищах Кубы. Военная подготовка имела целью последующую заброску этих юношей в Чили в качестве боевиков. Миллас говорит следующее, дословно – «Чувствую горький осадок от того, что мы отправили их в Чили как в топку, где они сгорели в бою, в котором невозможно было победить».

Социалисты тоже не остались позади. Клодомиро Альмейда заявлял в 1981 году: «Конечной целью является вооруженное восстание. Но этот путь будет трудным. Мы предусмотрели систематическое возвращение наших товарищей в Чили» В 1983 году, десять лет спустя после выступления военных, содержание и акценты деятельности левых остаются неизменными. Собравшиеся в Манагуа под покровительством никарагуанских сандинистов чилийские руководители нескольких партий левого марксистского толка договорились «поднять свои боевые операции на более высокий уровень, не исключая любой формы борьбы и добиться организации собственных вооружённых сил, которые позволят сломать монополию на оружие, принадлежащую правительству» (секретные документы Э. Хоннекера о Чили, опубликованные журналом «Que Pasa»).

Теперь ясно, что наши Вооружённые Силы вынуждены были участвовать в боевых действиях практически все время своего правления. Сопротивление было бессмысленным, так как террористы и боевики не имели никаких возможностей для победы над профессиональной регулярной армией, тем более с такой высокой выучкой, как армия чилийская. Но лидеров марксистов это не интересовало и не волновало. Мы уже сказали - их настоящей целью было получение все новых и новых жертв. От того и имеется «горький осадок» у «товарища» Орландо Милласа.

А между тем, перед взорами всего мира наша Родина предстала ещё в одном нетипичном качестве: как страна, свергнувшая правящий коммунизм. Достичь этого было делом нелегким. Новые поколения, не представляющие что такое Советский Союз того времени, не могут себе представить его могущество – эта внутренне прогнившая страна, всё ещё сохраняла огромную военную силу, позволяющую ему контролировать покорённые страны по всему миру и сохранять там марксистские режимы. Единственным, кто смог прийти к аналогичному чилийским Вооружённым Силам успеху, был генерал Франко и его солдаты. Но это произошло в 1936 году, до того как СССР приобрел столь огромное влияние, и это стоило Испании трехлетней гражданской войны и 500 000 павших. Страшный пример, которого чилийцы опасались до наступления 11 сентября 1973 года.

В дополнение можно сказать, что тот мир, о котором мы говорим, был миром пассивным и покорным. Так называемая «холодная война» заключалась в сдаче каждый раз новых народов для утоления прожорливости коммунизма. Например, как это произошло в Африке, а дальше должно было произойти в странах Латинской Америки. Уже покорённая коммунизмом Куба стала центром, распространяющим партизанскую войну по всему континенту с помощью Организации латиноамериканской солидарности (OLAS - Organizacion Latinoamericana de Solidaridad) под председательством доктора Сальвадора Альенде. Уже орудовали MIR в Чили, «Tupamaros» в Уругвае, «Montoneros» в Аргентине и т.д.

Будет нелишним сказать, что для уже давно смирившегося с потерями Западного мира, триумф чилийских военных встал поперек горла. Европа была согласна одобовать коммунистическую систему в любой части света, лишь бы это была не её территория.

А Соединённые Штаты хотели жить в мире без новых проблем и пребывать в спокойствии своего «американского образа жизни». Всем казалось, что дразнить советского медведя будет очень опасной затеей. Этими словами можно охарактеризовать ситуацию Чили на международной арене на следующий день после 11 сентября 1973 года – глобальное отторжение, изоляция и одиночество.

Стоит признать, что перед лицом советского напора, североамериканцы пересмотрели своё поведение и действия. Не было разрыва отношений, но имели место политические манёвры: угроза портового бойкота на чилийские продукты со стороны профсоюзов, «поправка Кеннеди», дело об «отравленном винограде» и после, уже много лет спустя, «дело Риггс», организованное сенаторами от Демократической Партии, которым, видимо, показалось, что напраслины на бывшего президента Пиночета возведено недостаточно.

Нужно указать на ещё один очень важный факт. Окрепшее и утвердившееся военное правительство со временем перевоплотилось в правительство гражданское (сохраняя для военных лишь определенную роль во власти). Страна жила в мире и спокойствии, исключая марксистское меньшинство, не желавшее этого, а предпочитавшее продолжение насилия.

Группа молодых профессионалов, в т.ч. из-за границы, была призвана к управлению всё более преуспевающей национальной экономикой. Чили процветала и стала экспортирующей страной. Достигнутые успехи охватывали не только экономику, но и области социальной, общественной политики. Чилийская реформа здравоохранения, нашла отклик во многих странах как модель для подражания.

Международное признание?

Нет. Великие державы не могли признать успех этой новой Чили. Каждая страна имела на то свои причины. Советский Союз не мог простить нам поражение коммунизма – своей государственной религии. Соединённые Штаты тоже не могли одобрительно смотреть на государство, которое преуспевает и достигает прогресса вне зависимости от т.н.

демократических, а на деле жестких и бескомпромиссных догм, которые североамериканцы пытаются навязать всему миру (в том числе мусульманским народам!).

Никакого латиноамериканского военного правительства, основанного на патриотизме и достоинстве, хоть и открытого и прогрессивного – Соединенные Штаты не могли допустить! На их взгляд это являлось бы плохим примером для слабых испано-американских демократий, всегда становившихся жертвами соблазна военных предводителей.

И, как будто больше не хватало проблем, недовольный взгляд великих держав возбудил аппетит наших соседей. Столетний юбилей подписания Арбитражного Соглашения Бигля (Laudo Arbitral del Beagle) 1879 года, дал повод перуанцам и аргентинцам для нагнетания напряженности, угрожающе подталкивающей нас к войне, особенно по проблеме границы на юге. Гениальный Лукас, такой же патриот, как и великолепный юморист, резюмировал тогдашнее положение нашей страны на страницах «El Mercurio» такими словами: «Если мы подарим северные территории Чили перуанцам, весь чилийский юг Аргентине, а оставшиеся чилийцы станут коммунистами – мы будем самой симпатичной страной в мире». Точнаяхарактеристика пережитого тогда нами момента!

Михаил Краснов верно отметил, что чилийские военнослужащие не были ни «гориллами», ни «путчистами». С благоразумием и дальновидностью, достойными большего признания, наше правительство избежало этих угроз, прибегнув к посредничеству и арбитражу самого высокого морального уровня в мире, ивывело Чили на путь мира и прогресса.

Для объективности стоит сказать, что, к несчастью, огромный положительный баланс был омрачен постоянными террористическими акциями. Без сомнения, в этом вина левацких лидеров, посылавших в Чили на верную смерть молодых людей, не имевших никакой возможности для достижения успеха, и чьим единственным предназначением было погибнуть в Чили. До сих пор, более 30 лет спустя, левые продолжают пожинать с этого плоды и получать выгоду от эксплуатации памяти этих жертв.

Всем нам известно, что насилие порождает ненависть,

а погибшие неизбежно влекут за собой другие жертвы. В такой обстановке становится трудно избежать эксцессов, злоупотреблений и ошибок. Как здесь, так и в любой части света эти факты всегда имели место и повторялись на протяжении истории.

Анализируя это, бригадир Краснов категоричен в своих утверждениях. Он сказал мне буквально следующее: «Надеюсь на существование правосудия – но реального, настоящего, справедливого и праведного. А не на разбирательства, основанные на юридической фикции, порожденной от аморального и извращенного релятивизма, разоблаченного с такой твердостью папой Бенедиктом XVI-м». В связи со своей личной ситуацией, он уточняет: «В моем случае, чтобы прекратить беззаконие, мне не надо ни прощения, ни специальных законов, ни «конечных точек». Единственное, что мне необходимо, это выполнение действующего законодательства и уважение Верховенства Закона и Правосудия».

Нужно быть совсем слепым или злонамеренно односторонним, чтобы не признать, что в нашем обществе отсутствует реальная юстиция. Достаточно сказать, что в то время как сотни военнослужащих были осуждены, террористы спокойно наслаждаются своей свободой. Неужели этим хотят сказать, что чилийские солдаты занимались исключительно бессмысленными убийствами своих мирных сограждан?

Военное правление в Чили продлилось 16 лет, как результат всенародных консультаций и утверждённой гражданским плебисцитом новой Конституции. Когда установленные сроки подошли к концу,руководство страны признало результаты выборов и подчинилось воле избирателей, передав власть демократии.

Ещё одно нетипичное поведение - ни один диктатор не возвращает захваченную им власть. Может быть, генерал Пиночет наивно ждал, что кто-либо на земном шаре будет признателен за этот необычный жест? Вряд ли. Но весь мир с нашими «изгнанниками» во главе, готовился к окончательному реваншу.

Чилийский народ в течение 16 лет стоял в одиночестве против всего мира и гордился своим суверенным выбором.

А потом, устав грести против течения, захотел вернуться к демократии. Вот так была проиграна битва за мир.

С тех пор наша страна, не останавливаясь, пятится назад, растворяясь в сегодняшнем мире. А наши правители, как и полагается любым хорошим лидерам левого толка, не прекращают заботиться о поддержании священного огня ненависти, который они сами воспламенили.

Мы не можем сейчас по настоящему оценить историю этих лет. Можно лишь отметить некоторые тенденции, о которых говорилось в наших беседах с Михаилом в тюрьме.

Одна из них заключается в обновлении коммунистической власти, начавшемся одновременно с триумфом линии Грамши над ленинизмом. Интеллигентный и хитрый как Макиавелли, итальянский марксист нацелил свой огонь не на экономику, не на государство, а на мораль и общество. В то время как построения Ленина разрушались, теория Грамши заметно укреплялась этим релятивизмом, на что ранее указал Михаил Семёнович. Атеистический Запад, ослабленный изнеженностью и коррупцией, открыл дорогу для идей, способных разрушить мораль и семейные устои: порнография, свободная любовь, безответственность в сексе, развод, аборты, гомосексуализм, наркотики, эвтаназия… и неизвестно что там ещё остается ждать впереди.

По продвижению в этом направлении, Чили считалась страной «отсталой» и «консервативной». Очередные правительства Коалиции (Concertacion), в большинстве своём скомплектованные из бывших “изгнанников» с обширным интернациональным опытом в этом смысле, позаботились об «обновлении» и восполнении «пробелов». Кстати сказать, нам ещё далеко до уровня аморальности «развитых стран», но мы уже катимся по наклонной со скоростью, на которую Грамши не мог бы пожаловаться. (По этой теме читателю стоит обратиться к великолепной книге полковника в отставке Хосе Антонио Кинтероса José A. Quinteros, El espíritu a la cárcel. Santiago, 2004).

Разрушительными деяниями над собственной Родиной чилийские «изгнанники» оплачивают внешнему миру предоставленный им в своё время теплый прием и помощь, как беглецам от жестокой диктатуры. Эта помощь включала в себя обширные финансовые ресурсы, академии, обучение, вплоть до присвоtния научных и почётных званий. И это финансирование, судя по всему, не прекращается. Например, откуда коммунисты берут фонды для содержания под своим патронажем известных организаций: «родственников задержанных и исчезнувших», «изгнанников», «реабилитированных» и т.д.? Кто-нибудь может поверить, что тьма лжесвидетелей предоставляет показания в процессах против военнослужащих безвозмездно? Все они хорошо оплачиваются деньгами, весьма таинственного происхождения.

Обратимся к другой теме, которую мы уже затронули в предыдущих главах – к теме мести, направленной против военнослужащих. Согласно мнению Михаила Семёновича, сейчас эта месть демонстрирует нам и другую истину. Если в своё время по пути к процветанию Чили шла одна, то сейчас процессы, идущие в стране, нашли подражателей за рубежом. Мы не единственные, кто вступил на путь переписывания истории и где изгоняется из сердец чувство благодарности к военным. А вместо этого обрушивается на них жестокая месть, лицемерно облаченная в тогу правосудия и «прав человека» (в действительности, они должны были бы называться как «права леваков», так как не защищают никого кроме них).

Происходящее у нас, точно так же имеет место и в Аргентине, где военнослужащие (тоже оказавшиеся сейчас в заключении), должны были противостоять отрядам «Montoneros», контролирующим целые провинции. Уругвайский президент Бордаберри, тоже находящийся сейчас в заключении, возглавил освобождение своей Родины от безжалостного и жестокого террора организации «Tupamaros». В своё время вся южная часть Латиноамериканского континента была спасена от произвола марксистских боевиков силами военнослужащих этих стран, которые сегодня расплачиваются за свою решительность и патриотизм заключением в тюрьмах.

Это не простое совпадение. Здесь есть более глубокий смысл. Это урок, который марксизм преподал Вооруженным Силам всего мира, для того чтобы никому больше в голову не пришло сокрушить какое-либо левое правительство.

С этими выводами, сделанными Михаилом Семёновичем на основе широкого анализа ситуации в мире, можно только согласиться.

Но здесь ещё можно поднять вопрос о внутренней, собственно национальной ответственности.

Не имеет смысла говорить о том, как её понимают наши враги – они делали и делают своё дело, как и ожидалось, в соответствии со своей идеологией.

Более трудно объяснить позицию и поведение наших сторонников - политических деятелей, которые выступали в поддержку военного правительства, а сейчас не подняли своего голоса для разоблачения мести и беззакония, постигших многих невиновных. Эти деятели предпочли ограничиться молчанием, полностью отстранившись.

Я хотела бы спросить таких людей - не говорит ли им совесть, что они остались кое перед кем в долгу? А если бы мы снова вернулись в тот день 11 сентября – как бы они поступили?Встали бы на сторону марксистов и пошли с ними порабощать свою Родину? Не помогло бы – все равно они стали бы первыми жертвами. Остались бы нейтральными? Это было невозможно. Поддержали военных, но с условием, чтобы те ни в кого не стреляли? Тогда нас победили бы террористы.

И чего они хотят на сегодняшний день? Установления истины или мести? Тогда почему не займут принципиальную позицию и не признают и свою ответственность?

Боюсь, что за уклонением от ответов на все эти вопросы скрывается потеря жизненно важного чувства – патриотизма.

Это правда, что в современном мире чувство патриотизма глубоко ослаблено, но мы не должны обманываться на этот счёт.

Тысячи идеологий канули в бурном потоке истории, но привязанность людей к родной земле всегда возрождалась. Не думаю, что какая-либо глобализация вырвет это чувство из человеческого сердца. Демократия, которая многим представляется как окончательное завоевание свободы, является мимолетной модой и занимает чуть больше 200 лет на страницах многовековой истории существования человечества.

Нам нужно не корректировать своё поведение, ориентируясь на моду, а держаться основополагающих моральных основ. Мода изменится, так же как сменятся партии и наши правители. Вместе с ними уйдут в забытье «политически корректные» лозунги, которым пытаются наивно следовать многие.

Единственными по настоящему корректными в нашей жизни всегда остаются - выполнение долга, служение во благо других и святое сохранение основных и постоянных человеческих ценностей: Вера, Семья и Родина.

Заканчивая этот длительный анализ, зададимся вопросом: что думает о своей ситуации наш герой, осужденный за преступления, которые никогда не совершал?

Михаил Краснов констатирует, что судьи вдоволь поиздевались над ним. Вполне возможно, что делали они это, выполняя далекие от своих прямых обязанностей инструкции. Очень часто выходило, что дополнительно вынесенные ему приговоры не подразумевают никакой разницы между ответственностью лейтенанта (его звание в те времена) и, например, генералом тех лет.

Откуда берет начало эта вражда, ненависть и мстительность?

На мой взгляд, здесь налицо два фактора. Один из них связан со смертью Мигеля Энрикеса. Неважно, что тот погиб в боевом столкновении с оружием в руках. Неважно и то, что пуля, лишившая его жизни, не вылетела из оружия, имевшегося у лейтенанта Краснова. В любом случае – он был командиром и потому должен держать за это ответ.

Главное заключается в том, что со смертью Энрикеса пришел конец организации MIR и за это кто-то должен был заплатить. В уничтожении MIR большой вклад внес лейтенант Краснов – своей чрезвычайно эффективной аналитической разведывательной работой, способностью различить истину, расшифровать замыслы, предвидеть намерения. Наш офицер был образованным, интеллигентным и более способным, чем ослепленные ненавистью террористы. Один раз я спросила Михаила, а было ли у него чувство ненависти по отношению к кому-либо.

- Никогда! – ответил он, не задумываясь, с полной искренностью, - и слава Богу!

Другая причина, которая могла тяжело повлиять на его судьбу, связана с его фамилией. Фамилия Краснов означает символ борьбы против коммунизма. Михаил никогда не претендовал на то, чтобы его имя превратилось в эмблему. Но, скорее всего, противники именно так его и воспринимали.

Может быть, кто-то подумает, что столько лет спустя и на других широтах фамилия Краснова, ставшая символом, ничего не значит, но я так не считаю. Мстительные коммунисты всегда имели хорошую память. К тому же, мы уже слышали как бывший террорист MIR в суде, сказал, обращаясь к Михаилу: «По нашим каналам я узнал об истории Вашей семьи». Это подтверждает, что история Красновых для марксистов была и есть тема известная.

Так или иначе, любая из обеих указанных нами причин одинаково несправедлива. Нельзя осудить офицера только лишь потому, что он сокрушил врага, выполняя свою предусмотренную законом ответственную задачу. Нельзя подвергать его издевательствам по той причине, что его семья в определённый момент тоже героически встала на защиту своей Родины и её принципов.

На сегодняшний день бригадир Краснов является военнопленным - одной из многочисленных жертв битвы за мир, в которой Чили потерпела поражение.

ВЕРНОСТЬ

Мы подошли к концу нашего повествования, но жизнь его героя продолжается и остается открытой для будущего. Михаил предпочитает особенно не высказываться по этой теме, но иногда говорит, что будет находиться в тюрьме не то время, которое определят судьи, а столько, сколько захочет Бог.В этом есть бесспорная истина. В завтрашнем дне не может быть уверен никто, даже судьи, запершие в тюрьму невиновного человека. Потому, по мере возможности, Михаил Семёнович старается прожить максимально полно каждый предоставленный ему в настоящем момент.

Заканчивая эти страницы, я выбрала одно событие, которое хотя и принадлежит к прошлому, но все же спроецировалось на будущее, так как, не исключено, могло стать поворотным в жизни нашего офицера.

В 2000 году в Чили прибыл господин Владимир Чхиквадзе, в качестве нового посла Российской Федерации. Приступив к своим служебным обязанностям, вскоре он пригласил Михаила Краснова и его жену на обед. Кроме него были приглашены представители дипломатического корпуса, их жёны и другие лица.

Я попросила Михаила припомнить все детали произошедшего тогда разговора, для того чтобы пересказать его здесь с наибольшей точностью.

Прежде чем сесть за стол, посол произнес эмоциональную речь, сначала по-русски, а потом на чистейшем испанском языке, в которой, в частности сказал, обращаясь к Михаилу Семёновичу:

- Господин генерал – начал он [Прим. ред. - посол, видимо, хотел польстить Михаилу Семёновичу, ибо ни в Чили, ни в России бригадир к генералитету не относился], - после того, как я получил новое назначение в Чили, мне пришлось принимать в Москве казаков из разных регионов. Все они просили меня передать Вам и Вашей уважаемой семье поклон и наилучшие пожелания. Кроме того, я должен сообщить Вам об особом интересе моей страны по оказанию Вам помощи и поддержки, которая будет необходима для разрешениялюбой проблемы, влияющей на Ваше нынешнее положение.

Как известно – продолжил посол, обращаясь к остальным присутствующим, - казаки народ серьезный и по этой причине, господин генерал, можете полностью располагать мною, так как мне будет трудно вернуться в Россию в случае, если я не выполню данного Вашим соотечественникам обещания.

Михаил Семёнович поблагодарил посла за его благожелательные слова, а после обеда дипломат гостеприимно пригласил его в другой зал для частного разговора.

- Генерал Краснов – начал посол, - мне известно о деликатной ситуации, которую Вы переживаете в этой стране в настоящий момент. Соображения, которые я высказывал только что, не являются только лишь проявлением хорошего тона. Я готов к их исполнению. Для этого, как первый шаг в этом направлении, в течение следующей недели нам необходимо будет встретиться с Вами у меня в кабинете, для оформления Вашего российского гражданства, так как согласно законам нашей страны Вы можете стать российским гражданином как зарубежный соотечественник. Это явится важным шагом, и я позабочусь, чтобы эта процедура не заняла много времени.

- Господин посол – ответил Михаил взволнованно, - хочу выразить Вам мою глубокую признательность за Ваше расположение. Для меня будет большой гордостью официально иметь гражданство моих родителей и предков, вместе с чилийским гражданством.

Реакцией посла было удивление, имевшее легкий оттенок неприязни.

- Генерал, Вы претендуете на двойное гражданство? Наше законодательство не предусматривает такую возможность. Россиянин должен быть россиянином и точка!

Михаил Семёнович попытался разъяснить смысл своих слов.

- Господин посол, я истолковал Ваше любезное предложение, исходя из тех законных прав, которыми пользуются здесь многие чилийцы, потомки испанцев, немцев или итальянцев. Согласно чилийским законам, они имеют возможность получить гражданство обоих стран.

- В России эта ситуация невозможна – настаивал дипломат, - одно из двух: или Вы российский гражданин, или нет.

- В таком случае – прямо сказал Михаил, - к сожалению, мы не можем продолжать разговор на эту тему. Как человек, как солдат чилийской Армии и, в особенности, как казак, я всегда старался сохранять последовательность в принятии решений и в поступках в течение моей жизни. Я не могу забыть, что эта страна заботливо приняла меня, вместе с моей матерью и бабушкой в чрезвычайно критический для нас момент. Как Вам хорошо известно, именно это позволило моей семье выжить и избежать целенаправленного преследования. Можно сказать, что своим существованием я обязан Чили. Здесь прошли наиболее важные моменты моей жизни: мое детство, моя военная карьера, формирование моей семьи, мои дети и друзья – в принципе, все мое существование связано с этим местом.

Моя честь и принципы не позволяют отказаться от гражданства этой страны, которой я обязан всем. Я не могу выбросить за борт всё, связывающее меня с этой землёй, даже перед лицом существующих проблем. Кроме того, я испытываю гордость от того факта, что Бог позволил мне бороться за свободу и достоинство этого народа, в соответствии с клятвой, данной перед флагом этой страны кадетом и офицером.

Не могу не признать, что Ваше предложение затронуло меня до глубиныдуши. Всегда испытывал гордость от сознания того, что в моих венах течет казачья кровь и что, в особенности, я имею честь нести эту фамилию – вот чувства, которые разделяет со мной вся моя семья. Более того – самой дорогой мечтой для меня является возможность когда-нибудь поехать в Россию, дай Бог – вместе со всеми моими родными. Любовь, которую я чувствую к земле Красновых, её традициям и обычаям, охватывающие меня эмоции, когда слышу Императорский Гимн и вижу развевающийся трехцветный российский флаг – это те же чувства и эмоции, которые я испытываю, когда отдаю честь чилийским национальным символам.

Возможно ли какое-либо исключение в моей ситуации, которое позволит мне иметь полноправное гражданство обеих стран? Если так, то принимаю Ваше предложение немедленно.

- Это будет трудно, – откровенно ответил посол – И, что самое главное, Ваш ответ практически не позволяет выполнить моё обещание казакам, в смысле оказания Вам помощи в поиске разрешения определённых трудностей, которые Вы переживаете в Чили в настоящий момент.

На этом беседа закончилась. В последующем, хотя посол Чхиквадзе и Михаил Семёнович неоднократно встречались на различных общественных мероприятиях, они никогда больше не затрагивали эту тему.

С тех пор прошли годы и проблемы, которые в то время ещё только нависали тенью над жизнью бригадира Краснова, теперь затмили её до крайности, обернувшись тюремным заключением.

Упустил ли он в ходе этой беседы единственную возможность избежать поджидающего его несправедливого разворота в судьбе? Хотя на этот вопрос нет точного ответа, возникающие сомнения не могли не охватить любого человека, даже абсолютно уверенного и хладнокровного.

Между тем, я никогда не слышала от него ни слова сожаления по поводу принятого тогда решения. Скорее всего, для него другое решение было бы просто невозможно. Если мы внимательно прочтём пересказ его беседы с послом, то увидим, что его ответ не был отказом от возможности восстановиться в гражданстве его родителей. С чем он не согласился, так это с отказом от чилийского гражданства. И эта верность базируется как раз на казачьих принципах, унаследованных им от старших. Нельзя вырвать из души ценности, передающиеся в крови из поколения в поколение.

Если предположить, что ему снова представилась бы эта возможность, то, имея в виду горькую неблагодарность, которой мы заплатили ему за его службу – не будет ли он в свою очередь вправе отказаться от статуса, позволяющего ему называться чилийцем?

Лично я считаю, что да. Но, как я уже указывала – Михаил Семёнович никогда не демонстрировал сожалений о принятом решении.

Наверное, нам все-таки не следует отвечать на этот вопрос. А то, что нам действительно следует сделать – это оценить бездну, существующую между этим его поведением и непостоянством стольких чилийцев, безразлично смотрящих на его разрушенную несправедливым приговором жизнь.

Михаил Краснов не был только лишь одним из многих военнослужащих его поколения, сражавшихся за нашу свободу, хотя принадлежность к этой когорте сама по себе очень почётна. Он не был и офицером, который в те годы занимался кабинетной работой.

Этот человек встречался лицом к лицу со смертью, противостоял ей на улицах, чтобы освободить нас, освободить всю страну от постоянной угрозы терроризма.

Он имел возможность оценить тот смертельный риск, которому подвергался, и счесть его оплатой долга, который связывал его с Чили. Но он никогда не жил холодным расчётом, считая это недостойным своей фамилии. Поэтому до сих пор он уверен, что его единство с приемной Родиной и её Армией остается неразрывным.

Во время редактирования этой книги, мы должны были обмениваться письмами (чтобы располагать большим временем во время моих визитов в зону заключения). Зимой 2007 года, после двух с половиной лет жизни в тюрьме, Михаил Семёнович написал мне следующее: «Сохраняю глубокое чувство привязанности к Вооружённым Силам и их командным структурам. Разделяю армейские ценности, исторические традиции Армии, и её значение в жизни страны. Никогда не признаю справедливой критику, которая пытается опорочить сам институт Армии из-за единичных фактов, которые, к несчастью, случаются в такого рода ситуациях. И с твердой уверенностью я повторяю, что горжусь тем, что имел привилегию носить её форму и посвятить всю мою энергию, мои убеждения и самые высокие идеалы моей военной карьере».

Нет сомнений, что Михаил Краснов большой идеалист. Так же верно и то, что современный мир не ценит это качество, которое в другие эпохи было символом высочайшего духовного величия. Как мы уже видели, это тот самый мир, нормы и установки которого внедряются в Чили так называемыми коалиционными правительствами, состоящими из представителей левых партий. Достаточно посмотреть вокруг, выйти за пределы квадратной рамки телевизора, чтобы почувствовать проблемы, которые подавляют и удушают те страны, которые представляют нам как примеры для подражания: разрушение семьи, насилие, коррупция, высокий уровень самоубийств, наркомания... Можно не продолжать...

Несомненно, есть много людей, способных думать самостоятельно, способных увидеть эти симптомы и понять, что человечество идет по недоброму пути.

В истории подобное происходит далеко не первый раз. И когда такое случалось, изменить курс были способны не массы, а сильные великие люди и верующее меньшинство. Так случилось во время падения Римской Империи и то же самое происходит сегодня, в период переживаемого нами падения Запада.

Поистине – лучше быть идеалистом в тюрьме, но в ладу с собственной совестью, чем человеком на свободе, но с рабской душой и уничтоженным внешним миром сознанием.

Поэтому я хотела показать на этих страницах образ цельного человека, способного хранить верность своим убеждениям – несмотря на несправедливость, неблагодарность и невзгоды. Тот, кто имеет такую силу всегда остается свободным, даже находясь в самом строгом тюремном заключении.

В моменты смуты, когда отовсюду надвигается тьма, то, что нам больше всего необходимо – это именно такие редуты совершенства, примеры собственного достоинства и веры в благородные жизненные ценности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

Бригадир ВС Чили Михаил С. Краснов

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА

Служба в Вооружённых Силах:

Обучение в Военном училище: с 15 февраля 1963 по 1 августа 1967 года. Окончание Военного училища в звании младшего лейтенанта сухопутных войск.

1967-1969: пехотный полк «Ранкагуа», город Арика.

1969-1970: пехотный полк «Карампангуе», город Икике.

1971-1973: инструктор Военного училища, город Сантьяго. Присвоение звания лейтенант.

Декабрь 1973-Июнь 1974: прикомандирован к Ставке Главного командования Армии. Начальник Отдела безопасности и личной охраны главы Правительственной Военной Хунты и главнокомандующего Вооружёнными Силами генерала Аугусто Пиночета.

Январь-Февраль 1974: обучение в «Школе Америк» («Escuela de las Americas») в Панаме методам антитеррористической борьбы.

Июнь 1974-1976: Прикомандирован к Ставке Главного командования Армии. Внешнее ведомство, Национальное разведывательное управление (DINA). Присвоение звания капитан.

1977: Национальный Информационный Центр. Получение разрешения на подготовку к вступительным экзаменам в Военную Академию Вооружённых Сил.

1978-1980: Обучение в Военной Академии Вооружённых Сил. Присвоение звания майор. Окончание Академии в числе 10 лучших выпускников.

1981: Военное Училище. Командир кадетского батальона и профессор-помощник Кафедры тактики и операций Военной академии Вооружённых Сил.

1982: Действительный профессор Кафедры тактики и операций и профессор-помощник Кафедры информации Военной Академии Вооружённых Сил.

1983-1984: Зарубежная командировка. Обучение в Школе Главного командования и Генерального штаба Вооружённых Сил Бразилии в Рио-де-Жанейро.

1984-1985: Начальник 3-го отдела («Операций») штаба V дивизии в городе Пунта-Аренас. Присвоение звания подполковник.

1986: Начальник Общего отдела при начальнике Генерального Штаба Армии в городе Сантьяго.

1987: Заместитель начальника Военного Училища.

1988-январь 1991: Командир пехотного полка «Тукапель» в городе Темуко и начальник гарнизона этого города. Присвоение звания полковник.

1991-1993: Начальник штаба и комендант штабквартиры IV дивизии в городе Вальдивиа.

1994-1996: Начальник Инструкторского отдела при Генеральном Штабе Вооружённых Сил. Присвоение звания бригадир.

1997-1998: Начальник Координационного отдела Управления по операциям.

Декабрь 1998: подал рапорт с неотклоняемой просьбой о досрочном выходе в отставку из рядов Вооружённых Сил Чили.

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ И КУРСЫ

1. –

а) Основная специализация, как офицер Генерального Штаба.

б) Профессор Военной Академии ВС, Кафедра тактики и операций и Кафедра информации.

в) Курс офицера Генерального штаба ВС Бразилии.

г)Второстепенная специализация – преподаватель по военной физической подготовке.

д) Второстепенная специализация – переводчик.

е) Второстепенная специализация – военный преподаватель.

2. –

а) Администратор и руководитель предприятия, Институт ИКАРЕ (ICARE).

б) Курсы педагогического усовершенствования – Военное училище и Военная академия ВС.

в) Курс по Организации и функционированию военной полиции в «Escuela de las Americas» ВС США, Панама.

НАГРАЖДЕНИЯ

1. Медаль за 10, 20, 30 лет службы в Вооружённых Силах.

2.Медаль «За Мужество». Декабрь 1974, получена в звании лейтенанта. Вручена в здании «Диего Порталес» в присутствии членов Правительственной Военной Хунты.

3. Медаль «11 Сентября».

4. Медаль «Миссия Выполнена».

5. Золотая медаль Военного училища.

6. Медаль «Миротворец» - награда, вручённая командованием Вооружённых Сил Бразилии.

7. Медаль «Минерва» – за окончание Военной академии в числе лучших выпускников и получение звания офицера Генерального Штаба.

8. Медаль «Гран Минерва», за получение учёного звания профессора Военной Академии ВС.

9. Серебряная наградная доска «Президент Республики», вручённая губернатором IX-го Региона (Араукании) Республики Чили, от имени президента Патрисио Элвина (Patricio Aylwin) в 1991 году за отличную службу.

2.

Список террористических актов, вооружённых нападений, ограблений и убийств, осуществлённых бандформированиями и террористическими организациями в Чили в период с 1967 по 1973 гг.

1. Ограбления банков и экспроприации частного имущества, осуществлённые террористической организацией MIR…………………………………………..……**68**

2. Захваты и незаконная оккупация частных сельскохозяйственных участков, организованные представителями Коммунистической Партии (КП), Социалистической Партии (СП), с непосредственным участием террористической организации MIR……………………..………………………………**1.598**

3.Захваты организованными левыми бандформированиями фабрик, заводов и служебных помещений……………………………………………………………**34.000**

4.Вооружённые нападения и оккупация помещений школ и университетов, осуществленные тер. организацией MIR., под руководством КП и СП…………**156**

5.Захваты помещений региональных правительственных управлений и мэрий, осуществлённые тер. организацией MIR., под руководством КП и СП…………**6**

6. Вооружённые атаки на представительства и членов Национальной и Христианско-Демократической партий…………………………………………………………**41**

7. Вооружённые атаки и кража медикаментов в государственных медицинских учреждениях……………………………………………………………………………**3**

8. Покушения и вооружённые атаки на юридические учреждения и судебные помещения, осуществлённые тер. организацией MIR, под руководством КП и СП……………………**6**

9. Вооружённые столкновения и нападения на учреждения и представителей правоохранительных органов……………………………………………………………**54**

10. Похищения и вооружённые нападения на учреждения и представителей средств массовой информации……………………………………………………………**23**

11. Незаконные тайные склады оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ…….**50**

12. Обнаруженных незаконных школ по подготовке к террористическим актам, под руководством тер. организации MIR и СП…………………………………………**13**

13. Вооружённые захваты и отнятие частных домов и квартир…………………**9.000**

14. Вооружённые покушения на гражданские учреждения, здания и др. …………**17**

15. Вооружённые столкновения и атаки на учреждения и представителей Вооружённых Сил, осуществлённые тер. организацией MIR………………………………………**10**

16. Вооружённые покушения на средства связи, железнодорожные пути и дороги, осуществлённые террористическими организациями……………………………………**14**

17. Теракты и покушения на зарубежные посольства в Чили, консульские и другие зарубежные учреждения…………… ………………………………………………**3**

18. Вооружённые покушения и нападения на предприятия, частные организации и на частных гражданских лиц…… ……………………………………………………**63**

19. Предотвращённые вооружённые покушения, организованные левыми тер. организациями………………**8**

20. Вооружённые захваты самолетов………………………**1**

21.Вооружённые нападения, ограбления, покушения и пытки, осуществлённыепредставителями личной охраны президента Альенде…………………………………**12**

22. Незаконные ввозы оружия, боеприпасов и взрывчатки (на автотранспорте и др.)…………………………**17**

23. Теракты, с использованием взрывчатых и возгорающихся веществ……………………………………**57**

Общее число терактов, совершённых левыми террористическими организациями и бандформированиями в Чили, в период между 1967 и 1973 годами…………………**45.220**

3.

М.С. КРАСНОВ-МАРЧЕНКО

Бригадир Вооружённых Сил Чили (в отставке)

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

28-01-2005

Через несколько часов я буду арестован для отбытия наказания за преступление, которое я не совершал. На обвинения, несправедливо выдвигаемые против меня, я неоднократно выдвигал аргументы, доказывающие мою невиновность. И я повторяю их сегодня, когда меня несправедливо лишают 10-ти лет моей личной свободы.

Я никогда не был знаком с господином Сандовалем, никогда его не арестовывал, никогда его не допрашивал и не пытал, не «похищал» и не лишал его жизни.

Не было приведено ни одного доказательства, юридически опровергающего вышесказанное. Только предвзятость, голые домыслы, подозрения и, помимо этого, по-видимому, какая-то злобная потребность публично подвергнуть унижению и позору, взвалив лишь на немногих лиц ответственность, которую сегодня все признают как общесоциальную и правительственную. Именно в этом заключается причина моего пленения и открытия процессов над другими солдатами, несмотря на то, что ещё вчера те же самые государственные учреждения и общество в целом отмечали нашу службу, награждали и приветствовали нас бурными, лестными, но неискренними аплодисментами.

Во время событий 1973 года и позже, все солдаты (за редким исключением) следовали приказам, согласно инструкциям, методам и подготовке, официально предоставленными нам и одобренными Государством, политическими представителями и структурами высшей и средней государственной власти. Сегодня всё это обернулось для нас, и для наших ни в чем неповинных семей, тяжелыми последствиями.

Кроме того, при исполнении нашего служебного долга мы были искренне убеждены в необходимости применения предусмотренной государством силы для противостояния противнику в операциях и условиях иррегулярной войны – как это было закреплено Положением о Национальной Обороне начиная с 1960 года. С одной стороны – это было нашим непосредственным долгом и обязанностью, не считаться с которым никто не имел права. С другой стороны – это соответствовало тому, к чему нас призывали демократические власти страны того периода.

Вооружение, техника, средства – все это было предоставлено политическим руководством страны в распоряжение военнослужащих более чем за 10 лет **до** событий 1973 года. Кроме того – цели и методы применения государственной власти в лице её Вооружённых Сил были четко определены также до этих событий. В ежегодно составляемых планах Совета Национальной Обороны (органа при Министерстве Обороны страны), существуют все необходимые документы, где в письменной форме зафиксированы все постановления, начиная по крайней мере с 1960 г.

Грубейшие ошибки и бездействие представителей политической власти, начиная с 1960 года и в последующее десятилетие, ввергли страну в бездну беспримерного социального, морального, культурного и институционального кризиса. Эта политика привела к взрыву ненависти и насилия, сдержать которое тогдашние власти оказались не в состоянии.

Политическое руководство, возглавлявшее страну в преддверии надвигавшейся катастрофы, обязало чилийскую Армию и предоставило ей соответствующие полномочия для применения силы в защиту государственной безопасности для противостояния ведущейся против страны партизанской войны, охватившей к тому времени всю Южную Америку, в том числе и Чили.

Эта иррегулярная война ожесточила идеологическую борьбу, привела к росту экстремизма и уничтожению демократии в большинстве латиноамериканских стран. Часть определённого социального спектра, представлявшего на тот момент 50% населения, приняла решение о применении насилия и оружия, чтобы решить этот конфликт в свою пользу, исходя из того, что существующая «буржуазная демократия» не предоставляла им в этом гарантий.

Эта «народная власть» взяла в руки оружие с целью установления своей абсолютной и тоталитарной власти, насильственного свержения «буржуазного государства» с его правовыми нормами и создания своего, «другого государства», основанного на марксистско-ленинской идеологии, ранее уже ввергнувшей значительную часть человечества нашей планеты в пучину катастроф и нужды.

Перед лицом этой реальной, жестокой и очевидной опасности, грозившей нашему Отечеству, чилийское Правительство в лице своих поочередно менявшихся высших представителей национальной власти самых различных политических течений, заранее соответственно заботилось о систематической подготовке Вооружённых Сил с целью противостояния противнику в условиях иррегулярной и партизанской войн.

В течение длительного времени с этой целью, согласно поставленным задачам, сотни лучших офицеров, сержантов и рядовых наших Вооружённых Сил прошли соответствующую подготовку, как в Чили, так и за рубежом. Этот процесс осуществлялся в полном соответствии с установками и постановлениями Правительства, согласно существующим законам и финансировался из государственного бюджета.

Ежегодные планы Высшего Совета Национальной Обороны (CONSUSENA), возглавляемого очередным министром Обороны страны; учения, манёвры, техника, закупки вооружений и, естественно, тренировка и инструктаж специальных подразделений – все это являлось очевидным свидетельством воли и национальной ответственности в стремлении не допустить поражения чилийского общества перед лицом подрывной деятельности и терроризма. Не допустить людских страданий, уже известных на примере других многочисленных народов мира, где царствовала вышеупомянутая бесчеловечная политическая философия. Сегодня, спустя 30 лет после национальной катастрофы и последующего восстановления свободы и достоинства чилийской нации – ни один политик, ни одна общественная структура не могут этого ни отрицать, ни уличить нас во лжи, ни игнорировать всё это, не покраснев от стыда и смущения. В частности речь идёт о тех, кто сегодня хранит заговорщическое молчание,наблюдая и пытаясь «не замечать», как их Вооружённые Силы и Органы Правоохраны подвергаются насмешкам, издевательствам и унижению, со стороны дышащих ненавистью мести и реваншизмом сил, которые фактически реально виновны в нарушении прав человека и попрании гражданских свобод на нашей Родине.

Таким образом, все необходимые меры для защиты нашей страны были предприняты. Со всех сторон раздавались аплодисменты, благодарности и комплименты. Для нас, солдат чилийской армии, верных духу нашей присяги: «Если нужно – отдать свою жизнь...» - это имело двойную и тройную ценность. Ведь применение силы от лица и от имени государственной власти и участие в предусмотренных ею операциях и акциях, и сегодня подразумевает постоянный риск и опасность (даже если речь идёт о простых учебных манёврах). Эта опасность является единственно реальной спутницей жизни такого рода мужчин. И по-другому быть и не может, так как во всём мире конечной целью любых военных действий в боевых условиях должно быть недопущение поражения и предотвращение собственной гибели, что включает в себя необходимость уничтожения противника, но – не умышленное преступное убийство.

Здесь я хочу быть предельно точным: я не подвергаю сомнению то, что было совершено отдельными, признавшими свою вину лицами, что было официально юридически доказано и признано соответствующими органами власти как преступление. Но что касается меня лично, то во время моего служебного откомандирования в ДИНА (Национальное разведывательное управление) в период с середины 1974 г. и до конца 1976 г. – ни об одной из подобных ситуаций или наличии каких-либо проступков мне не было известно.

Так же как и сейчас, подобное уже происходило в разных критических ситуациях чилийской истории. И всегда за прегрешения всего общества должны были платить солдаты. Это стало уже печальной традицией, до сих пор стыдливо скрываемой.

Для солдат не существует прав и справедливости и их можно сдавать мести вчерашнего противника. Если просмотреть нашу историю, то ожидать признания и благодарности не приходится.

Сейчас, когда угроза и опасность, похоже, миновали, всем тем, кто вчерашним большинством нас тогда не только приветствовал аплодисментами, но и призывал нас быть более жесткими и энергичными, т.к. «мягкая диктатура» для большинства казалась недостаточной – всем им теперь стало более полезно, удобно и очень легко всё это «забыть».

Мы, солдаты, привыкли по роду нашей профессии рассматривать национальное развитие через призму обязанности и долга, без внесения партийных, личных или религиозных предпочтений. С этой позиции я должен констатировать, что сегодня в Чили вновь усиливается идеологически непримиримая конфронтация. Внешне отличная от прошлой, но та же по содержанию, пытающаяся тем или иным образом расколоть общество и, используя ту или иную общественную группу, полностью доминировать и подмять под себя социальную и политическую власть. Поэтому этим силам, похоже, необходимо уже сегодня для «профилактики» подавить вооружённые силы, правосудие, «интеллектуальных критиков», а завтра – и все иные институты общества, способные еще оппонировать, но которые уже сегодня подхалимски льстят этим силам и демонстрируют свою покорность, просят их о «прощении», чтобы обезопасить себя в будущем. Но, как и всегда, левые откажутся от них, как только они им больше не понадобятся, и забудут о своих обещаниях.

Я лично, исходя из опыта жизни и понимания действительности, никогда не скрывал ни моего имени, ни моего воинского звания (в то время – лейтенанта) и считаю себя лишь одним из тех солдат, которыеубеждённо, лицом к лицу, противостояли преступникам, организованным и подготовленным в самых различных уголках мира с целью осуществления подрывных акций, нагнетания ужаса, насилия и ныне откровенно признающих ведение своей террористической деятельности задолго до вынужденного вмешательства Вооружённых Сил в политическое управление страной.

Ни я, ни один из моих тогдашних (1974 – 1976 гг.) подчинённых никогда не знали о существовании «похищенных» во время исполнения наших специфических служебных обязанностей, более того – никогда не участвовали в похищениях. Всё это вчерашние террористы прекрасно знают, но их сегодня покрывают определённые привилегированные политические и общественные силы. Это известно армии и моим командирам, моим подчинённым, судьям и моим верным и прилагающим большие усилия в моей защите адвокатам.

Сомневающимся и тем, кто привык к высказыванию не основанных на действительности мнений и к суждениями, игнорирующим правду, я предлагаю погрузиться в чтение сотен томов, содержащих детали всевозможных судебных дел, в которые меня вовлекли и «благодаря» которым я был подвергнут бесчисленным следственным и судебным процессам, основывающимся на клевете и незаконных и противоречивых показаниях. И, несмотря на это, даже какого-нибудь одного единственного обвинения в совершении какого-либо незаконного действия не доказано! Не зря же меня вот уже более 25-ти лет моей жизни беспрерывно таскают по различным судебным инстанциям – только для того, чтобы сегодня заточить по «обоснованному подозрению», существующему только лишь в головах диковинных чиновников юридической администрации, предъявляющих мне смехотворные обвинения в не существовавших, непонятных и не поддающихся разумению «постоянных похищениях».

Детальное описание с примерами этого открытого и откровенно предвзятого отношения ко мне и нарушения должностных обязанностей соответствующих лиц превратилось бы в более объемистый документ, нежели однобокие отчеты комиссий «Реттиг» и «Валех» [Прим. ред. - о совершённых военным правительством прегрешениях в 1973 – 1989 гг.]. Но я готов дополнить эти отчёты фактами и предоставить их каждому из Вас, для ознакомления.

Настоящие причины моего преследования очень далеки от того, в чём меня пытаются публично обвинить и за что взвалить ответственность. Настоящие причины хорошо известны, но по непонятным обстоятельствам умалчиваются всеми, кроме моих известных защитников, которые чётко и неоднократно заявляли о них на всех судебных заседаниях. Умалчиваются они уже названными мною учреждениями, зависимыми от исполнительной власти, несмотря на то, что эти мотивы и причины были неоднократно и публично указаны мною судьям и представителям различных средств массовой информации, о чём не стоит сейчас повторяться.

Соотечественники! Моя фамилия прославлена моими предками, которые на других географических широтах боролись и отдали свои жизни за то же дело, которое Господь возложил и на меня на жизненном пути: за свободу и достоинство человека. На меня это было возложено в этом уголке планеты. Эту судьбу я принял с достоинством и уважением, так как Чили была для меня и для моих близких в дни несчастья, горя, неопределенности и скорби великодушным убежищем от преследования и угнетения. Здесь я основал семью, здесь живут и будут жить мои потомки и друзья. Здесь живут мои старые товарищи и боевые соратники, с которыми мы выполнили возложенную на нас задачу. Здесь мой мир и моё будущее, которое с первого моего дня я неразрывно связал с будущим моей приёмной Родины.

С несколькими моими боевыми соратниками и солдатами я окажусь в лагере для военнопленных. Мы стали жертвами политической ловушки, ловкоустроенной побеждёнными нами в своё время противниками, которых сознательно или бессознательно поддерживают те, кто предпочитает сегодня занять бесчестную и недостойную позицию. Это пристанище никогда не будет для нас тюрьмой, но лагерем для военнопленных: я вновь категорически заявляю, что я не преступник и не убийца или нечто подобное. Я – солдат, которого превратили в преследуемого по политическим мотивам. Но несмотря ни на что, я не считаю себя побеждённым и не чувствую себя сломленным чилийским офицером, тем более – поверженным и лишённым достоинства казаком. Где бы я ни был, в душе мои флаги не перестают развеваться. Мы, солдаты, так или иначе, знаем, как держаться и как вести себя в лагере для военнопленных, в котором мы вынуждены временно находиться.

Сегодня мы несправедливо наказаны судьбой, руками тех, кто не может и не хочет понять стоящей перед ними задачи и лежащей на них личнойответственности. Но судьба меняется, все течёт, все изменчиво, все проходит. Скоро наступит тот день, когда Господь по ходу времени нам всем откроет правду и совершенную справедливость. Этот, возможно и не очень далёкий день мы встретим – как сегодня, так и завтра – как не утратившие непреходящих ценностей чилийские солдаты.

* В тексте сохранены особенности орфографии и пунктуации автора.

Карлос ПОРТАЛЕС АСТОРГА

адвокат

Сантьяго-де-Чили, апрель 2010 г.

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА ПРОТИВ МИГЕЛЯ КРАСНОВА-МАРЧЕНКО

Примеры нарушений действующего законодательства, которые были использованы против бригадира Вооружённых Сил Мигеля Краснова-Марченко и вследствие которых стали возможны процессы и приговоры, лишающие его свободы с отбытием наказания в Центре заключения «Кордильера», начиная с 28 января 2005 года и до настоящего времени, не считая периодических и многочисленных следственных арестов, предшествовавших вынесенным приговорам. Приведенные нарушения и злоупотребления в процессе судопроизводства повторяются и во всех процессах и приговорах, которым в настоящее время противостоит бригадир Мигель Краснов-Марченко.

I.-

Дело А

1.-**Обвинение:** «Определённые Предположения и Подозрения» в ответственности за исчезновение («Постоянное Похищение») боевика MIR, Мигеля Ангел Сандовал Родригес, который 7 января 1975 года предположительно был убит в бою представителями правоохраны, чьё тело было направлено в Судебный Медицинский Институт. В последующем похоронен на кладбище Cementerio General, как N.N., на одной из площадок - 9, 12, 25, 26, 27, 28 или 29.

2.-**Дело ROL № 2.182-78**

3.-**Судья министр** (ministro sumariante): Алехандро Солис (Alejandro Solis)

4.-**Открытие судебного процесса и следственный арест:** 10 июня 2002 г.

5.-Приговор: **10 лет и 1 день,** подтверждено Верховным

Судом, действительно с 28 февраля 2005 г.

6.- Нарушения:

- **Рес юдиката** (лат. res judicata). Дело окончательно закрыто Верховным Судом Республики в период с 1996 по 2002 гг., за отсутствиемоснований и доказательств для обвинения.
- **a) Срок давности; b) Подпадает под закон об амнистии,** действительный до настоящего времени.
- **С 04 по 12 января 1975 года,** лейтенант М.Краснов-Марченко находился в С.Ш.А. в государственной служебной командировке, вместе с другими офицерами. Существует нотариально заверенный документ, подтверждающий даты всех служебных командировок, осуществлённых лейтенантом Красновым в период исполнения своих служебных обязанностей в Национальном Разведывательном Управлении (с 1974 по 1976 гг.), в том числе документ, подготовленный адвокатом господином Карлосом Порталес Асторга, где детально описана деятельность лейтенанта Краснова в каждой из этих командировок.
- Согласно юридической резолюции приговора, упомянутый боевик исчез из места задержания, называемого «Куатро Аламос». **Подтверждено и доказано, что лейтенант Краснов там никогда не находился и не посещал это место.** Кроме того, упомянутое помещение находилось в ведении Министерства Внутренних Дел, а не ВС Чили.

Дело В

1.-**Обвинение:** «Определённые Предположения и Подозрения» в ответственности за исчезновение («Постоянное Похищение») боевика MIR и члена Центрального Комитета той же террористической организации, Дианы Арон Свилиски, предположительно 18 ноября 1974 г., предположительно убитой представителями правоохраны в бою, предположительно произошедшем в упомянутый день, чьё тело было направлено в Судебный Медицинский Институт. В последующем былапохоронена на кладбище Cementerio General, как N.N., на одной из площадок - 9, 12, 25, 26, 27, 28 или 29.

2.-**Дело ROL № 2.182-78**

3.-**Судья министр** (ministro sumariante): Алехандро Солис (Alejandro Solis)

4.-**Открытие судебного процесса и следственный арест:** 25 апреля 2002 г. - 26 лет после того, как Апелляционный Суд закрыл дело за отсутствием состава преступления, оснований и доказательств для обвинения.

5.-**Приговор: 15 лет и 1 день** (В течении 4 лет и до настоящего времени срок наказания находится на ревизии, так как судом была признана **орфографическая и числовая ошибка - в приговоре** должно было быть написано **«10 лет и 1 день».** Ответа нет до сих пор)

6.- Нарушения:

- **Рес юдиката** (лат. res judicata). **Обвинения отменены и дело окончательно закрыто** Апелляционным Судом Республики 19 марта 1976 г., за отсутствием состава преступления, оснований и доказательств для обвинения.
- **a) Срок давности; b) Подпадает под закон об амнистии,** действительный до настоящего времени.
- В период **с 16 ноября по 3 декабря 1974 г.,** лейтенант Краснов находился в Боливии, город La Paz, в государственной служебной командировке (организация встречи глав государств на международной конференции), вместе с другими офицерами. Существует нотариально заверенный документ, подтверждающий даты всех служебных командировок, осуществлённых лейтенантом Красновым в период исполнения своих служебных обязанностей в Национальном Разведывательном Управлении (с 1974 по 1976 гг.), в том числе документ, подготовленный адвокатом господином Карлосом Порталес Асторга, где детально описана деятельность лейтенанта Краснова в каждой из этих командировок.
- Согласно юридической резолюции приговора, дан-

ное лицо исчезло из места задержания, называемого «Куатро Аламос». **Подтверждено и доказано, что лейтенант Краснов никогда не находился и не посещал это место.** Кроме того, упомянутое помещение находилось в ведении Министерства Внутренних Дел, а не ВС Чили.

- **1 июня 2005 г. обвинение было снова отменено** Апелляционным Судом города Сантьяго.
- **Верховный Суд подтверждает упомянутый приговор, включая орфографическую ошибку в количестве лет лишения свободы.**

Дело С

1.-**Обвинение:** «Определённые Предположения и Подозрения» в ответственности за исчезновение («Постоянное Похищение») боевика MIR, Дагоберто Сан Мартин, произошедшее 17 декабря 1974 г., предположительно убитого представителями правоохраны в бою, предположительно произошедшем в упомянутый день, чьё тело было направлено в Судебный Медицинский Институт. В последующем былпохоронен на кладбище Cementerio General, как N.N., на одной из площадок - 9, 12, 25, 26, 27, 28 или 29.

2.-**Дело ROL № 2.182-78**

3.-**Судья министр** (ministro sumariante): Алехандро Солис (Alejandro Solis)

4.-**Открытие судебного процесса и следственный арест:** 13 июня 2002 г. - 28 лет после того, как Апелляционный Суд закрыл дело за отсутствием состава и доказательств преступления.

5.-**Приговор: 5 лет и 1 день.**

6.- Нарушения:

- **Рес юдиката** (лат. res judicata). **Дело окончательно закрыто** Апелляционным Судом Республики 29 января 1976 г., за отсутствиемоснований и доказательств для обвинения.
- **а) Срок давности; b) Подпадает под закон об амнистии,** действительный до настоящего времени.

- В этом деле бригадир Краснов был вызван на допрос **один единственный раз,** по судебному ордеру Суда № 9 города Сантьяго, подписанному госпожой Ракель Лерманда С. (Raquel Lermanda S.), для проведения очной ставки между офицером и двумя лицами, которые были задержаны одновременно с террористом (впоследствии объявленным исчезнувшим). На очной ставке **оба свидетеля заявили под присягой, что незнакомы с офицером, сидящим перед ними, при этом добавив, что им абсолютно точно известны задержавшие их лица, что они хорошо знают, куда их направили после задержания, и что лейтенант Краснов не имеет к этому никакого отношения. Результат: вынесение упомянутого выше приговора.**

Дело D

1.-**Обвинение:** «Определённые Предположения и Подозрения» в ответственности за исчезновение («Постоянное Похищение») боевика MIR, Офелио де ла Круз Лазо, произошедшее предположительно 30 июля 1974 г. который предположительно был убит представителями Вооружённых Сил в бою, произошедшем в упомянутый день и чьё тело было направлено в Судебный Медицинский Институт. В последующем похоронен на кладбище Cementerio General, как N.N., на одной из площадок - 9, 12, 25, 26, 27, 28 или 29.

2.-**Дело ROL № 2.182-78**

3.-**Судья министр** (ministro sumariante): Эдуардо Фуэнтес (Eduardo Fuentes)

4.-**Приговор: 3 года**

5.- Нарушения:

- **Рес юдиката** (лат. res judicata). **Дело окончательно закрыто** Верховным Судом Республики. Это дело было включено в специальный процесс ROL № 553-78 и было закрыто Военным Судом №2, 30 ноября 1989 г; после этого дело было закрыто Военным Трибуналом, 24 января 1992 г.; после ознакомления и отказа апелляции №6959, представленной потерпевшей стороной, и, в конце концов, дело закрыто окончательно Верховным Судом, 27 декабря 1994 г. Несмотря на это, дело было незаконно реактивировано в Суде № 9 города Сантьяго, судьёй Ракель Лерманда С. (Raquel Lermanda S.) 14 августа 2000 г. - более чем 6 лет спустя после окончательного закрытия дела Верховным Судом. Необъяснимо. Стоит отметить, что специальный процесс ROL № 553-78, предусматривает окончательное закрытие Верховным Судом Республики 90 (девяносто) процессов, из которых 20 (двадцать) были в последующем реактивированы против бригадира Краснова, воплотившись в настоящее время в процессы и приговоры.

- **а) Срок давности; b) Подпадает под закон об амнистии,** действительный до настоящего времени.
- В то время в звании лейтенанта Краснов, как прикомандированный от Вооружённых Сил, официально и физически представился для исполнения своих служебных обязанностей в Национальном Разведывательном Управлении **01 августа 1974 года.** Существует нотариальный документ, подтверждающий точную дату приступления к своим обязанностям упомянутого офицера в структуре Службы Безопасности. Этот документ был своевременно предоставлен в Трибуналах. Оригинал этого документа хранится на руках у адвоката защиты, господина Карлоса Порталес Асторга.

Дело Е

1.-**Обвинение:** «Определённые Предположения и Подозрения» в ответственности за убийство боевика MIR, Луми Видела Мойя, члена Центрального Комитета той же террористической организации, тело которой было предположительно заброшено на территорию Посольства Италии в Чили представителями чилийской правоохраны 4 ноября 1974 г. Существуют сведения, что Луми Видела Мойя была убита своими же товарищами-боевиками по приговору упомянутой выше террористической организации MIR посчитавшими, что Луми Видела сотрудничала со службой безопасности и представителями правоохраны тех лет.

2.-**Дело ROL № 2.182-78**

3.-**Судья министр** (ministro sumariante): Алехандро Солис (Alejandro Solis)

4.-**Приговор: 5 лет и 1 день. И дополнительно - 10 лет, за предполагаемое исчезновение мужа упомянутой террористки.**

5.- Нарушения:

- **Рес юдиката** (лат. res judicata). Дело окончательно закрыто Апелляционным Судом города Сантьяго 7 апреля 1983 г.
- **а) Срок давности; b) Подпадает под закон об амнистии,** действительный до настоящего времени.
- **Дело незаконно реактивировано** к процессу судьёй Алехандро Солис (Alejandro Solis) 27 февраля 2006 г. - 23 года спустя после полного закрытия дела Апелляционным Судом города Сантьяго.
- Бригадир М. Краснов-Марченко **никогда не был допрошен по этому делу.**
- В ходе одного из допросов, организованных судьёй Марией Инес Коллинс (Maria Ines Collins) Уголовного Суда №8 города Сантьяго и не имевшему отношения к этому делу, бригадир Краснов имел очную ставку с братом упомянутой террористки Луми Видела Мойя, господином Сантьяго Видела Мойя - бывшим членом политической комиссии террористической организации MIR. При этом брат погибшей дал показания лично судье Марии Инес Коллинс (Maria Ines Collins), утверждая, что ему совершенно точно известно: кем, когда и при каких обстоятельствах было совершено убийство его сестры. Свидетель заявил, что как сидящий перед ним офицер, так и его подчинённые, не имеют никакой причастности к смерти Луми Видела Мойя, его сестры. Более того - свидетель предоставил имена лиц, предположительно действительно ответственных за это преступление.
- Существует документ, предоставленный судье Коллинс бывшим адвокатом бригадира Краснова,

господином Густаво Промис Баеза. Этот документ содержит сведения, полученные от одного из представителей Национального Разведывательного Управления, и в нем детально описаны обстоятельства, при которых погибла Луми Видела Мойя. Тем самым данный документ полностью снимает подозрения и вину с господина Краснова. Этот документ так же не был принят во внимание следствием. Копия упомянутого документа находитсяв распоряжении адвоката господина Карлоса Порталес.

II. - ВЫВОДЫ

А.- Нарушения и незаконность в юридических делах, детально описанные выше, одинаковы и имеют место во всех приговорах и процессах, к которым до настоящего времени был привлечён бригадир Мигель Краснов-Марченко.

В.- Бригадир Краснов никогда не был приглашён для дачи показаний или допрошен назначенным министром-судьёй Алехандро Солис, хотя он является магистратом, вынесшим наибольшее число приговоров и возглавляющим большинство процессов против упомянутого офицера. Алехандро Солис основывается в своих резолюциях только на сведениях, которые ему были предоставлены судьями исключительного посвящения, первоначально открывшими различные процессы. Указанные судьи в свою очередь никогда не придерживались установленного Законом и Конституцией судопроизводства.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ В РОССИИ

После двадцатилетнего периода правления Коалиции (Concertacion), возглавляемой Социалистической и Демократической партиями республики Чили, в результате выборов 2010 года к власти в стране пришли консервативные и правоцентристские партии “Альянса за Чили” (Alianza por Chile) – «Национальное Возрождение» (Renovación Nacional) и «Независимый Демократический Союз» (Unión Demócrata Independiente).Но, тем не менее, на ноябрь месяц 2010 года юридическая ситуация вокруг дел Михаила Семёновича Краснова осталась без всякого изменения – абсолютно такой же, как и при заключении его под стражу в 2005 году.

Никто не ставит под сомнение приговоры, вынесенные в отношении части осуждённых, действительно понесших наказание за совершение преступлений, что было юридически доказано. Нужно подчеркнуть, что речь в данном случае идёт именно и только о М.С.Краснове и его персональной юридической ситуации. Ведь здесь совершенно другой случай, связанный с нарушением со стороны судебной системы множества действующих на сегодняшний день в Чили правовых норм. Ни одно из обвинений в делах против М.С.Краснова не было доказано и юридически обосновано, и, в то же время, не принимались и не принимаются во внимание многочисленные доказательства его полной невиновности. Все приговоры по делам Краснова юридически несостоятельны и не выдерживают ни малейшей критики.

Детальный перечень допущенных вопиющих юридических нарушений в делопроизводстве и вынесении приговоров на процессах Краснова дан адвокатом Карлосом Порталес Асторга в приложении. Добавить можно только одно - в разборе дел Краснова для признания его невиновности нет необходимости вносить какие-либо изменения или специальные поправки в законодательство республики Чили, нет также необходимости подавать прошения о помиловании или прощении.

На основе документов, предоставленных адвокатом Карлосом Порталес Асторга можно сделать вывод, что невиновность М.С. Краснова имеет полное юридическое и правовое обоснование, согласно существующим и действующим в настоящее время законам Чили,а также международным соглашениям и договорам.

Бригадир запаса М.С.Краснов с честью и блестящим образом выполнял свои обязанности в полном соответствии с Военным уставом и Конституцией республики Чили, на протяжении всей своей карьеры в качестве военнослужащего чилийских Вооружённых Сил, включая периоды правления демократических президентов Патрисио Эйлвина и Эдуардо Фрея, за что был неоднократно отмечен правительством и командованием Вооружённых Сил.Его невиновность не вызывает сомнений ни у кого, кто составил себе труд вникнуть в суть предъявляемых ему обвинений.

Дело остаётся за нынешним президентом и правительством Чили – хочется верить, что у представителей правящей элиты страны хватит решимости восстановить справедливость. Для этого нужна всего лишь элементарная объективность и политическая воля. Сохранение нынешней ситуации и попытки «законсервировать» проблему ценой заточения невиновных – ничего не даст, кроме установления в обществе совершенно уродливой моральной атмосферы, в которой искажены понятия о добре и зле. Без полной реабилитации Краснова и других невинно осуждённых военнослужащих невозможно нормальное политическое развитие страны. Это могло бы послужить началом восстановления правды о периоде военного правления и переоценки переписанной левыми силами на свой лад истории тех лет. Пока это не будет сделано, позиции деструктивных сил в обществе будут только усиливаться,будет углубляться раскол в нём, что в конечном итоге может привести к кризису, подобному тому, что пережила страна в 1970 – 1973 годах. Неужели уроки истории никого ничему не учат?

Р.А. Гаврилов, кубанский казак (Чили).

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции..............

Вступление....................

I часть: Военная каста.......................
Фамилия Краснов........................
Красновы во Второй Мировой Войне...................
Лиенц: история одного предательства...........................
Краткие выводы...........................
Гибель Красновых.....................
Божья Воля........................

II часть: Казак с чилийской душой...........................
На пути к новому предназначению......................
Воспоминания о детстве..................................
Зов крови..................................
Семейная и профессиональная жизнь в дни неопределённости..
11 сентября 1973..
В Национальном Разведывательном управлении...........
Лицом к лицу со смертью.................
Зловещее лицо терроризма..............
Командировки и профессиональные успехи............
Возвращение казаков............................

III часть: Победить в войне и потерпеть поражение в мире..
Месть............................
Небольшое отступление: свидетель, прибывший из Лондона............................
В тюрьме...
Почему битва за мир была проиграна?.....................
Верность..

ПРИЛОЖЕНИЕ...

Послесловие к первому изданию в России..................